

ПОПРОСИ МЕНЯ

МАТРИАРХАТ
ПУТЬ ВОСХОЖДЕНИЯ
НИЗОСТЬ И ВЕРШИНА ПРИРОДЫ СТУПЕНЧАТОСТИ
И СТУПЕНЬ КАК АКСИОМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ЦАРСТВА
СВОБОДЫ

КНИГА 7

18+

Александр Васильевич Атрошенко

Попроси меня. Т. VII

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72215128

SelfPub; 2025

Аннотация

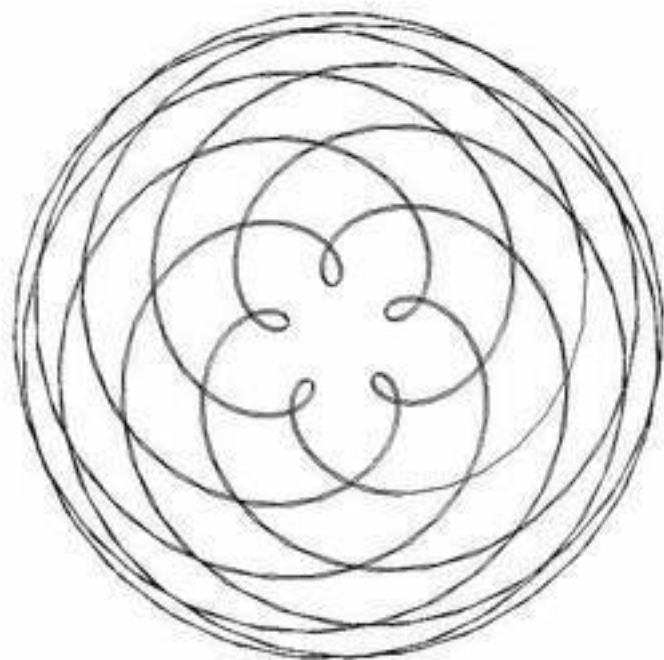
Книга повествует о правлениях императоров Александра III и Николая II. Проводится исследование философских мировоззрений XIX века и внимательное рассмотрение "Капитала" К. Маркса.

Содержание

АЛЕКСАНДР III АЛЕКСАНДРОВИЧ	10
ТВОРЧЕСТВО И ЭВОЛЮЦИЯ	130
Конец ознакомительного фрагмента.	255

Александр Атрошенко
Попроси меня. Т. VII

ПУТЬ РОССИИ

Повествование разворачивает события истории России с позиции взаимоотношений человека с Богом. Автор поднимает исторические факты, которые до сих пор не были раскрыты академической школой, анализирует их с точки зрения христианской философии. Например, образование Руси, имеющей два основания – духовное и политическое, крещение, произошедшее далеко не в привычной интерпретации современной исторической наукой, которое следует правильнее обозначить крещением в омоложение, чем в спасение, в справедливость, чем в милость, «сумасшествие» Ивана IV Грозного, который всей своей силой олицетворял это русское крещение, вылившееся затем все это в сумасшествие Смутного времени, реформатор Никон, искавший не новых начал, а старых взаимоотношений. Показывается, как русская система сопротивляется силе ее цивилизующей, впадая тем в состояние, точно сказанное классиком – «шаг вперед, и два назад» – в свою молодость, чему яркое подтверждение служит деспотичное и в то же время реформаторское правление Петра I, а затем развернувшаяся морально-политическая эпопея трилогии в лице Петра III, Екатерины II и Павла I. В представленной публикации приводится разбор появления материализма как закономерный итог увлечения сверхъестественным и анализ марксистского «Капитала», ставшее основанием наступившей в XX в. в Во-

сточной Европе (России) «новой» эры – необычайной молодости высшей фазы общественной справедливости в идеальном воплощении состояния высокого достоинства кристаллизованного матриархата.

Книга повествует о правлениях императоров Александра III и Николая II. Проводит разбор философских мировоззрений XIX века и внимательно рассматривает «Капитал» К. Маркса, ставшего в XX веке основой политической системы Советского Союза.

ПОПРОСИ МЕНЯ

7

***ИСТОРИЯ РОССИИ И МИРА
В ФАКТОРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ
ПРИРОДЫ БЫТИЯ, И ВМЕШАТЕЛЬСТВО
В ЭТОТ МИР ИЗОЛЯЦИОНИЗМА
БОГА-ТВОРЦА***

Я Господь, от начала до конца Я,
Я первый и последний. Я — Бог
ревнитель. Я скажу, Я определю, и
не раскаяюсь в том, и не отступлю
от того. Слово — закон. Я Господь,
и это мое имя.

Я основал мир, Своим помыслом,
распростер небеса, создал землю, сот-
ворил человека, ввел море, и опре-
делил ей меру. Я, Господь сделал это.

Я творю свет и произвожу тьму,
даю и отнимаю, питаю и насыщаю,
устраиваю и разрушаю, предсказываю
и исполняю. Я делаю это, Я — Господь,
и нет Господа кроме меня.

Ты отступила от меня, блуждаешь
во тьме. Мелы пугаешься, как свет не
идешь. Разбился лоб, во укорствуешь.

Долго ли скитаться тебе? На что
надеешься? Страхнись меня подобно
блуднице, сходяживавшей свою мерзость.
Что же ты боишься? Законов ли Моих?
А кто Я запрещаю? Меня лишь чтят.
Ты уповаешь на себя, на силы рук своих.
Вот Я говорю не тайно немощным
посвященным, не на ухо пустынникам,
но открыто и во всеулышание, что от
века Я спасаю и благословляю, на-
полняю мир святым, Я, и никто

АЛЕКСАНДР III АЛЕКСАНДРОВИЧ

*ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШИМ СЕРДЦЕМ ЗА
ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ТРАДИЦИОННОСТИ – ЧИСТОТЫ
РОССИЙСКОГО ПАТРИОТИЗМА.
РОСТ СТАЧЕЧНОГО ДВИЖЕНИЯ.
ПОЯВЛЕНИЕ МАРКСИЗМА*

Место российского трона 1 марта 1881 г. занял второй сын Александра II, тридцати шестилетний Александр III. Александр Александрович родился в Аничковом дворце в Санкт-Петербурге 26 февраля 1845 г., он был третьим ребенком и вторым сыном в семье императора. Александр не был наследником престола и воспитывался не как будущий император, а как великий князь, главным образом для военной карьеры. Воспитание его, как и прочих своих сыновей, Александр II поручил генерал – адъютанту Н.В. Зинovieву. С 1860 г. воспитанием великих князей Александра и Владимира перешло к генерал-адъютанту Б.А. Перовско-

му. В числе преподавателей у Александра были такие известные ученые того времени: А.И. Чивилев, – профессор Московского университета, доктор политической экономии, на нем лежало и общее руководство по образованию Александра; курсы русского и немецкого языков, а также истории и географии читал академик Я.К. Грот., также были приглашены Ф.И. Бунаев, И.К. Бабей, К.П. Победоносцев, сыгравший впоследствии столь важную роль в царствовании Александра, и другие. В науках молодой Александр Александрович не блистал, хотя и не был нерадивым учеником. Победоносцев как-то очень точно отметил, что у его воспитанника «бедность сведений, или, лучше сказать, бедность идей, удивительная»¹. В семье Александра называли «монсом», «бульдогом» и «бычком», прозвища, относящиеся скорее к характеру за его неуклюжесть и застенчивость, поскольку в молодости Александр был обычного телосложения.

1867 г. А.А. Половцов отмечал в дневнике, что «при жизни старшего его брата покойного великого князя Николая Александровича воспитание Александра Александровича было очень пренебрежено; его считали менее одарённым и, имея пред глазами опыт великого князя Константина Николаевича, считающего себя умнее и образованнее царствующего брата, направили занятия великого князя Александра

¹ Геллер М.Я. История Российской империи. В 3-х томах. Т. 3. Москва, МИК, 1997, стр. 150.

Александровича преимущественно на военное дело»². О том же писал впоследствии в своих мемуарах и граф С.Д. Шереметев. А князь Н.А. Орлов ещё 21 июля 1865 г. сообщал новому наследнику престола, что «все реакционеры возлагают на Вас большие надежды»: «Думают, что Вы страшный охотник до разводов и учений, и что поэтому Вы бросите всё остальное»³.

Военные науки играли большую роль в воспитании Александра III. Со дня своего рождения он был зачислен в списки полков лейб-гвардии: Павловского, затем Преображенского, Гусарского и назначен шефом двенадцатого гренадерского Астраханского полка. Впоследствии состоял шефом девяти полков, числился в списках 17-го драгунского Нижегородского полка. За несколько дней до кончины цесаревича Николая Александровича Половцов писал в дневнике, что несмотря на неподготовленность вел. кн. Александра Александровича «к ожидающим его великим занятиям» и отсутствие у него склонности к серьёзным трудам, «Государь чрезвычайно его любит и даже балует». «На днях, – сообщал он, – граф Перовский, заведывающий воспитанием великого князя Александра Александровича, жаловался Государю на то, что воспитанник его груб с своими преподавателями. Государь шутливо взял его за ухо и поцеловал, сказав "Ах ты

² ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 7, л. 24 об.

³ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 944, л. 7 об.

мой повеса!"»⁴

12 апреля 1865 г. в Ницце внезапно скончался старший брат, наследник престола Николай Александрович, и право на престол перешло к Александру. Зимой 1865 г. он посвятил дополнительному своему образованию, слушая лекции К.П. Победоносцева по законоведению и Ф.Г. Тернера по финансовым наукам. Курс истории ему читал известный историк С.М. Соловьев, автор 29-томного труда «Истории России с древнейших времен». Курс Соловьева окончательно сформировал у молодого Александра любовь к российской истории. Уже в 1866 г. при активном участии царевича было создано Императорское Историческое общество, которое и позже оставалось под его почетным президентством и покровительством. Много лет собирал он картины русских мастеров, позже составившие основу собрания Русского музея в Санкт-Петербурге, при нем в Москве архитектором В.О. Шервудом было закончено строительство здания исторического музея, которое, впрочем, не пришлось по духу современникам за свой «неорусский» или «псевдорусский» стиль.

После смерти старшего сына император Александр II начинает приобщать Александра к государственным делам, приглашать на доклады министров, направлять на ознакомление официальные документы, что бы царевич высказал о них собственное мнение. Наследник получает множество новых, формальных и реальных, назначений. Он становится

⁴ ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 4, л. 79.

генерал-майором Свиты Его Императорского Величества и атаманом всех казачьих войск России, в 1868 г. – членом Государственного совета, Комитета и Совета Министров. Известность великому князю принес пост Председателя особого комитета по сбору и распределению пособий, голодающим вследствие неурожая 1868 г.

После выстрела Каракозова цесаревичу приходилось считаться с тем, что он может в любой момент взойти на престол. После покушения на Александра II в Париже 25 мая 1867 г. он доверительно сообщал о своих переживаниях матери: «Прошлогоднее 4-го апреля и этот день никогда не выйдут у меня из памяти, это были ужасные испытания для моего бедного сердца. Уже 2 раза висела над моей головой страшная обязанность, и можешь себе представить, милая Ма, что я должен был перечувствовать в эти минуты... Папа говорил несколько раз, что если ему суждено предстать перед Господом, он готов, а я получаю всю ужасную обузу, которую хотел бы отдалить, сколько возможно, от меня»⁵.

Александр II постоянно внушал сыну, что долг самодержца является «страшной обузой», которую нужно нести во что бы то ни стало. Ещё весной 1866 г., когда цесаревич, влюблённый в княжну М.Э. Мещерскую, сделал попытку отказаться не только от сватовства к датской принцессе Дагмаре, но и от престола, у императора в раздражении вырвалась фраза, которую наследник занёс в дневник: «Что ж ты дума-

⁵ ГА РФ, ф. 641, оп. 1, д. 115, л. 78-78 об.

ешь, что я по своей охоте на этом месте, разве так ты должен смотреть на своё призвание?»⁶ Обосновывая свои требования, император ссылался на авторитет Николая I, настаивавшего на том, что каждая минута жизни наследника престола «должна быть посвящена матушке России»⁷.

28 октября 1866 г. Александр вступил в брак с бывшей невестой Николая, принцессой Софией-Фредерикой-Дагмарой, дочерью Датского короля Христиана IX, получившая в православии имя Мария Фёдоровна. Несомненно, брак был и по симпатии, и по расчету: молодые приглянулись друг другу, и обе царствующие династии были заинтересованы в укреплении родственных связей, но более стремились породниться Романовы, поскольку Датский королевский дом состоял в родственных отношениях с английской, немецкой, греческой и норвежской царствующими фамилиями. Во дворце у цесаревича появился роман с фрейлиной своей матери, княжной Марией Мещерской. Чувства были настолько большие, что в 1866 г. Александр даже отказался от престола, чтобы сохранить Мещерскую, о чем имел крайне тяжелый разговор с отцом. Император жестко приказал сыну забыть о своей любви и жениться на Дагмаре. 11 июня царевич, наконец, сделал принцессе предложение. Тогда же в Копенгагене состоялась их помолвка (о своей «милой Дусеньке», как называл Александр Машу Мещерскую в своем дневнике,

⁶ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 299, с. 80.

⁷ Там же, д. 669, л. 40, 41 об.

он услышал еще дважды: в 1867 г. она выйдет замуж, через год во время родов в возрасте 24 лет она умрет).

Женившись, молодые жили на небольшом расстоянии от шумного двора, в Аничковом дворце, всюду появлялись вместе, даже на военных парадах. У них родилось шестеро детей, сыновья – Николай, Александр, Георгий, Михаил, дочери – Ксения и Ольга. Александр писал Победоносцеву: «Рождение детей есть самая радостная минута жизни и описать ее невозможно, потому что это совершенно особое чувство, которое не похоже ни на какое другое»⁸. В глазах обществу Александр пользовался репутацией примерного семьянина. Александр охотно занимался музыкой и участвовал в домашних концертах, играл на валторне и «басу». Из детей он больше всего любил Мишу и позволял ему подшучивать над собой. В воспоминаниях одного из современников близкого ко двору, находим такой эпизод. Александр III находился с семьей в селе Ильинском в гостях у брата Сергея. «Взрослые сидели на террасе, уставленной цветами, а Миша копался внизу, в песке. Взяв лейку с водой, бывшую случайно возле него, Александр крикнул: "Ну-ка, Миша, становись сюда!" Миша стал под террасой, и отец вылил ему на голову немного воды. Все посмеялись и хотели уже послать мальчика переодеваться, как он потребовал, чтобы

⁸ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т. 1. Полутом 2. Выпуск 3. Предис. М.Н. Покровского. Москва, Петроград, Госиздат, 1923, стр. 1008.

его место занял отец. Делать нечего, Александр сошел с террасы, а Миша, завладев наверху лейкой, все ее содержимое отправил на блестящую на солнце лысину царя, после чего оба отправились менять свои туалеты»⁹.

В быту Александр III был прост и скромен. По свидетельству Витте, во время поездки императора по Юго-Западной железной дороге Сергею Юльевичу постоянно приходилось видеть, как камердинер Александра III Котов штопал рваные штаны царя.

Будучи наследником, Александр любил выпить. Дело доходило до настоящих запоев, от которых его впоследствии вылечил С.П. Боткин. Но пристрастие осталось. Вместе со своим собутыльником начальником его охраны генералом П.А. Черевиным Александр выпивал втихомолку и развлекался очень своеобразно. «Государь выпить любил, но "во благовремении". – рассказывает Черевин. – Он мог выпить много без всяких признаков опьянения, кроме того, что делался необычно в духе – весел и шаловлив, как ребенок. Утром и днем он был очень осторожен относительно хмельных напитков, стараясь сохранить свежую голову для работы, и, только очистив все очередные занятия впредь до завтрашних докладов, позволял себе угоститься, как следует, по мере желания и потребности. На дворцовых средах он дер-

⁹ Голос минувшаго. 1917. № 4. Москва. Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования. В.П. Обнинский. Последний самодержец. (Материалы для характеристики Николая II). Москва. 1917. С. 42.

жится, бывало, пока не схлынет лишний чужой народ, а – когда останутся свои – тут начнет шалить и забавляться. Ляжет на спину на пол и болтает руками и ногами. И кто мимо идет из мужчин, в особенности детей, норовит поймать за ногу и повалить. Только по этому признаку и догадывались, что он навеселе»¹⁰.

Современники отмечали и несдержанность Александра III. Выражения «скотина», «каналья» являлись для него

¹⁰ Голос минавшего. 1917. № 5-6. Москва. Черевин и Александр III. С. 99. «К концу восьмидесятых годов врачи ему совершенно запретили пить и так напугали царицу всякими угрозами, что она внимательнейшим образом начала следить за нами (т.-е. за мужем и за Черевиным, как его другом и человеком прославленно пьяной репутации). Сам же государь запрещения врачей в грош не ставил, а обходиться без спиртного ему с непривычки, при его росте и дородстве, было тяжело. На средах императрица, словно надзирательница какая-нибудь, раз десять пройдет мимо его карточного стола, – видит, что около мужа нет никакого напитка, и спокойно, счастливая, уходит... А, между тем, к концу вечера – глядь – его величество уже опять изволишь барахтаться на спинке, и лапками болтает, и визжит от удовольствия... Царица только в изумлении брови поднимает, потому что не понимает, откуда и когда это взялось? Она же все время следила! ... – А мы с ним, – лукаво улыбается Черевин, – мы с его величеством умудрились: сапоги с такими особыми голенищами заказывали, чтобы входила в них плоская фляжка коньяку, вместительностью в бутылку... Царица подле нас – мы сидим смиренненько, играем, как пайныки. Отошла оно подальше, – мы переглядываемся, – раз, два, три! – вытащим фляжки, пососем, и опять, как ни в чем не бывало... Ужасно ему это забава нравилась... Конечно, не столько ему коньяк был нужен, сколько заманило это его: как, мол, вот, он царь, самодержец и прочее, а будто бы жены боится и должен от нея в выпивке скрываться, как какой-нибудь армейский обер-офицер... В роде игры... И называлось это у нас: "голь на выдумки хитра"... Раз, два, три! – Хитра гол, Черевин? – Хитра, ваше величество!.. Раз, два, три!.. и сосем...» (С. 99-100).

обычными словами. В своем дневнике А.В. Богданович, со ссылкой на П.А. Монтеверди, редактора «Петербургской газеты», пишет, что «когда еще государь не был наследником, его приближенные радовались, что не он будет царем – такой свирепый характер он проявлял»¹¹.

Великий князь Александр Михайлович передает интересные моменты, связанные с императором:

«Александра III все боялись, как огня.

– Перестань разыгрывать Царя, – телеграфировал Александр III тому же самому Сергею Александровичу в Москву.

– Выкинуть эту свинью, – написал Царь на всеподданнейшем докладе, в котором описывались скандальные действия одного сановника, занимавшего ответственный пост, который ухаживал за чужой женой.

– Когда Русский Царь удит рыбу, Европа может подождать, – ответил он одному министру, который настаивал в Гатчине, чтобы Александр III принял немедленно посла какой-то великой державы.

Однажды какой-то чрезмерно честолюбивый министр угрожал отставкой Самодержцу. В ответ на эти угрозы Царь

¹¹ Богданович А.В. Три последних императора. Дневник А.В. Богдановича. Москва / Ленинград, изд. Л.Д. Френкель, 1924, стр. 151. «Затем все эти слухи умолкли, характер его смягчился, но теперь, видно, снова наступила реакция, которую Монтеверде приветствует, так как наше общество так сгнило за последнее время, что его нужно круто взять в руки. Говорил, что у нашего царя есть задатки, что он будет Иоанном Грозным и это слава богу. От себя скажу, что не дай бог, так как теперь не те времена» (С. 151).

взял его за шиворот и, тряся, как щенка, заметил:

– Придержите ка ваш язык! Когда я захочу вас выбросить, вы услышите от меня об этом в очень определенных выражениях.

Когда Вильгельм II предложил Александру III "поделить мир между Россией и Германией", Царь ответил:

– Не веди себя, Вилли, как танцующий дервиш. Полюбуйся на себя в зеркало.

Часть этих изречений доподлинно исторична, другая прибавлена и разукрашена людской молвой»¹².

¹² Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Прил. к «Иллюстрированной России». Paris, LEV, 1933, стр. 173-174. Эмигрант, князь П. Ишеев пишет в «Воспоминаниях»: «Спокойный, закрытый рейд у Котки, усеянный небольшими островками, населенными флегматичными финнами, преимущественно рыбаками, был очень удобен для наших занятий. С корабля была видна массивная, деревянная дача Александра III, куда Император приезжал на рыбную ловлю и откуда последовала историческая депеша Царя: "Когда русский Император удит, Европа может подождать". Такого множества всякой рыбы, которая была в шкерах, я никогда больше, в своей жизни, нигде не видел. За бортом корабля, у рукава с отбросами, ее кишела целая масса. И каких пород мы здесь только не наблюдали? ... Вспоминается, как раз, будучи на одном из островов, мы наблюдали за финном, который сидел в лодке и, попрыгивая трубкой, спокойно накручивал ногами конец от невода, подтягивая его к лодке. Вдруг показалась огромная рыба, которая затем с такой силой вскочила в лодку, что чуть не выбросила из нее финна. Но он не растерялся, моментально схватил большую деревянную колотушку, вскочил верхом на рыбу и стал наносить ей удары по голове. Оглушив таким образом это "чудовище", он выволок его на берег. Сбежалось все население этого островка, от мала до велика, выражая свою радость и предвкушая хороший заработок. Это был чудовищной величины лосось, редкость не только для нас, но очевидно и для самих финнов» (Ишеев П.П. Осколки прошлого. Воспоминания, 1889-1959. Нью-Йорк, 1959, стр. 36).

«На большом обеде в Зимнем Дворце, сидя за столом напротив Царя, посол начал обсуждать докучливый балканский вопрос. Царь делал вид что не замечает его раздраженного тона. Посол разгорячился и даже намекнул на возможность, что Австрия мобилизует два или три корпуса. Не изменяя своего полунасмешливого выражения, Император Александр III взял вилку, согнул ее петлей и бросил по направлению к прибору австрийского дипломата:

– Вот, что я сделаю с вашими, двумя или тремя мобилизованными корпусами, – спокойно сказал Царь.

– Во всем свете у нас только 2 верных союзника, – любил он говорить своим министрам: – наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас.

Это мнение Александр III выразил однажды в очень откровенной форме на обеде, данном в честь прибывшего в Россию Князя Николая Черногорского, в присутствии всего дипломатического корпуса. Подняв бокал за здоровье своего гостя, Александр III провозгласил следующий тост:

– Я пью за здоровье моего друга, князя Николая Черногорского, единого искреннего и верного союзника России вне ее территории.

Присутствовавший Гирс открыл рот от изумления; дипломаты побледнели. Лондонский "Таймс" писал на другое утро "об удивительной речи, произнесенной русским Императором, идущей вразрез со всеми традициями в сношениях

между дружественными державами".

Но в то время, как Европа все еще обсуждала последствия инцидента под Кушкой, русское Императорское правительство сделало новое заявление, заставившее лондонский кабинет запросить по телеграфу Петербург о достоверности полученной в Лондоне ноты. Не признавая условия позорного Парижского мира 1855 г., по которому России было запрещено иметь на Черном море военный флот, Александр III решил спустить на воду несколько военных кораблей именно в Севастополе, где коалиция европейских держав унизила русское имя в 1856 г. Царь выбрал для этого чрезвычайно благоприятный момент, когда никто из европейских держав, за исключением Англии, не был склонен угрожать войною России. Турция еще помнила урок 1877-1878 гг. Австрия была связана политикой Бисмарка, который мечтал заключить с Россией союз. Проект Железного Канцлера был бы несомненно осуществлен, если бы Александр III не чувствовал бы личной неприязни к молодому неуравновешенному германскому императору, а Вильгельм II и его "Овенгалли" – Бисмарк – не могли понять характера русского Императора. Во время их визита в С.-Петербург они оба вели себя совершенно невозможно. Вильгельм II держал громкие речи, а Бисмарк позволил себе прочесть Александру III целую лекцию об искусстве управления Империей. Все это окончилось плохо. Бисмарку объявили выговор, а Вильгельма высмеяли. Оба монарха – русский и германский – представляли

своими личностями разительный контраст. Вильгельм – жестикулирующей, бегающей взад и вперед, повышающий голос и извергающий целый арсенал международных планов; Александр III – холодный, сдержанный, внешне, как бы забавляющийся экспансивностью германского императора, но в глубине души возмущенный его поверхностными суждениями»¹³.

По отзывам современников Александра III не отличался большим умом, зато имел «большое» сердце. Начальник Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистов, в целом положительно относившейся к императору, не очень высоко оценивал его умственные способности: «Нельзя отрицать, что в интеллектуальном отношении государь Александр Александрович представлял собой весьма незначительную величину – плоть уж чересчур преобладала в нем над духом... Нередко случалось ему высказывать очень здравые мысли, а наряду с ними такие, которые поражали своей чисто детской наивностью и простодушием»¹⁴. Даже почитатель Александра III министр финансов С.Ю. Витте вынужден был признать, что «император Александр III был совершенно обыденного ума, пожалуй, можно сказать, ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего

¹³ Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Прил. к «Иллюстрированной России». Paris, LEV, 1933, стр. 68-69.

¹⁴ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. Воспоминание. 1848-1896. Вступ. ст. А.Е. Преснякова, Ю.Г. Оксмана. Москва, Новости, 1991, стр. 215-216.

образования». «Император Александр III был человек сравнительно небольшого образования, можно сказать, он был человеком ординарного образования. Но вот с чем я не могу согласиться и что часто мне приходилось слышать, это с тем, что император Александр III не был умным. Надо условиться, что подразумевать под словом ум: может быть, у императора Александра III был небольшой ум – рассудка, но у него был громадный выдающийся ум – сердца; это своего рода ум, присутствие которого часто, в особенности в положении лиц, которым приходится умом предвидеть, предчувствовать и предопределять, несравненно важнее ума рассудка. Наконец, у императора Александра III было совершенно выдающееся благородство и чистота сердца, чистота нравов и помышлений. Как семьянин – это был образцовый семьянин; как начальник и хозяин – это был образцовый начальник, образцовый хозяин. У него никогда слово не расходилось с делом. Он мог относительно того, в чем он был не уверен, не высказать, смолчать, ожидать; но если что-нибудь он сказал, то на его слово можно было рассчитывать, как на каменную гору. / Вследствие этого император Александр III пользовался, с одной стороны, общим доверием и уважением всех своих приближенных, а с другой стороны, что гораздо еще важнее – уважением и доверием всего света»¹⁵.

Вероятно, «обыденность ума», отсутствие каких бы то ни

¹⁵ Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III. (1849-1894). Т. III. Ленинград, Госиздат, 1924, стр. 154, 334.

было «военных талантов», а также привязанность к спиритному, являлись причинами того, что Александра II отсоветовали назначать наследника главнокомандующим всей армией во время русско-турецкой войны. Александру была поручена скромная должность командира Руцукского отряда. Главнокомандующий же великий князь Николай Николаевич, дядя Александра, поручил ему охранять дорогу от переправы через Дунай у Систово к Тырново. Отряд почти не принимал участия в боевых операциях, представления к наградам офицеров отряда игнорировались. Один из спутников Александра, граф С. Шувалов, писал в дневнике: «Очень жаль царевича; тяжелое его положение»¹⁶.

После вступления Александра на престол, для облегчения его труда в министерствах была заведена практика сопровождать каждый письменный доклад, ежедневно направлявшийся императору, коротенькой запиской, излагавшей суть дела.

В тот миг, когда скончался Александр II, «мы все опустились на колени. – пишет вел. кн. Александр Михайлович. – Влево от меня стоял новый Император. Странная перемена произошла в нем в этот миг. Это не был тот самый Цесаревич Александр Александрович, который любил забавлять маленьких друзей своего сына Никки тем, что разрывал руками колоду карт или же завязывал узлом железный прут. В

¹⁶ Чулков Г.И. Императоры. Психологические портреты. Москва – Ленинград, тип. Госиздата «Красный пролетарий», 1928, стр. 344.

пять минут он совершенно преобразился. Что-то несоизмеримо большее, чем простое сознание обязанностей монарха, осветило его тяжелую фигуру. Какой-то огонь святого мужества загорелся в его спокойных глазах. Он встал.

– Ваше Величество имеете какия-нибудь приказания? – спросил смущенно градоначальник .

– Приказания? – переспросил Александр III. Конечно! Но, повидимому, полиция совсем потеряла голову! В таком случае армия возьмет в свои руки охрану порядка в столице! Совет министров будет собран сейчас же в Аничковом дворце.

Он дал рукой знак Цесаревне Марии Федоровне, и они вышли вместе. Ея миниатюрная фигура подчеркивал могучее телосложение новаго Императора. Толпа, собравшаяся пред дворцом, громко крикнула "ура". Ни один из Романовых не подходил так близко к народным представленьям о Царе, как этот богатырь с русой бородой.

Стоя у окна, мы видели, как он большими шагами шел к коляске, а его маленькая жена еле попевала за ним. Он некоторое время отвечал на приветствия толпы, затем коляска двинулась, окруженная сотнею Донских казаков, которые скакали в боевой готовности, и их пики ярко блестели красным отблеском в последних лучах багрового мартовскаго заката»¹⁷.

¹⁷ Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Прил. к «Иллюстрированной России». Paris, LEV, 1933, стр. 61-62.

Убийство Александра II произвело на сына ошеломляющее впечатление. Страх перед покушением буквально отравлял его жизнь. Под председательством министра двора И.И. Воронцов-Дашкова образуется комиссия по созданию почетной телохранительной охраны для государя. И с этой целью в марте 1881 г. было создано тайное общество «Священная дружина». Идея создания такой организации принадлежала С.Ю. Витте, который вскоре был посвящен в члены дружины. «Священная дружина» – это «попытка правительственных кругов, высших эшелонов бюрократии выработать новые средства для борьбы с революционным движением, организации которого нужно было противопоставить тайное общество, также основанное на конспиративных началах»¹⁸. Представители дружины вели переговоры с Исполнительным комитетом «Народной воли», которому было предложено воздержаться от террористических актов до коронации Александра III.

Особенную заботу о своем воспитаннике проявлял в те дни К.П. Победоносцев. В письме от 11 марта 1881 г. он предостерегал Александра: «Когда собираетесь ко сну, извольте запира́ть за собою дверь – не только в спальне, но и во всех следующих комнатах, вплоть до входной». Победоносцев советовал проверить перед сном звонки, мебель, надежность людей, и «если кто-нибудь был хоть немного сомни-

¹⁸ Исмаил-Заде Д.И. И.И. Воронцов-Дашков – администратор, реформатор. СПб, Нестор-История, 2008, стр. 23.

телен, можно найти предлог удалить его...»¹⁹ Такая забота способствовала усилению тревожных настроений. 27 марта 1881 г. Александр III покидает Санкт-Петербург и поселяется в Гатчине. Там он выбирает для своего пребывания не парадные покои, а «маленькие мрачные и жуткие» комнаты на антресолях, где человек среднего роста мог легко достать рукой до потолка. «В Гатчине поражает приезжего вид дворца и парка, оцепленных несколькими рядами часовых, с добавлением привезенных из Петербурга полицейских чинов, конных разъездов, секретных агентов и проч. и проч. Дворец представляет вид тюрьмы; никого не пропускают без билета с фотографическим на обороте изображением предъявителя. Гатчина и без того носит мрачный, подавляющий отпечаток; теперь же она производит удручающее впечатление»²⁰. Такую увидел Гатчину Д.А. Милютин. Александр III добровольно сделался «гатчинским пленником».

Меры предосторожности были предприняты и на случай, если бы заговорщики хотели отравить государя. За провизией посылали каждый раз в новое место и к новому лицу. Поставщики не знали, что их припасы забирают для царского стола. Император распорядился, чтобы ежедневно назначались новые повара, причем в последний момент, неожидан-

¹⁹ Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. Предис. М.П. Покровского. Москва, Новая Москва, 1926, стр. 318-319.

²⁰ Дневник Д.А. Милютина. 1881-1882. Т. IV. Ред. и прим. П.А. Зайончковского. Москва, тип. журн. «Пограничник», 1950, стр. 51.

но для них. Повара и поварята тщательно обыскивались дежурными офицерами.

При дальних поездках государя и его семьи (на юг, за границу) за 1-2 недели до прохождения царского поезда солдаты становились цепью вдоль рельсов и получали приказ стрелять во всякого, кто бы ни приблизился к путям. Применялись и другие хитрости по обеспечению безопасности императора. Менялось направление следования, и войска выставлялись по различным железным дорогам. В другой раз пускали с небольшими промежутками один за другим три одинаковых поезда, и никто не знал, в каком находится царь.

Одним из самым значительным для Александра Александровича стало участие в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Царевич был командиром отдельного сорокатысячного Рушукского отряда, задача которого состояла в задержании движения турецких войск, расположенных в крепостях Шумке и Силистре, и в охране тыла действующей армии. За турецкую кампанию Александр получил ордена «Святого Владимира» с мечами и «Святого Георгия 2-й степени».

Война не принесла царевичу лавров полководца, но она многое значила в его судьбе. Он познакомился с людьми, которые потом стали его соратниками: генералом П.С. Ванновским, начальником штаба цесаревича (впоследствии военный министр при Александре III) и начальником кавалерии графом И.И. Воронцов-Дашковым (позже министр императорского двора). Александр Александрович на деле увидел

недостатки существующей военной организации России, в частности, слабость русского флота. После войны он создал Добровольный флот, состоявший из судов, которые в мирное время использовались как транспорт, а в военное – превращались в боевые корабли. Вице-председателем комитета, заведовавшего этим делом, цесаревич сделал своего наставника К.П. Победоносцева. Ужасы войны сильно повлияли на мировоззрение цесаревича. Он не мог забыть, как в октябре 1877 г. на его глазах погиб двоюродный брат Сергей Лейхтенбергский, слышал о бессмысленных и кровавых штурмах Плевны («эта несчастная Плевна! Этот кошмар войны!»²¹ – писал он Победоносцеву 8 сентября), видел бестолковость действий командующего – дяди, великого князя Николая Николаевича. «Командир войны» породил в нем стремление избегать на будущее вооруженных конфликтов России с другими странами, определил миролюбивую внешнюю политику Александра III, прозванного Миротворцем за то, что в течение тринадцати лет его правления империя так по-настоящему и не была ни разу втянута в военное противоборство.

Во внутривосточных делах Александр придерживался взглядов, что его отец Александр II, идет на либеральные реформы только вследствие нажима извне, считал, что нежелательные меры и решения были «навязаны папа» его окружением. Беседы с Победоносцевым и письма наставника укреп-

²¹ Чулков Г.И. Императоры. Психологические портреты. Москва – Ленинград, тип. Госиздата «Красный пролетарий», 1928, стр. 345.

ляли цесаревича в этих убеждениях, что сама по себе либеральная политика является ошибочной. Либерализм приведет к конституции, писал Победоносцев, а конституция – «великая ложь нашего времени». «Одно из самых лживых политических начал есть начало народовластия, то, к сожалению, утвердившаяся со времени французской революции идея, что всякая власть исходит от народа и имеет основание в воле народной»²². Все консерваторы старались не замечать удачных исторических примеров, конституционное правление Англии, ни тем более Северной Америки. Но великий князь не всегда разделял полностью убеждения Победоносцева, одно время он интересовался славянофильскими теориями, однако принцип сильной самодержавной власти, как своего рода историческая истина, был ему более всего бли-

²² Московский сборник. 1896. Изд. Н.П. Победоносцева. Москва. Великая ложь нашего времени. С. 31. «Нам велят верить, что голос журналов и газет – или так называемая пресса, есть выражение общественного мнения... Увы! Это великая ложь, и пресса есть одно их самых лживых учреждений нашего времени¹. / ...Ежедневный опыт показывает, что тот-же рынок привлекает за деньги какие угодно таланты, если они есть на рынке – и таланты пишут что угодно редактору. Опыт показывает, что самые ничтожные люди – какой-нибудь бывший ростовщик, жид фактор, газетный разносчик, участник банды червонных валетов, разорившейся содержатель рулетки – могут основать газету, привлечь талантливых сотрудников, и пустить свое издание на рынок в качестве органа общественного мнения. Нельзя положиться и на здравый вкус публики. В массе читателей – большею частью праздных – господствуют, наряду с некоторыми добрыми, жалкие и низкие инстинкты праздного развлечения, и любой издатель может привлечь к себе массу разсчетом на удовлетворение именно таких инстинктов, на охоту к скандалам и пряностям всякого рода²» (С. 1 -57, 2 – 60-61).

зок. В письме Победоносцеву от 14 декабря 1879 г. Александр писал про либеральный курс, что страна оказалась в «грустном и страшно тяжелом положении. Так и хочется помочь государю выйти из этого тяжелого положения, а не знаешь – чем»²³.

Тем не менее, 1 марта Александр III подтвердил свое намерение исполнить последнюю волю покойного отца. Кажется, Россия получила конституцию. Но тут в ситуацию срочно вмешался Победоносцев. Уже вечером он настаивал Александру III уволить М.Т. Лорис-Меликова, и, хотя царь считал это невозможным, в 2 часа ночи Меликов получил из Аничкова дворца (там жил Александр Александрович) распоряжение приостановить печатание программы и подвергнуть ее новому обсуждению.

Все больше и больше Александр III прислушивался к консерваторам, пытавшимся опорочить и похоронить как сам проект «Конституции», так и весь либеральный курс. Когда утром 2 марта ему принесли присягу члены Государственного совета и высшие чины, он сказал: «Я принимаю венец с решимостью. Буду пытаться следовать отцу моему и закончить дело, начатое им»²⁴. Однако вскоре общество убедилось в обратном. 28 марта 1881 г. выступая с публичной лекцией,

²³ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т. 1. Полутом 2. Выпуск 3. Предис. М.Н. Покровского. Москва, Петроград, Госиздат, 1923, стр. 1035.

²⁴ Новый энциклопедический словарь. Т.1. Издат. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Под общ. ред. К.К. Арсеньева. СПб. 1911. С. 968.

философ В.С. Соловьев произнес речь, по окончании которой залом ему была устроена овация: «В прошлое воскресенье на этом самом месте вы слышали красноречивое изложение идем царя по народному воззрению. Я с ним согласен... Истинная мысль не была досказана. Беру на себя смелость ее досказать... Если царь действительно есть личное выражение всего народного существа, и прежде всего, конечно, существа духовного, то он должен стать твердо на идеальных началах народной жизни... Сегодня судятся и, вероятно, будут осуждены убийцы царя на смерть. Царь может простить их, и если он действительно чувствует свою связь с народом, он должен простить...»²⁵ (Соловьеву по поводу своей ре-

²⁵ Былое. Журнал посвященный истории освободительного движения. 1 марта 1881 года. По неизданным материалам. 1918. № 10-11 (4-5). Петроград. П. Щеголев. Событие 1 марта и Владимир Соловьев. С. 330-331. Очевидец события Слонимский пишет: «Он нарисовал такой идеально-высокий образ Царя, какого не могло существовать в действительности, и затем прямо перешел к волновавшему всех процессу цареубийц. Он говорил медленно, отчеканивая отдельные слова и фразы, с короткими паузами, во время которых он стоял неподвижно, опустив свои удивительные глаза с длинными ресницами. "Царь может их простить", – сказал он с ударением на слове "может", и после недолгой остановки продолжал, возвысив голос: "Царь должен их простить". Особая напряженная тишина господствовала в зале, и никому не приходило в голову прерывать ее рукоплесканиями. Никаких возгласов не было; никто не поднимался перед эстрадой с угрожающими словами, никто не кричал: "Тебя первого казнить, изменник! Тебя первого вешать, злодей!" Это было бы совершенно немыслимо при общем тогдашнем настроении. Не было также криков: "Ты наш вождь! Ты нас веди!" Соловьеву была устроена овация только по окончании лекции, когда он сходил с кафедры и направлялся потом к выходу мимо взволнованной публики; и если к нему "протягивались десятки трепетных рук", преимущественно курсисток, то

чи пришлось дать письменное объяснение с.-петербургскому градоначальнику Н.М. Баранову, им даже было написано письмо Александру III).

Революционеры-террористы требовали от нового императора амнистии по политическим делам и созыва народного представительства, тонко напоминая в своем обращении – «не обманываете себя отзывами льстецов и прислужников. Цареубийство в России очень популярно»²⁶. Одновременно общество выражает новому самодержцу необходимость

вовсе не для того, чтобы качать его "высоко" над головами толпы...» (Блюе. Журнал посвященный истории освободительного движения. 1907. № 3. СПб. Л. Слонимский. Письма в редакцию. (Лекция В.С. Соловьева по поводу 1-го марта 1881 года). С. 306).

²⁶ Сборник программ и программных статей партии «Народной Воли». Женева, изд. Г.А. Куклина, 1903, стр. 42. «Вы знаете, *Ваше Величество*, что правительство покойного Императора нельзя обвинить в недостатке энергии. У нас вешали правого и виновного, тюрьмы и отдаленные губернии переполнялись ссыльными. Целые десятки так называемых "вожаков" переловлены, перевешаны: они гибли с мужеством и спокойствием мучеников, но движение не прекращалось, оно безостановочно росло и крепло... Это процесс народного организма, и виселицы, воздвигаемая для наиболее энергичных выразителей этого процесса также бессильны спасти отживший порядок, как крестная смерть Спасителя не спасла развратившийся античный мир от торжества реформирующего христианства¹. / ... Покровительством закона и правительства пользуется только хищник, эксплуататор; самые возмутительные грабежи остаются без наказания. Но зато какая страшная судьба ждет человека, искренно помышляющего об общей пользе. Вы знаете хорошо, *Ваше Величество*, что не одних социалистов ссылают и преследуют. Что же такое – правительство, охраняющее подобный "порядок"? Неужели это не шайка, неужели это не проявление полной узурпации²...» (Письмо Исполнительного Комитета к Александру III. С. 1 – 40,2 – 42).

«увенчания здания». И либералы, и революционеры в эти дни оказались едины в своих притязаниях. Но император больше прислушивается к другой точке зрения. «Нет, нет, и тысячу раз нет – этого быть не может, что бы Вы перед лицом всего народа русского, в такую минуту простили убийц отца Вашего, русского государя, за кровь которого вся земля (кроме немногих, ослабевших умом и сердцем) требует мщения и громко ропщет, что оно замедляется»²⁷ – уверяет императора Победоносцев.

Назначенное на 4 марта Совещание по поводу принятия «Конституции» было перенесено на 8 марта. Проект защищали либеральные министры Александр II М.Т. Лорис-Меликов, военный министр Д.А. Милютин, министр финансов А.А. Абаза, министр юстиции Д.Н. Набоков, председатель Госсовета великий князь Константин Николаевич и даже противник Лорис-Меликова председатель комитета Министров граф П.А. Валуев. Зная настроения Александра III, они пытались уверить императора, что ничего опасного в создании законосовещательных учреждений, из представи-

²⁷ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т. 1. Полутом 1. Выпуск 2. Предис. М.Н. Покровского. Москва, Петроград, Госиздат, 1923, стр. 47. Победоносцев требовал раздавить гадину: «Если бы это могло случиться [пойти либеральным путем], верьте мне, государь, это будет принято за грех великий, и поколеблет сердца всех Ваших подданных. Я русский человек, живу посреди русских и знаю, что чувствует народ и чего требует. В эту минуту все жаждут возмездия. Тот из этих злодеев, кто избежит смерти, будет тотчас же строить новые ковы. Ради Бога, Ваше величество, – да не проникнет в сердце Вам голос лести и мечтательности» (С. 48).

телей местных органов самоуправления, нет, самодержавие остается неприкосновенным. Абаза «произнес блестящую речь в защиту предложения»: «Когда же время? Не рано, а поздно обсуждаем мы этот вопрос: если покойный государь обнародовал указ хотя бы 19 февраля, он прожил бы последнюю неделю среди ликований народа, всеми благословляемый, а, может быть, не случилось бы и страшного 1-го марта. Начать царствование подписанием лажашего здесь указа – значит сразу укрепить самодержавие на многие века и привлечь на главу самодержавца благословение миллионов, говорящих на сотнях языков, и любовь всей империи, в которой солнце никогда не заходит»²⁸. В их выступлениях, особенно Лорис-Меликова, постоянно проскальзывала мысль, что принятие проекта – это дань памяти умершему родителю Александра III, завершающий этап его реформ. Но противоречивость подобных заявлений была в том, что Александр III, будучи цесаревичем, видел под каким давлением его отец пошел навстречу этим настроениям. Эта была вынужденная мера, перед лицом смертельной угрозы, и теперь молодой император стоял на позиции возврата и отстаивания сложившегося устоя фамильной непререкаемости.

С наиболее яркими консервативными речами выступили граф С.Г. Строганов, специально приглашенный на засе-

²⁸ Былое. Журнал посвященный истории освободительного движения. 1 марта 1881 года. По неизданным материалам. 1918. № 10-11 (4-5). Петроград. Совет министров 8 марта 1881 года. Рассказ графа Лорис-Меликова В.А. Бильбасову, с введением барона Б.Э. Нельде. С. 191-192.

дание в противовес либеральным министрам, и Победоносцев. Восьмидесятишестилетний Строгонов начал с критики в адрес «разных шалопаев, думающих не о пользе общей, а только о своей личной выгоде»²⁹, которые в случае реализации проекта придут к власти, заканчивая, что путь, предлагаемый министром внутренних дел, ведет прямо к конституции, которой он не желает ни для государя, ни для России. Обер-прокурор Синода Победоносцев «льстиво и неискренно преклонялся перед волею покойнаго государя, но находил, что привидением ея в исполнение надо обождать»³⁰, заметил, что «нам предлагают устроить говорильню вроде французских "Etats generaux". Но у нас и так слишком много этих говорилен – земские, городские, судебные... Все болтают и никто не работает. Хотят устроить всероссийскую верховную говорильню. И теперь, когда по ту сторону Невы, рукой подать отсюда, лежит в Петропавловском соборе еще не погребенный прах благодушного царя, который среди бела дня растерзан русскими людьми, нам решаются говорить об ограничении самодержавия! Мы должны сейчас не о конституции говорить, а каяться всенародно, что не сумели охранить праведника. На нас всех лежит клеймо несмываемого позора...»³¹ – направил он свою речь против лично Ло-

²⁹ Чулков Г.И. Императоры. Психологические портреты. Москва – Ленинград, тип. Госиздата «Красный пролетарий», 1928, стр. 338.

³⁰ Былое. 1918. № 10-11 (4-5). С. 190.

³¹ Чулков Г.И. Императоры. С. 340.

рис-Меликова, который должен был обеспечивать безопасность покойного императора. В случае продолжения либерального курса, утверждал Константин Петрович, можно будет говорить, что наступил «Finis Russie!»³² «Народ ждет от государя твердой, властной руки, способной укрепить расшатанное внутреннее управление, а не умять эту власть предоставлением обществу давать свой отзыв по вопросам, в которых прежде его мнение вовсе не спрашивалось. Теперь только духовенство и наставляет еще народ на путь истины; народный наш учитель заражен нигилизмом столько же, сколько и прикасающиеся к крестьянину земские люди; только священник учит народ быть верным Богу, царю и отечеству. Если священник увидит, что кроме царя есть еще какое-то собрание, он перестанет говорить народу о царе, и народ совсем забудет царя»³³.

Несмотря на сочувствие противникам Лорис-Меликова, 8 марта император не решился похоронить проект, который представлялся многим завещанием, предсмертной волей его покойного отца. «Странно слушать умных людей, которые могут серьезно говорить о представительном начале в России, точно заученные фразы, вычитанные ими из нашей паршивой журналистики и бюрократического либерализма. Более и более убеждаюсь, что добра от этих министров ждать я не могу...» «Трудно и тяжело вести дело с подобными ми-

³² Там же, стр. 339.

³³ Былое. 1918. № 10-11 (4-5). С. 190.

нистрами, которые сами себя обманывают»³⁴ – писал Александр III Победоносцеву.

Разворачиваясь в обратном направлении, резко повернуть вспять, принятое движение России при Александре II, новому императору мешал обычный страх, и, конечно, разумное понимание, что капитализация, какая-никакая, все же необходима стране.

Главной причиной нерешительности Александра III, независимо от неудобства начинать свое царствование отменой последних распоряжений отца, были, по-видимому, носившиеся в придворном и высшем бюрократическом кругу слухи о весьма приподнятом и тревожном настроении общества, – слухи, как оказалось, не вполне основательные. Когда Победоносцеву удалось, наконец, убедить императора в том, что со стороны общества нельзя ожидать никаких сколько-нибудь крупных и опасных для спокойствия страны выступлений, то Александр решил положить конец неопределенности и издал неожиданно для совета министров манифест 29 апреля 1881 г. (опубликованный 30 апреля), составленный Победоносцевым и Катковым. Документ возврата к традиционным ценностям, известный в историографии как Манифест о незыблемости самодержавия, точнее сказать – о незыблемости реакционного самодержавия, возвещающий об отходе от прежнего либерального курса, кроме того, от-

³⁴ Чулков Г.И. Императоры. Психологические портреты. Москва – Ленинград, тип. Госиздата «Красный пролетарий», 1928, стр. 348.

крыто признававший (от факта никуда не деться), что убийство Александра II рукою русского народа было благоугодным в глазах Бога, и в то же время, фантастически упрямо, абсолютно не делая никаких выводов на этот счет, сакраментальной мантрой гласил: «Богу, в неисповедимых судьбах Его, благоугодно было завершить славное Царствование Возлюбленного Родителя Нашего мученической кончиной, а на Нас возложить Священный долг Самодержавного Правления. / Повинуясь воле Провидения и Закону наследия Государственного, Мы приняли бремя сие в страшный час всенародной скорби и ужаса... / ...Низкое и злодейское убийство Русского Государя, посреди верного народа, готового положить за Него жизнь свою, недостойными извергами из народа, – есть дело страшное, позорное, неслыханное в России, и омрачило всю землю нашу скорбью и ужасом. / Но посреди великой Нашей скорби Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело Правления в уповании на Божественный Промысел, с верою в силу и истину Самодержавной Власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений»³⁵. Из этих слов (где «Проведение» смешивается с Богом) можно было заключить, что консерваторы победили, и новое правительство отвернулось от конституции, и от либеральных заигрываний с обществом. Однако вместе с тем самым реформам покойного императора давалось положительная оценка.

³⁵ ПСЗРИ. Собрание 3. Т. № 118. С. 54.

Манифест призвал «всех верных подданных наших служить Нам и Государству верой и правдой, к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, – к утверждению веры и нравственности, – к доброму воспитанию детей, – к истреблению правды и хищения, – к водворению порядка и правды в действии учреждений, дарованных России Богодетелем ее, Возлюбленным нашим Родителем»³⁶. Подобные формулировки также характеризовали отношение нового императора к либеральным учреждениям Александра II: для «водворения порядка» необходимо эти учреждения пересмотреть (и, конечно, не в сторону расширения их прав).

Сразу же по изданию Манифеста либерально настроенные министры и сановники, Лорис-Меликов, Дмитрий Малютин, великий князь Константин Николаевич, вынуждены были подать в отставку. Во главе Министерства внутренних дел, то есть ответственного за внутривластный курс, 4 мая стал граф Н.П. Игнатьев, имевший тогда репутацию славянофила; во главе военного министерства – П.С. Ванновский. Изданный графом Игнатьевым 6 мая 1881 г. «циркуляр начальника губерний», среди прочего, гласил: «... великие и широко задуманные преобразования минувшего Царствования не принесли всей той пользы, которую Царь-Освободитель имел право ожидать от них. Манифест 29-го апреля указывает нам, что Верховная Власть измерила громадность зла, от которого страдает наше Отечество, и ре-

³⁶ Там же, стр. 54.

шила приступить к искоренению его...»³⁷ В мае 1882 г. министром внутренних дел стал граф Д.А. Толстой, имевшего суждения не просто консерватора, но яркого реакционера. Из-за одиозности его фигуры Лорис-Меликов еще 1880 г. отправил графа в отставку. Победоносцев заметил по поводу назначения Толстого: «Имя его служит знаменем целого направления». Приветствовал назначение Толстого и Катков, говоря, что он «представляет собой целую программу»³⁸. После смерти Толстого в 1889 г. его сменил бывший товарищ министра внутренних дел И.Н. Дурново.

В дневнике А.С. Суворина 8 сентября 1897 г. сделана запись: «Под 20 апр. приведены слова государя Баранову: "Конституция? Чтоб русский царь присягал каким то скотам?" Студенты публично "судили" государя, и прямо говорили в универ. совете, что они "плюют на все", "на всю империю" ...

...7 сент. Государь велел Игнатьеву написать Лорису, чтоб он не приезжал в России. Государь сказал, что он знает, что Лорис держит себя, как главу оппозиционной партии, принимает журналистов, между прочим, Суворина, вообще, держит себя вызывающе.

...На записке Петра Шувалова надпись государя: "Чепуха русского аристократа, не знающего истории и жизни народа".

³⁷ Правительственный вестник. 1881. № 98. 6 мая. С. 1.

³⁸ Романовы. Исторические портреты. 1762-1917. Екатерина II – Николай II. Под ред. А.Н. Сахарова. Москва, Армада, 1997, стр. 537-538.

... "Созвездие стоит благоприятно" – из телегр. Делянова»³⁹.

Курс Александра III у либеральных историков конца XIX начала XX веков получил название «контрреформ», то есть преобразование направленных против Великих реформ 1860-1870 гг. Конечно, речь не шла полностью вернуть страну в дореформенное состояние, абсурдность этого понимали самые консервативные круги. Либеральный общественный деятель В.А. Маклаков отмечал: «Я не могу себе представить, чтобы кто-нибудь в эти 80-ые годы мог серьезно желать не только восстановления крепостничества, но возвращения к прежним судам, к присутственным местам, времен Ревизора и Мертвых душ и т. д. Это кануло в вечность»⁴⁰. Александровская контрреформа выгляде-

³⁹ Дневник А.С. Суворина. Редак., предис., прим. М. Кричевского. Москва / Петроград, изд. Л.Д. Френкель, 1923, стр. 166.

⁴⁰ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). В 4-х отделах. Отдел 1. Реакция. Париж, изд. журн. «Иллюстрированная Россия», 1936, стр. 15-16. «Молодежь моего времени росла среди таких настроений и их отражала как в увеличенном зеркале. Среди нея тоже одни смеялись над увлечением шестидесятых годов, другие по ним тосковали. И поэтому, что сами их не видали, их идеализировали; шестидесятые годы стали для нашего поколения "легендой", какой весь XIX век пробыла Французская Революция. Идеи шестидесятых годов, свобода, законность и самоуправление – не были еще ни чем омрачены. Правительственный нажим одних ломит, а в других воспитывает заклятых врагов себе. Так было в 30 и 40-вых годах при Николае I. Те, кто тогда не были сломлены, в Самодержавии видели одно только зло, а в революционных переворотах – светлое и завидное время. То-же продолжалось и с нами; но в наше политическое настроение вошло два новых фактора. Мы знали,

ла, главным образом, в новом насаждении уже не модных к

что недавняя эра либеральных реформ была открыта Самодержавием; поэтому такого беспощадного отрицания, как в 40-х годах, у нас к нему быть не могло. А во-вторых реакция 70-х и 80-х годов нам показала силу Самодержавия. Революция и конституция оказались мечтой, не реальностью. Никакого выхода из нашего упадочного времени мы не видели¹... Царствование Александра III оказалось роковым для России; оно направило Россию на путь, который подготовил позднейшую катастрофу. Мы это ясно видим теперь; тогда же по внешности это царствие казалось благополучным. Вырос престиж России, и Самодержавия, и самого Самодержца. Его личные свойства мирили с ним даже тех, кто его политику осуждал. Он казался не блестящим, не эффектным, но скромным, простым и преданным слугой своей родины. Это впечатление свои плоды принесло. В последние голы его короткаго царствования все были уверены, что он самодержавный режим укрепил и надолго. Его царствование считалось "реакцией" и общества и правительства. Мы сами об этом судить не могли, но старшие в том были единодушны. Одни с негодованием, другие с похвалой говорили, одни об упадке, другие об отрезвлении общества. И то и другое было²... Монархические чувства в народе были глубоко заложены. Недаром личность Николая I в широкой среде обывателей не только не вызывала злобы, но была предметом благоговения. Когда я студентом прочел "Былое и Думы", ненависть Герцена к Николаю оказалась для меня "откровением". Я до тех пор встречал восхищение Николаем. "Это был настоящий Государь", говорили про него. Восхищались его ростом, силой, осанкой, его "рыцарством", его голосом, который во время команды был слышен по всем углам Театральной Площади. "Он и в рубище бы казался царем", фраза, которую много раз в детстве я слышал. Добавляли: "ни у какого злодея на него не поднялась бы рука". В сравнении с ним Александр II, несмотря на все его заслуги перед Россией, терял личное обаяние; а о простецкой скромной фигуре Александра III говорили скорей с огорчением. Даже те анекдоты о Николае, которые мое поколение возмущали, как проявление самодурства, передавались среди обывателей с национальной "гордостью". Все это были пережитки старой эпохи. Следы рабства проходят не скоро. Они воскресли в Советской России; они лежат в основе мистического обожествления – Ленина и постыдного холопства перед Сталиным. Но при всей идеализации личности Николая, о порядках его времени вспоминали со страхом; никто к ним не хотел бы вернуть-

этому времени старых мировоззрений незыблемости самодержавия и православия. Для этого отрицались любые либеральные и тем более конституционные поползновения – «гнилая интеллигенция»⁴¹, как называл Александр III всех либерально настроенных, – и сдерживалась капитализация общества, давая одним (по большей части дворянам) более

ся. От царствования его осталось в памяти ужас. Рассказы про времена Николая I с детства производили на меня впечатление того же кошмара, как рассказы про татарское иго. Это время покрывалось определением: тогда была "крепость". Несуществующее крепостное право в моем детском воображении превращалось в реальное представление о "крепости" с башнями, бойницами, гарнизонами и часовыми³. Можно видеть, что тогда не покушались мечтать о возвращении к дореформенной эпохе в России. После реформ 60-х годов с крепостниками произошло то-же, что и с большинством сторонников неограниченного Самодержавия после 1905 г. Они могли осуждать направление Государственной Думы, могли желать повернуть избирательный закон в свою пользу, использовать новые учреждения в своих интересах – но вернуться к эпохе настоящего Самодержавия, уничтожить представительство они не только были не силах, но уже не хотели. В 80-х годах было то-же самое. Крепостники не только поняли, что ввести снова крепость нельзя, но они поняли пользу "новых порядков", и только стремились – что было их правом – извлечь из них для себя наибольшую выгоду. Поэтому настроение 80-х годов настоящей "реакцией" не было. В нем было другое, чему умное правительство могло бы только порадоваться. В обществе наступило отрезвление и успокоение; оно от этого стало гораздо способнее к реальной и полезной работе, чем в эпоху своего "Sturm und Drang". Поэтому глубокое преступление пред Россией совершили те, кто толкнул политику Александра к настоящей "реакции"⁴» (1 – 6, 2 -13, 3 – 15, 4 – 19).

⁴¹ Тютчева А.Ф. Воспоминания. По двухтомному изданию «При дворе двух императоров». Пер. Е.В. Герье. Вступ. ст. и прим. С.В. Бахрушина. Москва, 1928-1929. Москва, Захаров, 2002, стр. 344. «Что за отвращение вся эта петербургская пресса – именно гнилая интеллигенция! Они вообразили, что теперь хороший случай ставить мне условия». (С. 344).

выгодные, другим – менее выгодные условия для предпринимательства. По мнению историка С.С. Ольденбурга, во время правления императора Александра III в правительственных сферах наблюдались «не огульно-отрицательное, но во всяком случае критическое отношение к тому, что именовалось "прогрессом"; и стремление придать России больше внутренняго единства, путем утверждения первенства русских элементов страны»⁴².

После убийства Александра II народовольцы оказались под непрекращающимися ударами правительства и находились практически в изоляции. Одной из их последней акцией стало письмо Исполнительного комитета «Народной воли» Александра III. В нем содержался призыв принять представительство, после чего организация предлагала самороспуск. Но Александр III не пошел на этот политический компромисс. После ареста Желябова, Перовской, Михайлова, Кибальчича и других видных народовольцев, бегство за границу Тихомирова и Ошаниной в России остался лишь один член Исполнительного Комитета – В.Н. Фигнер. Она попыталась воссоединить организацию, опираясь на народовольческие кружки в Харькове и Одессе, но на ее пути встал начальник Санкт-Петербургского охранного отделения Г.П. Судейкин. Незаурядный руководитель жандармского ведом-

⁴² Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Т. 1. Белград, изд. Общества Распространения Русской Национальной и Патриотической Литературы, 1939, стр. 16.

ства, изучивший работу тайных полиций ведущих европейских стран и наладивший в России систему так называемой полицейской провокации (перевербовка члена революционного кружка или организации и попытка захвата с его помощью руководства в них либо создание вокруг своего агента новой революционной группы), Судейкин прославился еще в 1879 г. С помощью шпионки, подосланной в кружок киевских террористов, он сумел предотвратить покушение на Александра II. Ту же тактику он применил и в 1882 г. для поимки Фигнер. Перевербованный Судейкиным народоволец С.П. Дегаев выследил ее, после чего последовал арест. С помощью Дегаева шеф столичной охраны пытался позже создать послушную ему организацию террористов, что бы держать в постоянном напряжении императора и убирать несогворчивых министров, да и просто удачливых конкурентов. Затея Судейкина провалилась, он сам был убит революционерами в 1883 г.

Дегаевщина и провокации деморализовали и дезорганизовали народничество, но дух его не исчез. Новому его укреплению послужило проникновение в Россию марксистских взглядов, которые в своем крайнем (более положительном для Маркса) направлении очень напоминали народнический бунт кровавой мести старому режиму.

Опасаясь террористических актов, коронация Александра III состоялась только 15 мая 1883 г. Кроме предводителей дворянства, городских голов и представителей губерн-

ских земских управ в Москве были собраны также из разных мест волостные старшины, к которым государь обратился с речью, внушая им слушать предводителей дворянства. 23 апреля опубликованы были милости для военного ведомства ввиду предстоящей коронации: производство в офицеры сверх вакансий, расширение прав об увечных, пособия семьям погибших на войне. Манифест, изданный в день коронации, прощал ряд недоимок, пеней, штрафов, убытков и начетов, давал облегчение виновным в польском мятеже 1863 г., прощал недоимки, накопившиеся к январю 1883 г. по подушной подати во всей империи, давал полное прощение высланных с Кавказа за мятеж горцам и тому подобное. В память коронации Александра III была отчеканена особая медаль.

Внутриполитические мероприятия императора Александра III в первую очередь направлялись на борьбу с революцией. 14 августа 1881 г. было принято «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия», которое предоставляло право политической полиции в десяти губерниях Российской империи действовать согласно ситуации, не подчиняясь администрации и судам. Власти при введении этого законодательного акта в какой-нибудь местности могли без суда высылать нежелательных лиц, закрывать учебные заведения, органы печати и торгово-промышленные предприятия. Фактически в России устанавливалось чрезвычайное положение, несмот-

ря на его временный характер, просуществовавший до 1917 г.

Усиливается репрессивный аппарат. В рамках МВД еще в последний год правления Александра II образовали Департамент полиции, который, помимо собственно вопросов охраны правопорядка, ведал политическим сыском, внутренней и заграничной агентурой, открытым и негласным надзором за гражданскими, и контролировал ход политических дознаний. Значение этого органа подчеркивает то обстоятельство, что его директора В.К. Плева и П.Н. Дурново позже возглавили МВД. Полиция работала на опережение, не дожидаясь, когда «неблагонадежные» граждане начнут метать бомбы. Еще более оперативно работали создаваемые на местах секретно-розыскные (позже охранные) отделения. Они отслеживали деятельность подозрительных лиц и организаций, перлюстрировали почту, внедряли своих агентов в общественное движение. Не было практически ни одной общественной организации в России, даже правого и монархического толка, в котором охранка не имела своих агентов.

Современникам правительственная политика казалась жесткой и карательной. Советские историки часто повторяли слова лидера большевиков В.И. Ленина, именовавшего власть Александра III «самодержавием полиции», а чрезвычайные меры – «основным законом», и в этом Ленин, как критик, был, несомненно, прав. Однако, несмотря на всю чрезвычайность размах карательной политики Александров-

ского правительства нашим современникам может показаться скромным. Так, в период борьбы с террористами – «народовольцам» в 1874-1882 гг. было казнено 29 человек, в 1883-1890 гг. суды вынесли 58 смертных приговоров, причем, в большинстве случаев император заменил смертную казнь каторжными работами и пожизненным заключением в Шлиссельбурге. Известный американский исследователь Ричард Пайпс указывает, что в «период реакции» в России было казнено 17 человек. Все казненные или участвовали в цареубийстве, или готовились к нему, ни один из них не раскался. Всего за 14 лет правления Александра III за антигосударственные деяния было допрошено и задержано около 4 тысяч человек (при 120 млн жителей страны). Сам император не был человеком жестоким и злопамятным, например, на докладе о беспорядках в Ростове-на-Дону он написал: «Если б возможно было главных зачинщиков хорошенько посечь, а не предавать суду, гораздо было бы полезнее и проще»⁴³, хотя с другой стороны, это характеризует императора подверженности примитивной простоте, желание решать дела по старинке, т. е. в общем, в цивилизованности, куда направлялись русские, основой должна остаться нецивилизованность.

«Народная воля» как идеальная конспиративная революционная организация убедила, что можно и с ничтожными

⁴³ Любош С.Б. Последние Романовы. Москва, Астрель; СПб, Полигон; 2010, стр. 171.

силами реально противостоять репрессивному аппарату могущественной империи. Терроризм расценивали в качестве весьма действенного средства сопротивления властям предрержащим. Поражение «Народной воли» ее последователи объясняли нехваткой людских ресурсов у партии, которая не сумела превратить терроризм в систематическое орудие борьбы. В 1880-е годы террористическую тактику признают эффективной и включают в свои программные документы не только все мало-мальски заметные группы народовольческого толка, но даже плехановская группа «Освобождение труда».

1 марта 1887 г. народовольческой группой под названием «Террористическая фракция «Народной воли», основанной в декабре 1886 г. в Санкт-Петербурге была предпринята неудачная попытка покушения на Александра III. В «Террористическую фракцию» входили: организаторы – П.Я Шевырев и И.Д. Лукашевич, техник – А.И. Ульянов, старший брат В.И. Ленина, метальщики – В.С. Осипанов, В.Д. Генералов, П.И. Андреюшкин. Организация объединяла главным образом студентов университета и была независима от других народовольческих групп, поддерживала связи с кружками в Вильнюсе и Харькове, с революционно настроенными учащимися столичных военно-учебных заведений, вела пропаганду среди рабочих. Члены фракции действовали как под влиянием идей К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Плеханова, так и программных документов «Народной воли». В про-

грамме «Террористической фракции» признавалось необходимо организации социалистической* партии, ядром которой должен стать рабочий класс, национализация земли, фабрик, заводов и, как конечная цель, установление социалистического* строя.

Следуя народовольческой традиции, авторы программы считали первоочередной задачей организации борьбу за политические свободы посредством «дезорганизации» правительства, метод борьбы признавали террор. Они готовили покушение на императора Александра III, назначив его на 1 марта 1887 г., в честь дня, когда шесть лет назад был убит император Александр II также от рук народовольцев. Терракт должен был произойти на людном Невском проспекте при помощи бомб, начиненными отравленными элементами с поражающим действием более двадцати метров во все стороны.

Но покушение не удалось – за террористами уже давно следила полиция. 4 марта в «Правительственном вестнике» появилось сообщение: «1-го сего марта, на Невском проспекте, около 11 часов утра задержано трое студентов С.-Петербургского университета, при коих, по обыску, найдены разрывные снаряды. Задержанные заявил, что принадлежат к тайному преступному сообществу, а отобранные снаряды, по осмотру их экспертом, оказались заряженными динамитом и свинцовыми пулями, начиненными стрихнином»⁴⁴.

⁴⁴ Трофимов Ж.А. Дух революции витал в доме Ульяновых: Симбирские стра-

Участников и организаторов покушения (пятнадцать человек) судили 15-19 апреля в Особом присутствии правительственного Сената. Сначала суд приговорил к смертной казни всех, но Александр III утвердил высшую меру только пятерым. 8 мая 1887 г. в ограде Шлиссельбургской крепости были повешены Ульянов, Андреюшкин, Генералов, Осипанов и Шевырев, остальные приговорены к разным срокам каторги и сосланы в Сибирь.

Примечательный эпизод воспроизводит в своих воспоминаниях сестра А. Ульянова Анна Ильинична. Товарищ прокурора Князев, присутствовавший при одном из последних свиданий Марии Александровны Ульяновой с сыном в конце апреля 1887 г. в ДПЗ, запомнил слова осужденного на смерть Александра матери, которая просила подать прошение о помиловании. Но сын ответил отказом: «Представь себе, мама, что двое стоят друг против друга на поединке. В то время как один уже выстрелил в своего противника, он обращается к нему с просьбой не пользоваться в свою очередь оружием. Нет, я не могу поступить так»⁴⁵.

Особое беспокойство властей вызывало положение в деревне. После 1 марта 1881 г. здесь упорно распространялся слух, будто дворяне убили Александра II за то, что он дал крестьянам волю. Разъяснение через губернаторов лож-

ницы биографии В.И. Ленина. Москва, Политиздат, 1985, стр. 139.

⁴⁵ Ульянова Елизарова А.И. О В.И. Ленине и семье Ульяновых: Воспоминания, очерки, письма, статьи. Москва, Политиздат, 1988, стр. 106.

ного этого слуха оказалось недостаточным. 28 декабря 1881 г. правительство предписало переход крестьян на выкуп обязательным, выкупные же платежи были понижены в среднем на четверть. В мае 1882 г. понижается подушная подать, а в 1885 г. она совершенно отменяется. Чтобы компенсировать потери для бюджета правительство увеличило налоги с государственных крестьян, на наследство и казенные бумаги, держателями которых были в основном состоятельные классы (землевладельцы, промышленники, банкиры, высшие чиновники). 18 мая 1882 г. учреждается Крестьянский банк, с целью поддержки небольшого процента населения, то есть «ставки на сильных» и «хозяйственных мужичков», для их отрыва от общей неимущей массы. В проекте они должны были стать сельской буржуазией, то есть успешными фермерами, производящие для населения сельскохозяйственные продукты. Поддержка сильных, кроме гарантирования сохранения системы ступенчатости-сословности, признака мистицизма, удачно вписывалась, в недоразвитой философии мировоззрения, в вечный российский дефицит финансов.

Действие Крестьянского банка распространилось на всю страну, за исключением Остзейского края. Крестьянский банк находился в ведении министерства финансов. Банк выдавал ссуды в размере 80-90% стоимости покупаемой земли на срок от 13 лет до 51 года 9 месяцев индивидуальным покупателям, крестьянским обществам, крестьянским товариществам. По ссудам Крестьянский банк взимал от 7,5% до

8,5% годовых.

Открытие этого банка повлекло к массовому спросу крестьянских банковских операций, то есть закладов, что давало возможность крестьянам покупать дополнительно землю у помещика. Многие же помещики, не утруждаясь в новых капиталистических формах ведения хозяйства, лишь повышая цену на землю, с удовольствием стали ее продавать. Увидев усиленную ликвидацию земельных территорий дворянства, правительство теперь спешило поставить этому различные препятствия, и деятельность Крестьянского банка была вскоре сокращена.

Всего за 1883-1915 гг. свыше одного миллиона крестьянских дворов приобрели через Крестьянский банк более 17,6 миллиона десятин земли. Банк способствовал рост земельных цен (49 руб. за 1 десятину в 1896 г., 111 руб. в 1905 г., 136 руб. в 1914 г.) Высокие платежи по процентам вели к росту просрочек заемщиков. За невнос платежей Крестьянский банк отбирал у крестьян землю (в 1883-1895 гг. было отобрано 0,2 миллиона десятин земли, в 1905-1915 гг. – 0,6 миллиона десятин). Из всего запаса Крестьянский банк к 1917 г. продал 61% земли. После прихода большевиков к власти декретом СНК от 28 ноября 1917 г. был упразднен.

Крестьянство есть сословие, прикрепленное к земле, к наделу в общине – с таким твердым взглядом из прошлого строится и вся административная надстройка. Для того чтобы сохранить крестьянскую общину, усматривая в этом га-

рантию против нищеты, законом 18 марта 1886 г. правительство ограничило семейные разделы, чтобы избежать дробление и уменьшение крестьянских участков, а в 1893 г. установило, что переделы земель в общине могут производиться не чаще, чем раз в двенадцать лет. Законом 12 июля 1889 г. произведена замена мировых судей земскими начальниками, избираемых из потомственных дворян. В их руках сосредотачивались административные и судебные функции, перечеркивая этим права крестьянского самоуправления. По Положению 3 июня 1894 г. выйти из крестьянской общины стало практически невозможно. Для какого-либо передвижения выдавались временные паспорта только «с согласия схода, подчиненного земскому начальнику, а членам крестьянского двора – с согласия земского начальника». Но для заселения окраин по закону 1889 г. было облегчено переселение крестьян из перенаселенного центра на малолюдные окраины. Переселенцам давались большие льготы, в том числе освобождение на три года от всех податей и воинских повинностей.

Быстрая ликвидация дворянского землевладения и почти поголовный отъезд дворян в города, грозили изменению всей структуры сельского хозяйства. Для удержания дворян на местах и облегчения ведения хозяйства 21 апреля 1885 г. был основан Государственный Земельный Дворянский банк. Вся работа этого банка сводилась к разного рода покровительственным и вспомогательным мерам по отношению к

дворянскому сословию. Действия Государственного Земельного Дворянского банка распространилась на Европейскую Россию, исключая Великое княжество Финляндское, царство Польское, Прибалтийские губернии и Закавказье. Ссуды выдавались помещикам под залог их земельных владений в размере 60-75% от стоимости земли (в том числе обремененной долгами). Максимальный срок погашения ссуды, достигавшей в начале 48 лет 4 месяцев, позже был увеличен до 51 года, а затем до 66 лет 6 месяцев. Процент, уплачиваемый по ссуде, составил в 1880-х гг. 5-6%, а к 1897 г. был снижен до 3,5%. Банк предоставлял помещикам отсрочки платежей без взимания процентов, в итоге его положение становилось крестьянским. Для снижения задолженности клиентов банк приобретал часть их владений, некоторые затем перешли в Крестьянский банк. К 1914 г. остаток долгосрочных ссуд, то есть долг помещиков Дворянскому банку, достиг 894 миллиона рублей, что равнялось остатку ссуд под залог сельскохозяйственных имений, помещичьих и не помещичьих, у всех десяти акционерных земельных банков, вместе взятых. Это были буквально выброшенные на ветер государственные деньги, поскольку предпринимательство само по себе являлось чуждым по духу явлением для дворянства, понижающее их честь и достоинство до уровня среды работных людей, и потому они в большинстве случаев пропивались, проедались, проигрывались, т. е. пускались на демонстрацию собственного благородства, удали, швырянием денег на ветер,

и чем больше, тем лучше, приближались к состоянию божественности. По объективному замечанию Г.В. Плеханова, «это привело "первое сословие" к экономическому краху и полнейшей деморализации»⁴⁶. Дворянский банк ликвидирован декретом ВЦИК от 14 декабря 1917 г.

В Манифесте по случаю 100-летия «Жалованной грамоты дворянству» Екатерины II, император выражал стремление, чтобы и впредь «Российские дворяне и ныне, как и в прежнее время, сохраняли первенствующее место в представительстве ратном, в делах местного управления и суда, в безкорыстном попечении о нуждах народа, в распространении примером своим правил веры и верности и здравых начал народного образования»⁴⁷.

Жесткие меры последовали в отношении печати. По «Временным правилам» от 27 августа 1882 г. (действующие до 1905 г.) правительство создало специальный контрольный орган, ведавший прессой – Особое совещание четырех министров (внутренних дел, юстиции, народного просвещения и обер-прокурора Синода). Этот орган мог делать газетам и журналам предостережение за печатание недозволенных материалов, а после трех предостережений – вводить усиленный цензурный режим или совсем закрыть издание.

⁴⁶ Плеханов Г.В. Сочинения. В 24-х томах. Т. 24. Под ред. Д. Рязанова. Москва – Ленинград, Госиздат, 1927, стр. 164.

⁴⁷ Сборник законов о Российском дворянстве. Сост. Г.Э. Блосфельдт. СПб, Д.В. Чичинадзе, 1901, стр. 277-278.

От политики правительства более всего пострадала демократическая и либеральная пресса. Закрылись популярные «Отечественные записки», «Голос», «Страна» и другие.

В сфере народного просвещения новый министр народного образования И.Д. Делянов делал все, чтобы ограничить само «народное образование», направляя его в русло православного самодержавия. Для этого обер-прокурор Синода Победоносцев, при поддержке Делянова, по правилам от 13 июня 1884 г., подчинил «школы грамоты» церковному ведению. Утверждая «Правила о церковно-приходских школах» император наложил резолюцию: «Надеюсь, что приходское духовенство окажется достойным своего высококачественного призвания в этом важном деле»⁴⁸. Уже в 1882 г. первые суммы поступили на счет Святейшего Синода, ведавшего церковно-приходскими школами. Количество школ росло и в 1894 г. достигло почти 31 тысячи, в них обучалось около миллиона детей (в 1884 г. – 4,4 тысячи со 105-ю тысячами учеников). Вместе с тем финансов не хватало, и церковно-приходские школы часто владели самым жалким существованием. Победоносцев неоднократно замахивался и на земские школы (существовавшие при земских органах самоуправления, по качеству обучения и материальному обеспечению были лучшей в России начальной школой), но у правительства хватало мудрости оставить их в покое.

⁴⁸ Циркулярные указы Святейшаго Правительствующаго Синода, 1867-1900 гг. Собр. А. Завьялов. Издание 2. СПб, изд. И.Л. Тузова, 1901, стр. 191.

Следующая мера коснулась гимназий. Еще граф Д.А. Толстой, будучи главою народного образования, сделал немало, чтобы установить между гимназическим начальством и учениками полицейские отношения. Однако доступ в гимназии (хотя бы теоретически) по-прежнему оставался открыт даже для выходцев из самых низов. Делянов быстро восполнил «пробелы», оставленные его предшественниками. 1 июля 1887 г. был издан «Циркуляр о сокращении гимназического образования», прозванный «Циркуляром о кухаркиных детях». Им предписывалось ограничить доступ в гимназии «детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детей коих, за исключением разве одаренных гениальными способностями, вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию... Что же касается до сокращения числа гимназий и прогимназий... также сделано соображение о возможности закрытия или преобразования оных, смотря по местным условиям и средствам на них отпускаемым...»⁴⁹ «Каждый сверчок знай, свой шесток» – так расценила циркуляр общественность. Само же правительство исходило из взгляда, что для народного образования «сверх меры» не только не полезно, но и вредно, поскольку способно «развратить» подрастающее поколение. Циркуля исходил из воззрений Победоносцева о необ-

⁴⁹ Сборник постановлений по Министерству Народнаго Просвещения. Т. 10. Царствование Александра III. 1885-1888. СПб, тип. Общественная Польза, 1894, стр. 881-882.

ходимости «остудить» российское общество, ограничив передвижение из «неблагородных» слоев населения в разночинцы и студенты, основную движущую силу революционного подъема предшествующих лет.

Процент грамотности населения приведен в таблицах ниже.

Грамотность населения Европейской России в 1897 г. по губерниям.

Губернии	Процент грамотных	Губернии	Процент грамотных
Эстляндская	77,9	Владимирская	27,0
Лифляндская	77,7	Херсонская	25,9
Курляндская	70,9	Олонецкая	25,3
Петербургская	55,1	Витебская	24,6
Ковенская	41,9	Тверская	24,5
Московская	40,2	Костромская	24,0
Ярославская	36,2	Саратовская	23,8
Гродненская	29,2	Архангельская	23,3
Виленская	28,8	Новгородская	23,0
Таврическая	27,9	Область Войска Донского	22,4
Самарская	22,1	Волынская	17,2
Нижегородская	22,0	Могилевская	16,9
Екатеринославская	21,5	Полтавская	16,9
Тульская	20,7	Харьковская	16,8
Оренбургская	20,4	Уфимская	16,7
Рязанская	20,3	Тамбовская	16,6
Калужская	19,4	Воронежская	16,3
Пермская	19,2	Курская	16,3
Вологодская	19,1	Вятская	16,0
Черниговская	18,4	Бессарабская	15,6
Киевская	18,1	Симбирская	15,6
Казанская	17,9	Астраханская	15,5
Минская	17,8	Подольская	15,5
Орловская	17,6	Пензенская	14,7
Смоленская	17,3	Псковская	14,6

Грамотность населения России в 1897 г. по полу и возрастным группам.

Возрастные группы (в годах)	Общая численность населения (в тыс.)			Процент грамотных		
	мужчин	женщин	обоого пола	мужчин	женщин	обоого пола
Все население.	62477,3	63162,7	125640,0	29,3	13,1	21,1
В том числе в возрасте:						
менее 10.	17131,0	17208,5	34339,5	4,6	2,7	3,6
10-19.	13094,4	13359,4	26453,8	45,1	21,8	33,5
20-29.	10045,1	10215,9	20261,0	45,3	19,5	32,3
30-39.	7893,9	7912,1	15806,0	39,5	15,7	27,6
40-49.	5873,6	5832,9	11706,5	33,2	12,6	22,9
50-59.	4110,8	4211,6	8322,4	26,5	11,1	18,7
60 и старше.	4182,6	4398,8	8581,4	20,0	9,7	14,8

Показатели грамотности населения Средней Азии в 1897

г.

	Процент грамотных		
	мужчин	женщин	обоого пола
Все население	7,6	2,0	5,0
В том числе:			
Русское население	37,0	13,8	26,0
коренное население, говорящее на	4,4	0,7	2,6

Показатели грамотности на 1000 человек из «Но-

вого энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» (1911-1916, т.14), написанная русским публицистом и статистом Н.А. Рубакиным.

Германія	980	Аргентина	
Финляндія (для насел. старше 15 л.)	988	Италія	
Соедин. Королевство (для насел. старше 15 л.)	920	Испанія	
Соед. Штаты Сѣв. Аме- рики (для насел. отъ 10 л.)	893	Португалія	
Н. Зеландія	851	Россія	
Франція	850	Европ. Россія	
Австралія	816	Болгарія	
Австрія	644	Трансиль	
Уругвай	535	Сербія	
Венгрія	524	Мексика	
		Бразилія	
		Румынія	
		Ост. Индія	

К моменту воцарения Александра III в России действовали университеты: Московский, Дерпский (современный Тарту, Эстония), Санкт-Петербургский, Казанский, Варшавский, Киевский, Новороссийский (Одесса), Гельсингфорский (Хельсинки, Финляндия). Харьковский (Украина). В 1888г. открылся первый университет в Сибири – Томский. Существовали они главным образом за Государственный счет. Университетский устав 1863 г. представлял высшим

учебным заведениям широкую автономию. Ректор и профессора избирались, студенты имели право на создание землячеств и ассоциаций «по интересам», Дисциплинарные нарушения рассматривались университетским судом, существовало и особая университетская полиция. Университетская автономность и обособленность от государства вели к тому, что они становились центрами антиправительственной агитации. Часть профессоров, особенно преподававшие гуманитарные дисциплины, читали лекции не столько по своему предмету, сколько по текущей политической злобе дня, не скупясь на критику «общих порядков». При этом повлиять на них было почти невозможно, так как они избирались «ученой корпорацией». Нелегальная литература распространялась в университетах почти свободно, а студенческие ассоциации главное внимание уделяли обсуждению политических вопросов. Беспорядки студентов, участие их в антиправительственных акциях, стали обычным явлением в 60-70-е годы XIX века. Обозначился еще один недостаток существующей организации. Единых общероссийских учебных программ не существовало, и в каждом университете дисциплины преподавались на свой лад. В результате знания по одному и тому же предмету выпускников различных университетов часто мало сочетались. Правительство усматривало во всем этом ненормальность ситуации, требующая изменения.

Еще при Александре II в 1880 г. тогдашний министр про-

свещения граф Д.А. Толстой внес в Государственный совет проект нового университетского устава, предусматривающий усиление государственного контроля над высшими учебными заведениями (введение единых государственных экзаменов, назначение ректора Министерством народного просвещения, ликвидация университетского суда). Но тогда дело не нашло поддержки. Уже при Александре III в ноябре 1882 г. новый министр просвещения Делянов опять внес в Государственный совет проект изменения университетского устава, в основном совпадающий с предложениями Толстого. После длительных обсуждений в мае 1884 г. при общем голосовании мнения разделились, большинство высказалось за продолжение «изучения вопроса», то есть оставление без изменений. Ожидалось, что дело затянется на годы, но через три месяца царь снова созвал совещание. Выслушав доводы, Александр III решил больше не откладывать решение. 15 августа 1884 г. он утвердил мнение меньшинства Государственного совета.

Сущность нового устава заключалась в уничтожении автономии университетской коллегии и в подчинении профессоров административному надзору и воздействия, как в отношении личного ее состава, так и программ преподавание, то есть ликвидировалась университетское самоуправление. Студенты ставились из положения членов университетской корпорации в просто «слушателей» и «посетителей». Александра III волновал больше вопрос воспитания, чем позна-

ния. С этой же целью с 1895 г. был введен и надзор в училищные советы земских начальников.

После принятия нового устава многие профессора покинули университеты, студенты вынуждены были платить намного больше за свое обучение, а поступление в университеты и получение стипендии определялись теперь главным образом политической благонадежностью. В случае неповиновения начальству студент быстро оказывался за стенами университета и по всеобщей воинской повинности его ждала служба в армии в качестве рядового. В это же время была введена и обязательная форма для студентов. Форма была красивой, нравилась девушкам гимназисткам, демонстрировала принадлежность молодого человека к престижной социальной группе. Но ее введение диктовалось чисто утилитарными соображениями: при каких-либо «сборищах», митингах, уличных беспорядках по форме студента очень легко было отличить в толпе людей.

Консервативный публицист М.Н. Катков в «Московских ведомостях» приветствовал новый университетский устав как символ поворота правительственной политики. По мнению Каткова если либеральный устав 1863 г. был «началом системы упразднения государственной власти», то устав 1884 г. ознаменовал «возвращение властей к их обязанностям» – «Итак, господа, встаньте: правительство идет, правительство возвращается!... Не верите?»⁵⁰

⁵⁰ Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1884 год М.Н. Катков.

Не отвечал интересам правительства и императора и неза-

Изд. С.П. Катковой. Москва, тип. В.В. Чичерина, 1898. № 278. С. 511-512. «Наступила, сказали мы, пора правительству возвратиться на свои места после долгого отсутствия, возвратиться к своим обязанностям вернее и лучше чем когда-либо понятным. Это не есть только наше желание, – что значит наше желание? – этого ждет не дождется вся Россия. Кого, кроме воров, может испугать появление законного правительства во всеоружии своих обязанностей?...Какая функция должна, по смыслу новаго закона, принадлежать правительству в жизни университета? Прежде всего надлежит ему собрать и взять в свои руки все что имеет значение власти, и тем водворить в университетах мир и свободу академической жизни. В утверждении и обеспечении законной свободы состоит весь долг правительства на всех местах в благоустроенном государстве. В университетах, по смыслу новаго закона, оно должно освободить профессора от товарищеской тирании, от гнета господствующей в коллегии партии, от интриг насилующих его совесть. Он должен положить конец неуместной в университетах игре партий, устраняя выборное начало и прекращая борьбу за власть в профессорских коллегиях. Оно имеет освободить учащихся от произвола преподавателей, обязывая студентов знать только то что признается необходимым для избираемых ими профессий, все сверх того предоставляя свободе их любознательности. Оно должно освободить науку от всякой чуждой ей примеси, ото всяких эгоистических интересов. Выбор профессоров, назначение университетских властей, возлагает новый устав на личную ответственность министра, ничего не предоставляя случаю. Он обязывает правительство требовать чтобы как учащие так и учащиеся исполняли свои обязанности соответственно прямому назначению университетов. Ставя профессора в независимое от коллегии положение и не стесняя его в преподавании, закон обязывает его иметь в виду неуклонно потребности слушателей и способствовать им в приобретении тех необходимых познаний в которых они должны отдать отчет на правительственных испытаниях. Отменяется монополия факультетов. Независимо от штатных профессоров правительство имеет открыть и облегчить посторонним ученым доступ к университетскому преподаванию, обеспечивая их независимость от коллегии, возбуждая плодотворное соревнование между преподавателями и предоставляя студентам свободный выбор руководителей в своих занятиях. Кто же, в самом деле, кроме воров будет пугаться правительства когда оно возвращается с такою мессиею?

висящий суд, учрежденный уставами 1864 г. «Судебная республика», по определению М.Н. Каткова, или безобразие судов», как считал сам Александр III, были для общества символом общественной и частной независимости. Более всего администрацию раздражал воцарившейся в суде дух свободы. Как правило, судебные заседания являлись открытыми. Исключение делалось лишь при разборе богохульства, оскорбления женской чести и некоторых категориях имущественных дел. Ограничения на информацию о процессах не налагалось и газеты подробно воспроизводили речи обеих сторон. Порой зал суда становился трибуной политической агитации. Но как бы правительство не устраивало «непокорность» судов (случаи, когда судебное учреждение даже вопреки законам, выгораживали государственных преступников, например, как в нашумевшем случае 1878 г., когда власть не пожелала применить какие-либо меры к воздействию на виноватых со своей стороны, то есть генерал-губернатора Ф.Ф. Трепова, а суд принял сторону и оправдал народницу-террористку Веру Засулич), ни прежний министр

Будут ли правительственные органы на высоте своей задачи, будут ли они должным образом исполнять требование закона, – это другой вопрос, и это покажет нам будущее. Но таков смысл и таково направление реформы, против которой так бесновались наши либералы превратившиеся в консерваторов и реакционеров, говоря их выражением. Теперь спрашивается, почему реформа не должна идти в том же направлении и по всем отраслям народной жизни где присутствие правительства не менее требуется? Почему правительство не должно повсюду исполнять ту же свою благотворную и исполнительную мисси? ...» (№ 291. С. 530-531).

юстиции Д.Н. Набоков, ни новый (с 1885 г.) министр А.Н. Манасеин не провели судебную контрреформу в духе полного ее закрепощения, так как понимали, что без минимально нормально действующего суда невозможно само существование государства. Потому суд эпохи Великих реформ подвергал только частичным ограничением. Так, к 1886 г. политические дела окончательно изымаются из ведения суда присяжных, а следствие по ним от следователей. Законом 7 июля 1889 г. ограниченная компетенция суда присяжных закрепляется. Отныне наиболее тяжкие преступления, как правило, касавшиеся покушения на политические устои, изымались из ведения окружных судов и передавались в судебные палаты, где рассматривались судьями с участием сословных представителей, председателя дворянского общества, городские головы, волостного старшины местного уезда. А «Положение о мерах по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» изданного 14 августа 1881 г. дало неограниченный простор к несудебному воздействию и административной инициативе в широком поиске «неблагонадежных» элементов. 12 февраля 1887 г. царь одобрил заключение Государственного совета по ограничению гласности судебного процесса. Теперь доступ в судебное заседание малолетних и учащихя запрещается, двери суда закрывались для публики и в тех случаях, когда суд признавал, что обстоятельства разбирательства могут оскорблять религиозное чувство, нравственность, затронуть т. н. достоин-

ство государственной власти и нанести вред общественному порядку. Закон 28 апреля 1887 г. повысил имущественный ценз для присяжных заседателей. Ряд законов и циркуляров направлено для усиления надзора министра юстиции за судьями и судами. На практике почти прекратилось утверждение судебных следователей в должности, дающее им право несменяемости. Деятельность мировых судей упразднена за исключением шести крупных городов и столиц. Сенат получил более реальные права увольнять с должности судей-правонарушителей.

Но все эти меры, как бы ни были они важны с точки зрения правительства, играют второстепенную роль сравнительно с реформами крестьянского управления и земского и городского самоуправления. Эти преобразования коснулись главных оснований государственного строя и привели их во внешне и внутренне стройную и связную систему.

Реорганизация «расшатанной» либеральными реформами власти на местах началась с введения в 1889 г. земских начальников (по сословному происхождению – дворяне-землевладельцы), получившие обширные административные и судебно-полицейские полномочия над крестьянским самоуправлением. В следующем году было издано новое положение о земствах. Земская контрреформа преследовала две цели – сделать земство сословным (в противовес ставшего бессословного плательщика земских сборов) и усилить его зависимость от администрации. И то, и другое было осуществ-

лено положением 12 июня 1890 г. Как объяснялось официально цель закона – «приблизить власть к населению», то есть вновь передать в руки помещного дворянства, не крепостную, но определенную моральную опеку над крестьянами. Теперь система распределения земских избирателей от принципа имущественного ценза возвращалась к старым принципам сословности: дворянской, городской и крестьянской, с представлением дворянскому землевладельческому элементу численное преобладание в земских собраниях.

Новый закон усиливал права администрации по надзору за деятельностью земских собраний и их исполнительных органов; по утверждению избранных председателей и членов управ; по назначению других в случае неутверждения избранных. Высшее наблюдение за деятельностью земских собраний возлагалось на министра внутренних дел, текущее – на губернатора и особую при нем коллегия. Теперь все постановления земских собраний надлежало утверждать губернатору. Губернатор в своем решении мог исходить не только из принципа законности, но и «целесообразности». Земства имели возможность отстаивать свою правоту в суде, обжаловать решения губернатора и министра в вышестоящих инстанциях (в Сенате, если речь шла о законности постановлений земств, в Государственном Совете и Комитете министров, когда вопрос касался целесообразности распоряжений земств).

Новое Городовое Положение 1892 г. столкнулось с невоз-

возможностью проведения сословного принципа в элементарной форме. Решили опереться на наиболее состоятельный слой городского населения. С этой целью был введен высокий избирательный ценз, отстранивший от участия в городском самоуправлении значительную часть мещан и ремесленников, и совершенно были исключены квартиронаниматели. Пассивное и активное участие было предоставлено только домовладельцам и владельцам торговых и промышленных заведений. Из-за этих мер число избирателей в Санкт-Петербурге понизился с 21 тысячи до 8 тысяч, в Москве с 20 тысяч до 7 тысяч. Законом был допущен недобор гласных до одной трети состава. Уклонение от участия голосования, абсентеизм, предвиделся и как бы вперед поощрялся.

Городские думы в значительной мере были подчинены административному контролю и воздействию правам губернатора или министра внутренних дел утверждать или приостанавливать различные думские решения. Исполнительные органы городского самоуправления, наоборот, были поставлены в преимущественное положение: их компетенции и права были расширены за счет городских дум, но сделано это было вместе с почти непосредственным подчинением их администрации, утверждающей глав и членов управ, контролирующей их действия и налагающей на них взыскания. Существенно ограничены были и бюджетные права городских самоуправлений.

В промышленно-финансовой сфере правительству Александра III удалось добиться определенных успехов. С императором работали такие министры финансов как М.Х. Рейтерн, Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградский, при Александре III начал свой путь С.Ю. Витте – автор будущей реформы 1897 г. Для создания благоприятных условий развивающейся российской промышленности в 1891 г. правительство вело протекционистский таможенный тариф. Великие реформы и определенная стабильность, достигнутая при Александре III, способствовали бурному индустриальному росту. В 90-е гг. XIX века был завершен промышленный переворот. За десять лет (1886–1895 гг.) выплавка чугуна в России утроилась (Англии для этого потребовалось 22 года, Франции – 28 лет). Невиданными темпами росла протяженность железных дорог, пароходных линий. Число речных пароходов в 1881-1895 гг. возросло более чем в 2,6 раза, протяженность железнодорожных путей, в царствование Александра III, увеличилось более чем на 22 тысячи верст (сколько за предыдущие два правления). Причем строительство железных дорог не только создавало необходимые внутреннему рынку пути сообщения, но и ускоряло развитие многих отраслей промышленности, работавшими на обеспечение этого строительства. В царствование Александра III было спущено на воду 114 новых военных судов, в том числе 17 броненосцев и 10 бронированных крейсеров; но русский флот по-прежнему занимал третье место в мире после Англии и

Франции. В целом 90-е годы XIX века стали периодом, когда промышленность России занимала первое место в мире по темпам развития. Показательно, что тяжелая индустрия росла быстрее, чем легкая. Объемы их производства за десятилетие выросли соответственно в 2,8 и 1,6 раза.

Промышленный переворот в России способствовал складыванию новых для России прослойки – рабочих и буржуазии. В пореформенную эпоху (1860-1900) численность индустриальных рабочих выросла с 720 тысяч до 2,8 миллиона человек, то есть в 3,9 раза. Тем не менее, говорить о завершении процесса классового образования еще не приходится. Несмотря на необычайно высокую концентрацию российских рабочих на крупных предприятиях, рабочие в целом оставались тесно связанные с деревней. В 80-90-е годы только 2/5 рабочих были потомственными.

Впервые рабочие России напомнили о себе в 70-е годы. Первые рабочие организации возникли в 1875 г. в Одессе и в 1878 г. в Санкт-Петербурге и назывались «Южнороссийский союз рабочих» и «Северный союз русских рабочих». Оба они находились под влиянием идей народничества, хотя Северный союз, возглавляемый В.П. Обнорским и С.А. Халтуриным, отметил в своей программе, что именно рабочему классу суждено стать ведущей революционной силой. В 80-е годы рабочее движение расширялось, но носило еще чисто экономический характер. Требования стачечников касались увеличения заработной платы, уменьшения продолжительности

сти трудового рабочего дня, улучшения условий труда и т. п. Однако именно в эти годы рабочие впервые заявили о себе на всю страну.

В 1885 г. на Никольской мануфактуре Морозова в Орехово-Зуеве состоялась крупнейшая в пореформенной России стачка. Рабочих возмутило то, что экономические трудности хозяин попытался целиком переложить на ткачей, в 5 раз снизив расценки за работу и увеличив размер штрафов. У стачечников выявились вожаки – П. Моисеенко, В. Волков и Л. Иванов, которые не дали разгуляться стихии бунта и перевели протест рабочих в организованное русло. Были выработаны требования к владельцам мануфактуры, которые стачечники передали владимирскому губернатору. Последний вызвал войска и арестовал зачинщиков стачки. Однако во время судебного процесса все 33 обвиняемых были полностью оправданы присяжными заседателями. Властям удалось в административном порядке (то есть без суда, по распоряжению министра внутренних дел) выслать лишь Моисеенко и Волкова.

Стаечное движение рабочих с 80-х годов быстро росло. В 1880-1884 гг. состоялось 95 стачек с 34,4 тысяч участников. В следующие пять лет (1885-1889гг.) число стачек увеличилось в 1,9 раза – до 177. а их участников – в 2,6 раза (до 88,5 тысяч). В 1890-1894 гг. произошло уже 195 стачек со 120,5 тысячью участников, а в 1895-1900 гг. число стачек возросло до 1395, а участвующих в них – до 395,4 тысяч че-

ловек. В 80-е годы рабочее движение практически не соприкасалось с движением революционеров, хотя на отдельных предприятиях и велась соответствующая пропаганда.

Поскольку рабочие в России становились одной из заметных социальных групп, притом по темпам роста самой прогрессирующей, правительство принуждено было обратить внимание на ужасающие условия их жизни, ведущее к прямому возникновению оппозиции власти, то есть пролетариата. В 70-е годы XIX века для промышленников выгодным делом был прием на работу детей, подростков, женщин, которые работали не меньше мужчин за половину зарплаты. Закон 1 июля 1882 г. запрещал труд на фабриках детей до 12 лет, труд малолетних (от 12 до 15 лет) ограничивал восемью часами. 3 июня 1885 г. был издан закон «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах». 3 июля 1886 г. вышел закон, урегулировавший условия приема рабочих на предприятия и расчета с ними, ограничивал штрафы и запрещал для заводчиков такую распространенную форму расплаты с рабочими, как товаром из фабричных лавок, где их цена была выше обычной. Для надзора за выполнением рабочих законов правительство создало специальную фабричную инспекцию. Вместе с тем издавая эти законы, правительство стремилось пресекать случаи неповиновения рабочих и последним законом ввело ответственность за стачки.

Генерал А.Ф. Редигер (военный министр в 1905-1909 гг.;

в царствование Александра III служил в центральном аппарате министерства) в своих воспоминаниях (1917-1918) писал о кадровой политике в военном ведомстве этого времени: «Во все царствование императора Александра III военным министром был Ванновский, и все это время в военном ведомстве царил страшный застой. Чья это была вина, самого ли государя или Ванновского, я не знаю, но последствия этого застоя были ужасны. Людей неспособных и дряхлых не увольняли, назначения шли по старшинству, способные люди не выдвигались, а двигались по линии, утрачивали интерес к службе, инициативу и энергию, а когда они добивались до высших должностей, они уже мало отличались от окружающей массы посредственностей. Этой нелепой системой объясняется и ужасный состав начальствующих лиц, как к концу царствования Александра III, так и впоследствии, во время Японской, во время Японской войны»⁵¹.

Вследствие финансовой политики строжайшей экономии Александр III отменил роскошную форму для разных родов войск. Указом 14 ноября 1881 г. для всех родов войск и всех чинов вводилась однотонная и дешевая военная форма, напоминавшая традиционную русскую одежду. В армии переобмундирование вызывало своеобразный шок, отчего многие офицеры, не выдержав нововведений, уходили в отставку.

⁵¹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х томах. Т. 1. Москва, Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 1999, стр. 157-158.

Бережливость императора проявлялась во всем, начиная от личного гардероба и заканчивая выдачей наград и даже императорской семьей: Александр III провел закон, по которому «великими князьями» могли именоваться только дети и внуки царствовавших императоров, а остальные члены августейшей фамилии получали титул «князей императорской крови» – соответственно с сокращением им денежных выплат.

В 1876 г. Александр II составил завещание своему наследнику, в котором заповедовал: «Да поможет ему Бог оправдать мои надежды и довершить то, что мне не удалось сделать для упрочения благоденствия дорогого нашего Отечества. / Заклинаю Его, не увлекаясь ложными теориями, пешишься о постоянном его развитии, основанном на любви к Богу и на законе. Он не должен забывать, что могущество России основано на единстве Государства, а потому все что может клониться к потрясению сего единства и к отдельному развитию различных народностей, для него пагубно и не должно быть допускаемо»⁵². Из этого завещания Александра III неукоснительно следовал только идее народного единства. Князь С.М. Волконский писал: «Смещение принципов национального и религиозного достигло последних пределов уродства. Только православный считался истинно русским, и только русский мог быть истинно православным. Вероисповедной принадлежностью человека измерялось его

⁵² ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 948. Л. 2, 2 об., 4 об. 5.(подчеркнуто в рукописи).

политическая благонадежность»⁵³. Пользуясь искренней набожностью государя и его преданностью православной вере (Александр III выстаивал до конца все службы и соблюдал обряды) обер-прокурор Синода Победоносцев развернул буквально травлю не православного населения, причем наибольший удар наносился представителям христианских не православных течений. Одновременно правительство стремилось любыми путями поощрять переход населения в православие. Консервативный «Гражданин» князя В.П. Мещерского, издание, ценимое и читаемое императором, 11 февраля 1892 г. писал о действиях православных горе-миссионеров: «С Восточной Сибири – из Иркутской губернии сведения еще печальнее; они повествуют об ужасных насилиях, совершавшихся для обращения буддистов в православие... К счастью, эти ужасы дошли до сведения иркутского генерал-губернатора, и началось следствие. Но все же событие это вдвойне печально: во-первых, потому, что крещение насильное, с облавами в лесах, с побоями, истязаниями, даже над беременными женщинами, совершалось полицией по требованию местного духовенства, а во-вторых, потому, что

⁵³ Волконский С.М. Мои воспоминания. В 2-х томах. Т. 2. Родина. Москва, Искусство, 1992, стр. 55. «Такое отношение к важнейшим вопросам духовной жизни низводило их на степень чего-то служебно-зарегламентированного, в чем проявлению личности не было места и в чем открывался необъятный простор лицемерию. И вот, я не могу иначе назвать всю тогдашнюю систему, как школой лицемерия. Это было политическое ханжество, в предмет которого никто в душе своей не верил. Удивительно, как ложная постановка этих вопросов приводила прямо к какому-то искажению мысли» (С. 55).

с этими действиями, не имеющими имен, сопоставляли дорогое всем русским имя царственного первенца...»⁵⁴

⁵⁴ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. Москва, Мысль, 1970, стр. 129. «Массовые крещения, неоднократно отмечаемые источниками на протяжении всего XIX в., носили, как правило, формальный характер. При этом основное внимание уделялась "на внешнюю сторону миссионерского деяния, т. е. на возможно большее количество крещений", а догматы и культы православия оставались непонятными для новой паствы... Все это порождало многочисленные случаи двоеверия, соращения в язычество и т. д. Посетивший в 1833 г. Березовский округ тобольский гражданский губернатор Муравьев доносил начальству, что крещение ханты и манси "ни в образе жизни, ни в образе мыслей... ни в чем не различаются от язычников и даже продолжают... тайно в лесах свое прежнее богослужение". Об основах веры они не имели "ни малейшего понятия"¹... Кампания крещения аборигенов с новой силой развернулась в 1891 г., когда православные миссии решили использовать путешествие по Сибири наследника престола великого князя Николая Александровича, присваивая всем новокрещенным мужчинам имя Николай. Большую помощь в этом деле миссиям оказывали чины земской полиции. В июле 1891 г. балаганский окружной исправник Поздняков разослал главам бурятских ведомств циркуляр, в котором предписывал им принять деятельное участие и привлечь "к святому крещению возможно более число инородцев". Всех лиц, подлежащих крещению, следовало к определенному сроку "доставить в миссионерский стан". За неисполнение этого распоряжения бурятская родовая администрация должна была "ответить по закону". Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют со всей определенностью заключить, что угрозы эти не оставались только на бумаге. Поздняков и некоторые бурятские родоначальники оказались ретивыми православными пастырями. Во время крещения бурят Балаганского округа по личному указанию исправника казаки ловили разбежавшихся по лесам от страха перед насильственным крещением мужчин и женщин, а сам Поздняков палкой избивал инаковерующих, стремясь подобными действиями заставить их креститься²» (Дамашек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири. (XIX – начала XX века).. Иркутск, изд. Иркутского университета, 1986, стр. 1 – 160, 2 – 161-162).

Национальная политика правительства была не менее эксцентричной. Историк начала XX века А.А. Сидоров полагал, что «после 1 марта с воцарением императора Александра III и в правительстве, и в обществе взяла верх национальная идея. Под ее влиянием были предприняты меры по объединению окраин»⁵⁵. Русификации подвергались и регионы родственные русским (Украина), и те окраины, где фактически не было русских жителей (Прибалтика). Еще в 1875 г. было запрещено издание книг на украинском языке и постановка украинских пьес. При «русофиле» Александре III в 1881 г. эти ограничения вновь подтверждаются. В результате центр украинофильского движения переместился в Галицию, территорию Австро-Венгрии, власти которой более спокойно относились к претензиям своих народов на национальную самобытность, а само украинское движение приобрело антирусскую ориентацию. В эпоху Александра III закончилась русификация Польши. В Прибалтийском крае (Лифляндии, Эстляндии и Курляндии) велась «борьба с германизацией». Здесь остзейцы, потомки немецких и шведо-датских родов, захватили все должности в местной администрации, от чего управление, суд и школы в качестве государственного языка использовали немецкий. От этого страдало не только русское правительство, с которым остзейцы зачастую мало считалось, но, прежде всего эстонцы и латыши. Поэтому пере-

⁵⁵ Сидоров А.А. Инородческий вопрос и идея федерализма в России. Москва, тип. В.М. Саблина, 1912, стр. 38-39.

вод администрации, судебной системы, школ и университетов на русский язык встречал среди местных жителей понимание.

Политика русификации не затронуло великое княжество Финляндское, являвшееся единственным островком конституции в океане самодержавной империи, и даже расширила свои права. Финляндский законодательный орган – сейм – получил при Александре III право законодательной инициативы, которую он добивался два десятка лет. Государственными языками по-прежнему оставались шведский (на котором говорило 5% населения) и финский, валютой – золотая финская марка.

Одним из бесправных инородцев в Российской империи продолжали оставаться евреи. Уже впервые два года правления нового императора России познала масштаб еврейских погромов, охвативших «черту еврейской оседлости» – 15 западных губерний. Зачастую погромы проходили при бездействии и даже сочувствии власти, причем сами погромщики были убеждены в существовании специального царского указа, разрешавшего на Пасху «бить жидов». Правительство солидаризировалось с известным славянофилом И.С. Аксаковым, который восклицал, «каков же должен быть характер взаимных экономических отношений Евреев и Русских!», и далее приходил к заключению, что погромы являются ответом на «гнет Еврейства над Русским местным народом... для того последнее народное движение не представляет в себе

ничего не только противоестественного, но даже неожиданного»⁵⁶.

Защита евреев была не по душе императору, но он вынужден был давать на места указания не допускать повторения «беспорядков». «Это-то и грустно во всех этих еврейских беспорядках» – писал он на отчете варшавского генерал-губернатора за 1882 г., в котором с циничной откровенностью указывалось, что «вынужденная роль защитников евреев от русского населения тяготила правительство»⁵⁷. В целом политика правительства к евреям сводилась к большим ограничениям. В 1887 г. из черты оседлости были изъяты Ростов-на-Дону и Таганрог, с передачей их области войска Донского. Евреев перестали утверждать в должности присяжных поверенных (адвокатов) и допускать к экзаменам на офицерский чин. В 1887 г. введена процентная норма для еврейских детей в гимназии и университеты: в черте оседлости – 10%, в остальной России – 5%, а в столицах – 3%. Сквозь пальцы смотрели и на нарушения административного порядка. Так, московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, дядя императора, организовал массовое выселение из Москвы и прилегающих губерний даже тех еврейских семей, которые находились там, на вполне законных основаниях.

⁵⁶ Русь. 1881. № 30. 6 июня. С 2.

⁵⁷ Календарь русской революции. Под ред. В.Л. Бурцева. Петроград, Шиповник, 1917, стр. 104.

Во время коронации Александр III, в мае 1883 г. в Москве был освящен храм Христа Спасителя. Он был задуман как памятник в честь победы над Наполеоном. Указ о его строительстве появился еще 25 декабря 1812 г. Первоначально храм предполагалось построить на Воробьевых горах по просьбе архитектора А.Л. Витберга. Из-за нехватки средств при Александре I произведено было лишь закладка храма. Николай I забраковал проект Витберга и по проекту архитектора К.А. Тона перенес строительство в центр города, на берег Москва – реки. Храм начали сооружать в 1838 г. и к 1859 г. здание было построено, затем более 20 лет продолжались внутренние работы. Над отделкой храма трудились лучшие скульпторы и художники России: П.К. Клодт, В.И. Суриков, В.М. Васнецов, В.В. Верещагин, Г.И. Семирадский и другие. По открытию это колоссальное сооружение могло вместить до десяти тысяч человек. Но именно здесь хочется вспомнить летописные слова о покинувшем свой сан митрополита Феодосия, общий смысл которых в том, что для каждого человека лучше иметь один храм внутри себя, нежели множество внешне великолепных, но бестолковых.

Александр III знал, что сановники при разработке законов, чаще всего руководствуются настроением монарха и потому он старался не высказываться о предмете до предстоящего обсуждения. Когда же ему говорили, что без заявления монаршей воли «будут разногласия», то царь не раз подчеркивал, что «присутствие разных мнений очень полезно

для дела»⁵⁸. Царь не любил и то, когда решение какого-либо вопроса затягивалось бесконечными обсуждениями в министерских комиссиях, в госсоветовских заседаниях. Прислушиваясь к мнению умудренных опытом сановников, однако пресекал попытки превратить госсовет в самодеятельный орган: «Государственный совет есть ближайшее, помогающее мне и правительству учреждение, а не противостоящее ему»⁵⁹.

Александр III гордился историей России, делами своих предков и немало делал для ее изучения. Душевной привязанностью Александра Александровича являлось и собирание произведений искусства, на что император, как исключение, денег не жалел.

Эпоха Просвещения в России стала приносить свои двойственные плоды – культурный подъем и реакционное напряжение недовольства всего общества. Во второй половине XIX века в России происходит подъем в живописи: И.Н. Крамской, И.И. Левитан, В.С. Перов, И.Е. Репин, В.А. Серов; музыке: М.П. Мусоргский, П.И. Чайковский, С.В. Рахманинов, И.А. Римский-Корсаков; театре: М.Н. Ермакова, В.Ф. Комиссаржевская и певец-актер Ф.И. Шаляпин; архитектуре: М.О. Микешин, А.М. Опекушин, М.М. Антоколь-

⁵⁸ История России. С древнейших времен до наших дней. История в одном томе. А.Н. Боханов Л.Е. Морозова, М.А. Рахматуллин, А.Н. Сахаров, В.А. Шестаков. Под ред. А.Н. Сахарова. Москва, АСТ, 2023, стр. 1138.

⁵⁹ Там же, стр. 1139.

ский. Сильное развитие в это время получила также и русская наука. Врач С.П. Боткин, химик А.М. Бутлеров, историк С.М. Соловьев, физиолог И.П. Павлов, химик Д.И. Менделеев, физик А.Г. Столетов, изобретатели А.Н. Лодыгин, П.Н. Яблочков, А.С. Попов, А.Ф. Можайский (немного ранее инженеры Черепановы), географы и путешественники Н.Н. Миклухо-Маклай и А.М. Пржевальский – эти имена встали в ряд самых выдающихся деятелей мирового научного мира.

Для обучения населения строились учебные заведения. К концу XIX века в России числилось 196 мужских гимназий, 44 прогимназий (с укороченными курсами обучения), 117 реальных училищ и сотни различных средних учебных заведений. Количество же начальных школ и училищ измерялось десятками тысяч. Несмотря на все это около 60% населения (главным образом людей среднего и старшего возраста) все еще не умели ни читать, ни писать. В 1894 г. в России выходило 804 периодических изданий. Большая их часть на русском языке. Имелись также издания на французском, немецком, польском, украинском, еврейском и других языках. Существовали издания общественно-политические, литературные, юмористические, научные, рекламные, справочные, спортивные.

В 90-е годы развитие капитализма и устремление Англии, Японии и США в Корею и Маньчжурию резко интенсифицировало экономическое и политическое освоение Дальне-

го Востока. Мысль о грандиозном сооружении сквозной железной дороги через всю Сибирь к портам Тихого океана увлекает императора в конце его царствования и ознаменовывается в 1891 г. путешествием в Японию юного наследника престола, Николая Александровича, обогнувшего морем с юга всю Азию, побывавшего в Китае и в Японии и вернувшегося через Владивосток и Сибирь сухим путем. Во Владивостоке царевич лично участвовал в закладке великого железнодорожного пути, постройка которого окончательно решена была в это время.

По возвращению цесаревича Николая был образован особой комитет по постройке сибирской железной дороге, председателем его стал наследник. Еще раньше императору пришлось учредить другой особый комитет, также под председательством цесаревича, для сбора пожертвований и оказания пособия голодающим, по случаю голода, начавшегося во многих губерниях Европейской России вследствие полного неурожая осенью 1891 г. Голод, охвативший огромное пространство самой плодородной полосы Европейской России, повторившийся, вместе с холерой, и в следующем 1892-1893 гг., был грозным предостережением, указывающим на глубокое расстройство хозяйства в России. Голод 1891-1893 гг. и постройка сибирской железной дороги, сопровождавшаяся крупным развитием переселенческого движения в Сибирь, были самыми крупными событиями последних лет царствования Александра III.

К времени правления Александра III стали обнажаться проблемы связанные с присоединившемся ранее Закавказьем: «Выходит, что грузины едва не молились на нас, когда грозила еще опасность от персов. Когда гроза стала проходить еще при Ермолове, уже появились признаки отчуждения. Потом, когда появился Шамиль, все опять притихло. Прошла и эта опасность, – грузины снова стали безумствовать, по мере того, как мы с ними благодушествовали, баловали их и приучали к щедрым милостям на счет казны и казенных имуществ. Эта система ухаживания за инородцами и довела до нынешнего состояния. Всякая попытка привести их к порядку возбуждает нелепые страсти и претензии¹» – писал К. Победоносцев императору из Кисловодска 6 июня 1886 г. по поводу убийства студентом ректора семинарии, сетуя, что на судебном процессе «масса публики обнаруживала явно свое сочувствие преступнику, так что председателю приходилось ее сдерживать²», и попутно добавляя, «германское правительство внесло нынешней весной проект закона о дальнейшем ограничении публичности, а мы боимся сделать и первый шаг в этом направлении³»⁶⁰.

Религиозное мировоззрение российского общества этого времени характеризуется присутствием в нем множества религиозных течений, которые в сумме своей откладывают отпечаток на общее духовное состояние. В России присут-

⁶⁰ Письма Победоносцева к Александру III. В 2-х томах. Т. 2. Москва, Новая Москва, 1926, стр. 1 – 112, 2 – 114, 3 – 115.

ствует православие (самое многочисленное течение), его рукав – старообрядчестве, а также ислам, католицизм, протестантизм, иудаизм, буддизм и откровенно языческие, как анимизм, культ предков, магия, теротеизм, тотемизм, фетишизм, шаманизм и другие. Во всех течениях присутствует воздействие мистических сил, больше или меньше. Вместе с тем иудеи своей закупоркой не принимают спасение от Бога, а наиболее прогрессивные передовые протестантские течения слишком малы, чтобы оказывать противодействие мистицизму, тем более что в них самих мистицизм присутствует. Кроме этого, в российском обществе распространены различные секты, псевдохристианского направления, соответственно, с достаточно большим воздействием в них мистических сил.

Стремящийся к свободе, т. е. к первенству, мистицизм ищет пути реализации своих амбиций. Вывод напрашивается сам собой – в XX веке, воспользовавшись давлением низов и смягчением властно-православного режима, в либерализме взглядов победит партия большинства – народно-го мистицизма. Абсолютный мистицизм реакционной волной недовольства своим аскетизмом займет трон российской власти.

В реакционном противодействии (по другому и не могло быть в мистическом обществе) идущему либеральному духу император Александр III попытался поднять значение православия: увеличил оклады для духовенства, поставил духо-

венство во главе дела народного образования, восстановил многие, прежде закрытые приходы, открывал новые храмы и увеличил число монастырей (ежегодно освещалось до 250-и новых храмов и открывалось до 10-ти монастырей) – Россия еще раз попыталась «надеть» на себя старое неудобное платье, чтоб вскорости окончательно сорвать его и поспешить нарядиться еще более старыми, с виду обновленными лохмотьями, впаренные ей под видом последнего писка (мистической) моды. Россия делала последние приготовления для собственного перевоплощения, реинкарнации древней обожествленности.

В 1876 г., наконец, произошел выход перевода полной русской Библии, – православной церкви, волей-неволей, пришлось следовать за передовыми христианскими течениями и снимать гриф сакральности с текстов Священного Писания, размистифицировать, равно как и русскому царизму, преодолевая холодное отношение и к Богу и к народу, проглотить осуществление необходимости элементарного народного образования. Конечно, и библейский взгляд необходимости заботы о бедняках, и возможность смены форм правления (судьи – цари) и династий (Саул – Давид), причем, совершенно независимо от родовой значимости, и, вообще, отсутствия в Библии примера крепкой сословности, все это не приветствовалось русским царизмом. Ветхий Завет в глазах российских монархов был своеобразный красной тряпкой, не имеющий никаких устоявшихся аксиом для

родовитости, вследствие чего перевод его делался черепа-
шьями темпами, не говоря уже о незаинтересованности в
этом самой православной церкви, делавшая всё, чтобы народ
не знал Бога.

Появление Библии на русском языке в массе не измени-
ло ситуацию. Духовное состояние русского народа почти на
рубеже веков описал К.П. Победоносцев в своем письме 8
марта 1880 г. наследнику цесаревичу Александру Алексан-
дровичу: «Впечатления петербургские крайне тяжелы и без-
отрадны. Жить в такую смутную пору и видеть на каждом
шагу людей без прямой деятельности, без ясной мысли, и
твердого решения, занятых маленькими интересами своего
я, погруженных в интригах своего честолюбия, алчущих де-
нег и наслаждения и праздно-болтающих, – просто надрыва-
ет душу»⁶¹.

Были и мыслящие люди, которые искали свою филосо-
фию жизни, пытаясь открыть что-либо новое, в общем рус-
ле бегства от действительности. Арианомистические направ-

⁶¹ Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. Предис. М.П. Покровского. Москва, Новая Москва, 1926, стр. 275. Дальше следует интересное продолжение письма: «Добрые впечатления проходят лишь изнутри России, откуда-нибудь из деревни, из глуши. Там еще цел родник, от которого дышит еще свежестью: от-туда, а не отсюда наше спасение. Там есть люди с русской душой, делающие доброе дело с верою и с надеждою» (С. 275). Эту мысль цивилизованного горожанина, что родник золотой истины находится «во глубине сибирских руд», т. е. неграмотного, во многом мистическо-настроенного народа, стоит запомнить для дальнейшего понимания происходящих событий, мысль, которая и в наше время вполне актуальна.

ления в них преобладали. Яркая демонстрация тому взгляды проинтеллигентного Л.Н. Толстого, который в письме от 7 марта 1905 г. к К. Верксхагену пишет следующее: «Меня очень радует, что я, сам того не зная, был и есть масон по своим убеждениям. Я всегда, с самого детства, питал глубокое уважение к этой организации и думаю, что масонство сделало много добра человечеству»⁶². Толстой служит и своеобразным примером бегства из плена русского бытия, в котором, и где ярко соединились два русских противоречия – поддержка православия и желания из него вырваться: Толстой всю жизнь то и дело стремился бежать, то в мир – мирские законы, науку, то в монастырь, ища в нем правду мироздания, и не находил его ни там, ни там, и остался в конечном итоге «у разбитого корыта» на перепутье дорог станции Астапово. К.П. Победоносцев писал Александру III о Толстом и его учении 1 ноября 1891 г.: «Толстой – фанатик своего безумия и, к несчастью, увлекает и приводит в безумие тысячи легкомысленных людей... Самый разительный пример – кн. Хилкова, гвардейского офицера, который поселился в Сумском уезде, Харьковской губ., роздал всю землю крестьянам и, основавшись на хуторе, проповедует крестьянам толстовское евангелие, с отрицанием церкви и брака, на началах социализма. Можно себе представить, какое действие производит он на невежественную массу!.. Хилков успел уже

⁶² Масонство и русская культура. Сост., предис., коммент. В.И. Новиков. Москва, Искусство, 1998, стр. 351.

развернуть около себя целое население села Павловки и соседних деревень. Он рассылает и вблизи, и вдаль вредные листы и брошюры, которым крестьяне верят. Народ совсем отстал от церкви: в двух приходах церкви стоят пустые, и причты голодают и подвергаются насмешкам и оскорблениям. В приходе 6.000 душ, и в большие праздники, нар., в Покров, было в церкви всего 5 старух. Под влиянием Хилкова крестьяне для общественных должностей отказываются принимать присягу. Такое положение грозит большою опасностью...»⁶³ Здесь надо понимать, что речь идет о социализме гуманистического уклона, т. е. Толстой в совмещении христианства с гуманизмом подменял социализм христианский социализмом антихристианского направления. А словами о невежественной массе автор письма точно показывает на общее религиозное, и не только, состояние народа.

Древние русские мистические корни в средневековой Руси вылились в арианское крещение. Дух арианства, непонимание И. Христа, присутствовал в русском обществе на протяжении всей его последующей истории, и даже пропитка русской церкви греческой верой (тоже с душком арианства) не изменила эту ситуацию; русских священнослужителей более всего заботило «чистота» культа. Кульминационное развитие русского мистификационизма, арианства, воплотится в России в XX веке в гипнотизирующем поклонении нау-

⁶³ Письма Победоносцева к Александру III. Т. II. Москва, Новая Москва, 1926, стр. 252-253.

ки, и в превозношении личностей, символизирующих уход от Бога, в возводимых им почестей как получеловекам-полубогам (одинаково, что Ленину, что Сталину). Абсолютным отражением этого стал роман А.М. Булгакова «Мастер и Маргарита» с преклонением в нем русского общества перед дьявольщиной, его абсолютным всемогуществом, с сатанинским добродушным гуманистическим Христом-полубогом, который сам отрицает спасение человечества – Свое распятие, и главного смысла человеческих стремлений не в спасении, а в свободе.

Россия, по арийским корням – передовик производства, – она берет только самые последние достижения. Поэтому, зачем ей передовое смешанное с отсталостью, западный пример т. н. христианского гуманизма, когда передовая идеализация мистической позиции требует кристальной однородности гармоничных отношений. Поэтому для идеальной чистоты необходимо произвести радикальное очищение, где старая зашлакованность, любыми религиозными понятиями, выкидывается.

В 1899 г. епископ Антоний Храповицкий говорил, что Россия это «государственное существование, основанное на народном себялюбии и чуждое религиозной идеи». В Казанском журнале «Деятель» владыка писал: «Это уже не народ, но гниющий труп, который гниение свое принимает за жизнь. А живут на нем и в нем лишь кроты, черви и поганые насекомые, радующиеся тому, что тело умерло и гниет,

ибо в живом теле не было бы удовлетворения их жадности, не было бы для них жизни»⁶⁴. Единственное, что можно добавить к этим словам, так только то, что епископ ошибался масштабом времени, – просто капитализация, появление класса интеллигенции, сильнее проявила те факторы, которые всегда присутствовали в этом народе, и особенно в самой церкви, превозносившая сакральность культа – мистику, и потому народные духовные черви – это, в первую очередь, и есть учительская церковная мертвечина, которой питаются черви мистицизма.

Русский историк-эмигрант Г.В. Вернадский описывал время правления Александра III: «Меры, направленные на улучшение экономических условий страны, лишь на короткое время могли приглушить раздражение внутренней политикой Александра III, политикой подавления социального недовольства и политической оппозиции. В действительности все время его правления и в первую половину царствования Николая II внешне все было тихо, но накапливалось социальное недовольство, выразившееся в бурных вспышках»⁶⁵ позже. Точнее оценку состояния русского общества можно выразить тем, что шел бурный процесс осмысления мироустройства, его переоценка с все большим убеж-

⁶⁴ Тальберг Н.Д. История русской церкви. Москва, изд. Сретенского монастыря, 1997, стр. 831.

⁶⁵ Вернадский Г.В. Русская история. New Haven, Yale University Press, 1969. Пер. с англ. В.С. Антонов, М.М. Гурвиц. Москва, Аграф, 1997, стр. 237.

дением в лживости старого порядка, где власть, с древним ореолом православности, стремилась любым способом лишь принизить перед собой все общество, в реформах постоянно плелась позади цивилизованной Европы: развитию страны мешала сама православная власть...

Незадолго до своей смерти Александр III разговаривал с доверенным ему генерал-адъютантом Рихтером: «Я чувствую, – говорил Александр III, – что дела в России идут не так, как следует; я знаю, что вы мне скажите правду; скажите, в чем дело?» «Государь, – ответил Рихтер, – Вы правы; дело в том, что у нас есть страшное зло – отсутствие законности». «Но я всегда стою за соблюдение законов и никогда их не нарушаю». «Я говорю не о Вас, а об вашей администрации, которая слишком часто злоупотребляет властью, не считаясь с законами». «Но как же вы себе представляете положение России?» На это Рихтер ответил: «Я много думал над этим и представляю себе теперешнюю Россию в виде колоссального котла, в котором происходит брожение; кругом котла ходят люди с молотками, и когда в стенах котла образовывается малейшее отверстие, они тотчас его заклепывают, но когда-нибудь газы вырвут такой кусок, что заклепать его будет невозможно, и мы все задохнемся». После таких слов «государь застонал от страдания...»⁶⁶, – вспоминал Рихтер.

⁶⁶ Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. Вступит. ст. А.Г. Кавтарадзе. Москва, журн. «Наше наследие», гос. фирма. «Полиграфресурсы», 1996, стр. 166.

Первые рабочие кружки в России возникли в 70-е годы. «Южнороссийский союз рабочих» в Одессе (1875 г.) и «Северный союз русских рабочих» в Санкт-Петербурге (1878 г.) Это были пронароднические организации, хотя и с некоторым присутствием в них марксистского влияния. Значительно большую роль сыграла созданная в Женеве в 1883 г. организация под названием «Освобождение труда». В ее состав вошли члены бывшей организации «Черный передел», оказавшиеся в эмиграции после убийства Александра II: Г. Плеханов (руководитель), В. Засулич, П. Аксельрод, Л. Дейч, В. Игнатов. Они разочаровались в народничестве после того, как увидели, что убийство императора Александра II не привело к народному восстанию. Значит надо искать другие пути достижения заветной цели обобществление российского мироустройства. Маркс, в свою очередь, был тем философом, призывающим к обобществлению средств производства, в основном через революцию, которую может совершить только рабочий класс. Это очень подошло русской интеллигенции, мечтающей о прогрессе страны старыми укладами. Российский мистицизм нуждался, еврейско-германо-английский – предлагал. Они очень дополняли друг друга. Г. Плеханов и его сторонники начали переводить труды Маркса, а на страницах своих брошюр и книг критиковать своих недавних друзей – народников, не желавших принять марксизм, отрицавших неизбежность капитализма и отвергающих теорию о мессианском предназначении про-

летариата.

Марксизм стал известен в России с 1872 г., когда был переведен на русский язык I том «Капитала» (II том – в 1885 г., III том – в 1896 г.) Инициатором перевода был кружок, в который входили: Г. Лопатин, Н. Любавин, М. Негрескул, И. Даниельсон. Вначале за перевод взялся Бакунин, который перевел несколько страниц. Затем за эту работу взялся Лопатин, который фактически и был переводчиком «Капитала». Царский цензор Д. Скуратов, от которого зависела судьба русского перевода I тома «Капитала», разрешил публикацию книги, пояснив в своей резолюции, что «ее немногие прочтут в России, и еще менее поймут ее»⁶⁷, и ошибся.

⁶⁷ Красный архив. 1933. Т. 1(56). Москва. Д. Скуратов. Доклад цензора Скуратова в Петербургский цензурный комитет 23 марта 1872 г. С. 7. «Но как ни сильны, как ни резки отзывы Маркса об отношениях капиталистов к работникам, цензор не полагает, чтоб они могли принести значительный вред, так как они, так сказать, тонут в огромной массе отвлекенной, частью темной, политико-экономической аргументации, составляющей содержание этой книги. Можно утвердительно скапать, что ее немногие прочтут в России, а еще менее поймут ее. При том же исследование автора относится исключительно к заграничным порядкам фабричной промышленности, преимущественно английской, о русских фабриках упоминается только вскользь в двух или трех местах. Маркс не предлагает и не защищает в этом сочинении до 324 стр. какой-либо новой организации труда, основанной на коммунистических началах. Его сочинение имеет характер преимущественно критический, как явствует из заглавия. Критика его направлена не против существования индивидуальных капиталов или частной собственности, а против злоупотреблений как собственностью, так и капиталом, проистекающих из неограниченной конкуренции, проповедуемой господствующей в Англии политико-экономической теорией невмешательства и свободной торговли. Эта-то неограниченная конкуренция и возбудила, по его мнению, чрезмерное,

Несмотря на проникновение в Россию марксизма первым российским марксистским кружком стала зарубежная плехановская группа «Освобождение труда» (стоит заметить, кружком умеренного марксизма; существует разный марксизм). Книги самого Плеханова «Социализм и политическая борьба» (1883 г.), «Наши разногласия» (1884 г.) наносили сильный удар по экстремистскому народничеству и способствовали распространению в стране марксистских взглядов.

Группа «Освобождение труда» работала весьма активно, издав с 1883 по 1903 гг. около 250 марксистских работ. Успехи нового учения в Европе, пропаганда его идей Плехановым и крушение народничества привели к возникновению в России первых социал-демократических* групп Д.Н. Благова, П.В. Точинского, М.И. Бруснева, Н.Е. Федосеева. Они были немногочисленны, состояли в основном из студенчества и интеллигенции, но отдельные рабочие уже потянулись к марксизму, который импонировал им беспощадной кри-

ничем не ограничивающееся стремление к увеличению частных состояний на счет довольства и благосостояния рабочих классов. "Дело это", говорит он на стр. 218, "не зависит от добрых или злых наклонностей отдельного капиталиста. Свободная конкуренция придает постоянным законам капиталистического производства значение внешнего принудительного закона по отношению к каждому отдельному капиталисту". Цензор полагает, что книга эта тем менее может быть подвергнута судебному преследованию, что правительство наше вовсе не следует принципам теории невмешательства и свободной торговли и что в настоящее время особой комиссией составлен проект, в котором благосостояние рабочих столь же заботливо ограждается против возможных злоупотреблений со стороны хозяев, как и выгоды хозяев против распущенности или невыполнения обязанностей со стороны работников» (С. 7).

тикой капитализма, выдвиганием пролетариата в передовые борцы с эксплуатацией человека человеком и надеждами на построение общества т. н. всеобщего равенства и социальной справедливости.

Правительство пока мало внимание обращало на социал-демократию* (по признанию самой полиции, это произошло впервые в 1895 г.) Власти тревожили, главным образом, признаки народнического террора, а не люди, занятые политэкономией, философией и социологией. Никто не подозревал, что заканчиваются последние «тихие» годы существования самодержавия в России: мистицизм, одетый в научные формы – супермистицизм, станет супербогом в русском невежественном болоте культов. Русское невежество, пользуясь услугами то одного, то другого знахаря, и оставаясь по-прежнему в больном состоянии, по слухам, решило обратиться к сильному чародею, который враз снимет любую порчу, сделает общественный организм наиздоровейшим и наисчастливейшим – наигармоничнейшим. Русское общество приглашало Вия на трон власти

В 1888 г. марксистский кружок возник в Казани, его лидером стал 17-летний Н. Федосеев, исключенный из гимназии за политическую неблагонадежность. В этом же году этот кружок посетил В. Ульянов, недавний студент юридического факультета Казанского университета, исключенный в декабре 1887 г. за участие в студенческой сходке. Выходец из не богатой дворянской семьи глубинки он был яр-

ким представителем ее гуманистических настроений, хорошо обученный и имеющий способность запоминать и обрабатывать в уме большую информацию он сыграет решающую роль в претворении в России на фундаментальном уровне мировоззрений гуманизма.

P.S. Примечательно, в русских сказаниях существует много волшебства. Очень выразительно это передано в поэзии Пушкина, например, в «Руслане и Людмиле»: – «Там царь Кашей над златом чахнет – Там русский дух... там Русью пахнет!..» Конечно, волшебство в сказаниях может быть плодом творческой фантазии автора. Но может быть и отражением духа местности, которому кроме волшебства (самостояновения – вытягивания самого себя за волосы) нечего предложить. Понять к какому роду относится волшебство можно только по степени цивилизованности общества, и в отношении России нетрудно сделать вывод о причастности его к форме – на словах красиво, а на деле – никак. Волшебство в России присутствует в такой степени фундаментальности, что его даже не видно, оно существует как само собой разумеющееся, как бездействие в главных вопросах, уповая на саморешение – т. е. на бездействие, или на традиционные силовые методы – полярности гармонии, как раболепство перед вышестоящим, как будто перед ним бог, как отношение к низшему по положению как к ничто (как взрыв ненависти противостоящих сторон, готовых уничтожить друг друга). Это волшебное состояние удерживается

духом магии, духом отступнической старины. Поэтому старина в России имеет степень сакральности, в различных реформах закамуфлированное под передовые институты, например, православие. Дух же старины никуда не делся. Поэтому слова того же Пушкина выглядят пророческими в вечном движении страны назад, поэтически выраженном в стихотворении «Зимнее утро», в призыве скорейшего прихода чудо перевоплощения прошлой вьюги и, вообще, хмурого времени в новое бытие дыхания блеска света, блеска холода и его составляющим деревенским уютом, с духом ностальгии, соответственно, по прошлому, по всегда бывшему, из стари поведенному... «Пора, красавица, проснись: – Открой сомкнутой негой взоры – Навстречу северной Авроры, – Звездою севера явись! ... – Веселым треском трещит затопленная печь. – Приятно думать у лежанки... – И навестим поля пустые, – Леса, недавно столь густые, – И берег, милый для меня»...

Интересно проследить также результат действия усилившегося мистицизма XIX в. от заинтересованностью в европейский прогресс и благополучие, но на началах мировоззрения справедливости, равенства и достоинства, который в следующем веке в России привел к революции и большевизму, в Турции увидел в армянах государственную угрозу, вылившееся в геноцид армянского населения, что будет воплощено еще в более открытой и масштабной форме в мистической Германии, вначале приложив все силы, для раз-

взвывания Первой мировой войны, приведшая к республике, а затем занявшейся суперочищением своего общества, закончившееся претензиями на мировое господство, а дальше, в XX -начале XXI века, усовершенствованным под технический прогресс пантеизмом, практически повсеместно, поскольку мировоззрение гармонии мира охватывает фактически все человечество, различными нлошными проявлениями.

После Берлинского конгресса, когда Александр II еще находил возможным поднять бокал за императора Вильгельма, как за своего «лучшего друга», наследник приобрел известность человека, который «не любит немцев»⁶⁸. С точки зрения европейской политики, в его лице на русский престол вступил деятель с очень определенными симпатиями и антипатиями. «Политическая философия» Александра III была ясна и практична: правительство должно проводить политику исключительно угодную России. В рескрипте на имя военного министра П.С. Ванновского царь писал: «Отечеству Нашему, несомненно, нужна армия сильная и благоустроен-

⁶⁸ По словам Черевина, «величайшею личною антипатиею царя был Вильгельм II. И не то, чтобы Александр III его ненавидел, а просто – именно – терпеть его не мог: претило ему от Вильгельма, органически этот последний был противен царю. Настолько, например, что – когда Александру III подали к утверждению какой-то церемониал, скопированный с германского двора, царь возвратил его перечеркнутым с надписанием: – Я не мальчишка и не обезьяна!» (Голос минувшаго. 1917. № 5-6. Москва. Черевин и Александр III. Москва. 1917. С. 100).

ная, стоящая на высоте современного развития военного дела, но не для агрессивных целей, и единственно для ограждения целостности государственной чести России»⁶⁹. Министр иностранных дел Н.К. Гирс позднее назвал внешнеполитический курс Александра III «спокойной политикой».

Как пишет великий князь Александр Михайлович, который приходился дядей последнему русскому царю Николаю II, когда Александр III собирал своих приближенных, у него часто звучала фраза: «Во всем свете у нас только 2 верных союзника, – наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас»⁷⁰.

«Горький опыт XIX века, – пишет там же великий князь Александр Михайлович, – научил Царя, что каждый раз, когда Россия принимала участие в борьбе каких-либо европейских коалиций, ей приходилось впоследствии лишь горько об этом сожалеть. Александр I спас Европу от Наполеона I, и следствием этого являлось создание на западных границах Российской империи – могучих Германии и Австро-Венгрии. Его дед Николай I послал русскую армию в Венгрию для подавления революции 1848 г. и восстановления Габсбургов на венгерском престоле, и в благодарность за эту услугу – император Франц-Иосиф потребовал себе по-

⁶⁹ История России. С начала XIX века до начала XXI века. В 2-х томах. Т. 2. Под ред. А.Н. Сахарова. Москва, Аст; Владимир, Астрель; 2008, стр. 244.

⁷⁰ Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Прил. к «Иллюстрированной России». Paris, LEV, 1933, стр. 68.

литических компенсаций за свое невмешательство во время Крымской войны. Император Александр II остался в 1870 г. нейтральным, сдержав таким образом слово, данное императору Вильгельму I, а восемь лет спустя на Берлинском конгрессе Бисмарк лишил Россию плодов ее побед над турками.

Французы, англичане, немцы, австрийцы – все в разной степени делали Россию орудием для достижения своих эгоистических целей. У Александра III не было дружеских чувств в отношении Европы. Всегда готовый принять вызов Александр III, однако, при каждом удобном случае давал понять, что интересуется только тем, что касалось благосостояния 130 миллионов населения России»⁷¹.

Сразу после восшествия на престол государь разослал иностранным государствам депешу, в которой объявлял, что император желает сохранить мир со всеми державами и особенно ее внимание сосредоточить на внутренних делах. Испытывая кризис прежней прогерманской ориентации (Германия и Австро-Венгрия на Берлинском конгрессе 1878 г., своим вмешательством лишили Россию завоеванного в войне с Турцией влияния в Болгарии и других балканских странах) Александр III признавал, что лучший выход для империи – не искать никаких союзов, не брать на себя обязательств на случай столкновений европейских стран. И хотя на Чёрном море флот еще не был воссоздан, а на Берлинском конгрессе русская дипломатия потерпела сильное по-

⁷¹ Там же, стр. 70.

ражение, политический вес России был слишком велик, ни один сколько-нибудь важный мировой вопрос не решался без участия империи.

По окончании Турецкой войны Болгария некоторое время была под русским управлением. В апреле 1879 г. Дундуков-Корсаков открыл в Тырнове Учредительное собрание для выработки конституции. «Великое собрание» избрало болгарским князем поддержанного царским двором племянника императрицы Марии Александровны, принца Александра Баттенбергского. Образовались две партии: буржуазно-консервативная и либерально-демократическая. Вскоре между русским дипломатом и болгарскими консерваторами возникли трения, причиной которой стал вопрос о постройке железных дорог. Неудовольствие друг другом привело к разрыву отношений. Обе партии сблизилась на идеи, сформулированную премьеров Д. Цанковым: «Мы не хотим ни русского меда, ни русского жала!»⁷² Правительство негодовало на болгарскую неблагодарность, в Болгарии упрекали русскую власть в стремлении к политической и экономической эксплуатации страны.

На почве разобщения разыгрался и другой эпизод. С мая 1879 г. Восточной Румелией правил, поддержанный Россией, генерал-губернатор Алеко-паша, болгарин, поощрявший подготовку объединения княжеств, на что сама Россия выра-

⁷² Энциклопедический словарь. Т. 37а (74). Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб. 1903. С. 793.

жала недовольство. В 1884 г. с соглашения русского правительства генерал-губернатором Восточной Румелии был назначен Г. Крыстевич, с первых же дней своего правления начавший бороться с агитацией объединения. Однако решающим для последующего переворота послужило несколько факторов: поддержка английского кабинет; германский империализм, используя Австрию для «не австрийских целей», обнаружил тяготения к Ближнему Востоку; русское правительство, обманувшись в своем расчете на предмет Болгарии, с 1883 г. сближалась в своих воззрениях на балканские дела с Портой, и прежние опасения, что через болгарские области на Эгейское море выйдет русская мощь, теперь оказывались ложными.

В ночь с 5 на 6 сентября 1885 г. в Филипполе было провозглашено соединение с княжеством, временное правительство призвало князя Александра. На волне энтузиазма он принял титул обеих Болгарий. Россия выразила резкое осуждение этого события, за то, что «правительство князя, не посоветовавшись с Россией, решило действовать самостоятельно и вопреки желанию Императорского кабинета»⁷³. Русские офицеры были отозваны из Болгарии. Однако уверенность болгарского правительства в своих силах еще больше окрепла после победы над сербскими войска-

⁷³ Три века. Россия от Смуты до нашего времени. В шести томах. Том VI. Репринтное издание. Под ред. В.В. Калаша. Сост. А.М. Маргышкин, А.Г. Свиридов. Москва, ГИС, 1995, стр. 273.

ми, брошенными Миланом в этот момент на Болгарию в расчете, что лишенная русского руководства болгарская армия окажется бессильной. Вместе с тем, на конференции послов в Стамбуле российская дипломатия оказалась в странном положении, Лондон предвидел последовательную позицию России: защитницей неприкосновенности Берлинского трактата, суверенитета султана, целостности и неприкосновенности Османской империи выступила именно Россия, тогда как представитель английской стороны наоборот просил как можно меньше ссылаться на Берлинский трактат, чтобы не толковать его постановлений «в ограничительном смысле для тех народов, учесть которых надлежит улучшить»⁷⁴. В результате переговоров между Болгарией и Портой состоялось компромиссное соглашение: державы признали князя Александра генерал-губернатором Восточной Румелией. Гнев Александра III обрушился лично на князя, считая его первым виновником болгарской неблагодарности и ослушания, определенно высказав это болгарской депутации. Теперь не только Англия, но и Австрия стремилась использовать сложившуюся ситуацию, вытекающую из общего настроения русского правительства.

Австрийская дипломатия начала открыто покровительствовать князю Александру и поддерживавшему его радикальному правительству Стамбула. Однако в результате са-

⁷⁴ Любош С. Последние Романовы. Москва, Астрель; СПб, Полигон; 2010, стр. 155.

мой партийной борьбы приверженцы примирения с Россией, многочисленные в армии, в августе 1886 г., руками софийского гарнизона, свергли князя и передали его в руки русских властей.

Александр III позволил удалиться принцу Баттенбергскому в Галич. Но в Болгарии готовится уже новый переворот, вновь провозгласивший Александра князем. Однако тот царствовать вопреки русскому императору не захотел и телеграфировал из Рушук Александру III: «Россия даровала мне мою корону, и эту корону я готов вручить ея Монарху»⁷⁵. Александр III ответил: «Я буду воздерживаться от всякаго вмешательства в печальное положение дел, до котораго доведена Болгария, пока Вы будете там оставаться»⁷⁶. Однако Александр отказался еще раз от престола. Постепенно в Болгарии взяло верх течение противников Российского влияния и в 1887 г. князем был избран покровительствующий Австрией Фердинанд Саксен-Кобург-Готский. С этого времени из-за своей эксцентричной политики Россия надолго теряет связь с болгарскими государствами. В 1889 г. Александр III называл князя Черниговского единственным верным другом России. Но лишь на его дружбе, конечно, нельзя было основывать русскую политику на Ближнем Востоке: все другие, более стойкие основы ее были разрушены. Оставалось два

⁷⁵ Полоцкие епархиальные ведомости. 15 сентября 1886 г. № 18. Отдел Официальный. С. 2.

⁷⁶ Там же, стр. 3.

выхода: исправлять ошибки или отвернуться от балканских славян. Сделано было последнее.

В европейской политике выстраивания коалиций Бисмарк оказался искусственным игроком. В противостоянии против Франции он соединил Германию, Австрию и Россию в один союз с соглашением от 2 сентября 1880 г., с присоединением к ней в 1881 г. Италии. Однако в марте 1887 г. Россия отказалась продлить соглашение, из-за встреч интересов России и Австрии на Балканах. В ноябре Александр III прибыл в Берлин, где предполагалось выяснить наиболее острые спорные вопросы. С громадным трудом Бисмарку удалось получить его соглашение на новый союз, но без участия Австрии. Канцлер твердо рассчитывал, что теперь возникновение возможности союза России – Франции устранена надолго, вопреки всем усилиям Французского правительства. Но именно в это время болгарские события резко подчеркнули русско-австрийской антагонизм, подчиненная канцлеру Германская печать травила Францию, и Россия мобилизовала восемь с половиной корпусов в Польше. Немедленно после ноябрьского свидания с Александром III канцлер потребовал от рейхстага нового увеличения кадров ландвера и ландштурма, что вызвало бурю в русской и французской печати. Отношения резко изменилось к худшему. Тогда канцлер решил устрашить противников Германии. 22 января 1888 г. он опубликовал текст договора австро-германского союза, второй параграф которой содержал прямую угрозу

России. Через пять дней канцлер произнес в рейхстаге речь. Он перечислил свои услуги России, а также и роль на берлинском конгрессе, когда он был, по его выражению, «как бы четвертым русским уполномоченным». Закончил свою речь Бисмарк грозными словами как бы брошенные всей Европе, и ставшими потом патриотической формулой немецкой нации: «Мы, немцы, боимся Бога, но не боимся ничего в мире...»⁷⁷

В это время как у России, так и у Франции стали проявляться взаимные интересы. Франция, напуганная Германским антагонизмом, нуждалась в сильном покровителе, у России были проблемы в финансовой сфере, она нуждалась в большом и постоянном рынке размещения займов, кроме обычной Германии, которая уже перестала удовлетворять. До сих пор русские займы реализовывались в Германии. Но с ростом германской промышленности и с развитием расширяющейся торговой политики германский капитал устремился на завоевание заокеанских рынков и на питание широко развивавшегося производства. Правительству пришлось болезненно почувствовать свою финансовую зависимость от германского рынка; в момент острых кризисов имперские и частные банки начали суживать или совершен-

⁷⁷ Fürst Bismarck's gesammelte Reden. Band I. Berlin. S. 361.«Wir Deutsche fürchten Gott, aber jonft nichts in der Welt (lebhaftes Brabo); und die Gottesfurcht ift es fchon, die uns den Frieden lieben und pflegen läst» [Мы, немцы, боимся Бога, но не боимся ничего в мире (оживленное "Браво"), и богобоязненность – это то, что заставляет нас любить и заботиться о мире].

но закрывать кредит под русские государственные бумаги. Поэтому при посредничестве двух дельцов, датчанина банкира Госкье и известного Циона были налажены переговоры с Францией, которая эту идею встретила очень благоприятно. Первый заем в номинальной сумме в 500 миллионов франков был выпущен в июне 1888 г. Теперь, поставленная на финансовую основу лучше любых писанных договоров, и невзирая на разные политические устои, русско-французское сближение быстро развивалось. Во время визита французской эскадры Кронштадт в 1891 г. Александр III стоя слушал революционные гимн Франции – Марсельезу, призывавшую народы во имя свободы «к оружию к борьбе с тиранией», т. е. абсолютизмом, и провозгласил тост за здоровье президента Французской республики Карно.

Наконец, сближение двух держав заключалось подписанием 24 декабря 1893 г. обоюдной конвенции о военной взаимопомощи. В Берлине еще долго не хотели верить в свершившееся. В отличие от Франции, которая стремилась втянуть Россию в антигерманский союз ради будущего военного реванша за поражение в 1870 г., Александр III считал конвенцию залогом европейской стабильности. Узнав о кончине Александра III французский журнал либерального направления «Revue des Deux Mondes» («Обозрение двух миров») писал: «Это горе было и нашим горем; для нас оно приобрело национальный характер; но почти те же чувства испытывали и другие нации... Европа почувствовала, что она теря-

ет арбитра, который всегда руководился идеей справедливости»⁷⁸.

Внешность Александра III Витте описывает следующим образом: «Фигура императора Александра III была очень импозантна; он не был красив, по манерам был, скорее, более или менее медвежатый; был очень большого роста, при чем при всей своей комплектации он не был особенно силен или мускулист, а скорее был несколько толст и жирен, но, тем не менее, если бы Александра III явился в толпу, где бы совсем не знали, что он император, все бы обратили на эту фигуру внимание. Он производил впечатление своею импозантностью, спокойствием своих манер и с одной стороны, крайнею, твердостью, а с другой стороны, – благодушием в лице»⁷⁹. «По наружности – походил на большого русского мужика из центральных губерний, к нему больше всего подошел бы костюм: полушубок, поддевка и лапти: и тем не менее, он своею наружностью, в которой отражался его громадный характер, прекрасное сердце, благодушие, справедливость и, вместе с тем, твердость, несомненно импонировал, и, как я говорил выше, если бы не знали, что он император, и он бы вошел в комнату в каком угодно костюме, –

⁷⁸ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Т. I. Нижний Новгород, Чёрная Сотня, 2013, стр. 13.

⁷⁹ Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III. (1849-1894). Т. III. Ленинград, Госиздат, 1924, стр. 153-154.

несомненно все бы обратили на него внимание. Поэтому меня не удивляет то замечание, которое я, помню, сам слышал от императора Вильгельма II, а именно, что он завидует царственности, самодержавной царственности, которая проявлялась в фигуре Александра III»⁸⁰.

А. Луначарский описывает Александра III со слов А. Кони: Это был "бегемот в эполетах", человек тяжелый, самое присутствие которого и даже самое наличие в жизни словно накладывало на все мрачную печать. Подозрительный, готовый ежеминутно, как медведь, навалиться на все, в чем он мог почуять намек на сопротивление, – какой уже там "первый дворянин своего королевства"! – нет, первый кулак своего царства на престоле»⁸¹.

В молодости Александр Александрович не был обделен здоровым и силой – легко разгибал подковы. «Физические качества Александра III казались верхом человеческого достижения робкому Цесаревичу, и без сомнения было много обаяния в зрелище, как серебряный рубль сгибался в железных пальцах Императора»⁸². Напоминая своим видом былинного богатыря, Александр казался олицетворением цветущего здоровья. Лишь перенесенный им в 27-летнем воз-

⁸⁰ Там же, стр. 154-155.

⁸¹ Кони А.Ф. Избранное. Сост., вступ. ст. и примеч. Г.М. Миронова и Л.Г. Миронова. Москва, Советская Россия, 1989, стр. 446.

⁸² Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Прил. к «Иллюстрированной России». Paris, LEV, 1933, стр. 168.

расте тиф в тяжелой форме оставил свой след – царевич лишился половины своих сверхгустых волос.

Зимой 1883 г., уже будучи императором, Александр выпав на ходу из саней, поранив при этом себе руку. Подробности инцидента в печати не сообщались, чтобы не повредить авторитету коронованной особы, глухо говорилось лишь о болезни императора (видимо, не без причины: в момент падения он был не совсем трезв). Сообщение породило слухи о покушении, в связи с чем К.П. Победоносцев потребовал от министра внутренних дел Д.А. Толстого опубликования успокоительных бюллетеней о здоровье Александр III.

17 октября 1888 г. около станции Борки, в 50 км от Харькова потерпел крушение царский поезд, следовавший из Севастополя в Санкт-Петербург. Семь вагонов оказались разбитыми: были жертвы среди прислуги, но царская семья, находившаяся в вагоне-столовой, осталась цела. Александр получил сильный удар в бок. При крушении обвалилась крыша; и как говорили, император удерживал ее на своих плечах, до тех пор, пока вагон не покинули все находившиеся в нем⁸³.

⁸³ Великий князь Александр Михайлович относит свидетельство удержания императором крыши к области народного сказания, но подчеркивает, что эти слухи сильно подействовали на мировую общественность: «После покушения в Борках 17 октября 1888 года весь русский народ создал легенду, что Александр III спас своих детей и родных, удержав на плечах крышу разрушенного вагона ресторана, во время покушения революционеров на Императорский поезд. Весь мир ахнул» (Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Прил. к «Иллюстрированной России». Paris, LEV, 1933, стр. 168).

Расследование обстоятельств дела, показало, что причиной катастрофы послужил целый набор нарушений. Неисправность тормозной системы; превышение скорости движения; отсутствия телефонной связи между двумя паровозами; выявлены неисправности ходовой части, приводящие к раскачке вагона, и состава в целом. Правление дороги, нещадно эксплуатируя персонал, сэкономило на ремонте подвижного состава; мошенничало с закупками угля (те же лица, что входили в правление дороги, образовали угольную компанию и сами себе продавали бросовый уголь по завышенным ценам, а убыток покрывали казенной дотацией) и закупало материалы низкого качества, или вовсе бракованные. Участок пути Тарановка-Борки, на котором потерпел крушение царский поезд, еще летом того же 1888 г. был признан аварийным, и машинистам рекомендовали тихую езду. Этот отрезок пути был введен в эксплуатацию всего за два года до крушения, но он изначально был уложен с превышением допустимого угла наклона, балласт насыпали меньше нормы, и насыпь постоянно оседала и размывалась дождями. Строили торопливо, шпалы клаки бракованные, слабые, как следует держать рельсы они не могли, а за два года кое-где и вовсе прогнили и рассыпались. Правда, перед проходом чрезвычайного поезда балласт подсыпали, а шпалы заменили, но не новыми, а снятыми с другого участка.

Следствие по этому делу было поручено славившемуся принципиальностью и честностью блестящему юристу А.Ф.

Кони (при дворе его недолюбливали из-за дела Веры Засулич: Кони был председателем на суде и допустил ее оправдания). Проведя тщательное расследование А.Ф. Кони пришел к заключению, что причина крушения «представляет сплошное неисполнение всеми своего долга»⁸⁴ (современный уголовный кодекс квалифицировал бы это как «преступную халатность»). Он решил, что привлечь к суду непосредственно виновных крушения – машинистов, Кроненберга и Кованько, было бы неправильно. Кони замахнулся на высших лиц – Таубе, Шернваля, Черевина, Посъет. Кроме того, он считал необходимым отдать под суд и членов правления Курско-Харьковско-Азовской железной дороги – за хищение и за то, что довели дорогу до опасного состояния.

Привлечь к суду персонал такого ранга было делом беспрецедентным. В железнодорожном ведомстве прочно укоренилась положение, согласно которой любую ответственность за аварии несли железнодорожные служащие, но никак не собственники дорог, какие бы злоупотребления за ними не водились. Власть имущие держали оборону нападением. Против Кони стали вести подкопы. Победоносцев докладывал императору, что Кони несет «вредное и разрушительное для православной церкви направление»⁸⁵, выразив-

⁸⁴ Кони А.Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Том 1. Из записок судебного деятеля. Москва, изд. «Юридическая литература», 1966, стр. 457.

⁸⁵ Сашонко В.Н. А.Ф. Кони в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Ленинград, Лениздат, 1991, стр. 178.

шея в уважительном отношении адвоката к другим вероисповеданиям (кроме, изуверски). Но и случай оказался из ряда вон выходящий, под угрозой оказались государь и наследник. К следствию были привлечены и уволены в отставку министр путей сообщения адмирал К.Н. Посьет, главный инспектор железных дорог барон Шернваль, инспектор императорских поездов барон А.Ф. Трубе, управляющий Курско-Харьковско-Азовской железной дорогой инженер В.А. Кованько и ряд других лиц. Но к суду никто привлечен не был, поскольку главных высокопоставленных виновных, Посьет и Шернваля, дворянский корпоратив, используя процедуру привода к суду только через согласие Государственного совета и департамента гражданских и духовных лиц, отклонил. А предавать суду не высокопоставленных лиц было слишком необъективно. Кони дал согласие, и император издал милостивый манифест. На этом дело о крушении закончилось. Позже на месте крушения в память об этом событии были воздвигнуты храм Христа Спасителя и часовня Нерукотворного Спаса.

Несмотря на то, что крушение царского поезда обошлось без видимых последствий для императора, впоследствии Александра III стал жаловаться на боли в пояснице. В 1889 г. он писал Победоносцеву: «Чувствую себя еще отвратительно; 4 ночи не спал и не ложился от боли в спине. Сегодня, наконец, спал, но глупейшая слабость»⁸⁶. Профессор Трубе,

⁸⁶ Нахапетов Б.А. Тайны врачей дома Романовых. Москва, Вече, 2005, стр. 104.

осмотревший Александра, пришел к выводу, что страшное сотрясение при падении послужило началом болезней почек. Болезнь неуклонно развивалась. Государь все чаще чувствовал себя нездоровым. Цвет лица его стал землянистым, пропал аппетит, губы синели, давало о себе знать сердце.

В 1893 г., во время пребывания в Дании, у императора открылось сильное носовое кровотечение, замечалось ослабление сил и лихорадочное состояние. В январе 1894 г. он перенес сильную инфлюэнцию (грипп). Был определен плеврит, затронута легкое. Вспоминая об этом времени С.Ю. Витте писал: «Но сам государь болезнь свою не признавал. Вообще в царской семье есть какой-то странный – не то обычай, не то чувство – не признаваться в своей болезни и, по возможности, не лечиться, и вот это-то чувство, эта привычка у императора Александра III были особо развиты»⁸⁷. Он присутствовал на необходимых церемониях, выносил длительные церковные службы и парадные обеды. Однако окружающим все больше и больше бросались в глаза его быстрая утомляемость, бледность, одутловатость лица. Из Москвы был вызван крупный специалист медицины, профессор Г.А. Захарьин. Император поправился, несколько занялся здоровьем, но не выполнял всех предъявляемых Захарьиным требований, – не утомлять себя слишком занятиями, больше спать и отдыхать, избегать простуды.

⁸⁷ Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III. (1849-1894). Т. III. Ленинград, Госиздат, 1924, стр. 367-368.

В июне 1894 г. произошло новое ухудшение общего состояния здоровья, периодически император страдал от сильных поясничных болей, чуть ли не до потери сознания. Захарьин категорически настаивал на соблюдении строжайшей диеты, лечебном режиме и срочном перемене места жительства.

Состояние императора постепенно ухудшалось. По свидетельству современника, «7 августа около 5 часов дня государь посетил наш полк в лагере при Красном Селе... О болезни государя было уже известно, но когда он вошел в собрание, нам сразу стало очевидно, что он чувствует себя весьма нехорошо. Он не без труда передвигал ноги, глаза были мутные, и веки приспущены... Во время беседы цесаревичем на призовой стрельбе я спросил его, как здоровье государя. На что цесаревич ответил, что государь уже давно чувствует себя нехорошо, но что врачи не находят ничего особенно угрожающего, но они считают необходимым, чтобы государь уехал на юг и меньше занимался дедами⁸⁸».

Пренебрегая советами врачей, будучи охотником Александра III в сентябре с семьей отправился Беловеж, а оттуда в Спалу (под Варшавой). Берлинский профессор Эрнст Лейден, приехавший в Россию по вызову, нашел у императора нефрит. По его настоянию Александр 17 сентября отправился в Крым, прибыл в Севастополь 21 сентября, а оттуда на крейсере «Орел» отбыл в Ялту и поселился в Ливадии. При больном находились выдающиеся медики России

⁸⁸ Нахапетов Б.А. Тайны врачей дома Романовых. Москва, Вече, 2005, стр. 106.

и Германии: Г.А. Захарьин, Э. Лейден, М.А. Попов, И.Ф. Клейн, А.К. Белоусов, Г.И. Гирш, Н.А. Вельяминов. Однако, несмотря на старания медиков и благоприятный климат, болезнь прогрессировала, государь похудел и пожелтел, но бодрился и совершал поездки в экипаже. Последняя поездка была 4 октября, когда ему сделалось дурно. Отек ног увеличивался со дня на день, сердце работало слабо, падали силы. М. Каменев писал позже: «...положение лечивших Александра III (врачей) было очень тяжелым. Для них с самого начала было ясно, что дни императора сочтены, между тем приходилось каждый день сочинять бюллетени, в которых нельзя было, конечно, говорить о безнадежности положение больного, так как Александр III до самого, кажется, последнего дня своей жизни просматривал и русские, и иностранные газеты и не мог не видеть, что о нем пишут... Приходилось ежедневно выдумывать такие отчеты о здоровье, которые обманывали прежде всего самого больного, а за ним и весь мир, причем мир специально медицинский имел полное основание утверждать, что больного "не так лечат"»⁸⁹. Усилия врачей не смогли спасти больного и 20 октября в 2 ч.15 мин. пополудни Александр III в возрасте 49 лет скончался.

28 октября были опубликованы сообщения о диагнозе заболевания и акт вскрытия. Диагноз болезни гласил: «Хронический интерстициальный нефрит с последовательным поражением сердца и сосудов, геморрагический инфаркт в ле-

⁸⁹ Там же, стр. 108.

вом легком с последовательным воспалением»⁹⁰. Причина смерти в акте указывалась так: «На основании вышеизложенного мы полагаем, что государь император Александр Александрович скончался от паралича сердца при перерождении мышц гипертрофированного сердца и интерстициального нефрита (зернистой атрофии почек)»⁹¹.

Наш современник, бывший коллега по Центральному клиническому военному госпиталю им. А.А. Вишневого, патологоанатом с более чем сорокалетним стажем В.В. Вец, ознакомившись с актом вскрытия, дал свое заключение, основанное на современных представлениях: «Смерть наступила от прогрессирующей декомпенсации сердца ("паралич сердца" старых авторов) и развившейся на этом фоне инфаркт-пневмонии»⁹².

В правильности диагноза больного сомневались еще при его жизни многие. И.А. Вельяминов пишет: «врачи, бесспорно, не знали о столь грозном увеличении сердца, а между тем в этом и крылась главная причина смерти. Изменения в почках были сравнительно незначительны... Неточность распознавания не принесла больному ни малейшего вреда, ибо бороться с такими изменениями в сердце мы не имеем средств, но диагноз не был точен – это факт бесспорный»⁹³.

⁹⁰ Там же, стр. 110.

⁹¹ Там же, стр. 111-112.

⁹² Там же, стр. 114-115.

⁹³ Там же, стр. 113.

Тело покойного несколько дней оставалось в Ливадийском дворце в ожидании прибытия из Санкт-Петербурга дубового и металлического гробов. 27 октября на руках гроб с телом был перенесен в Ялту и морем отправлен в Севастополь на крейсере 1-ого ранга «Память Меркурия» под конвоем эскадронного броненосца «Двенадцать Апостолов» и крейсера «Орел». Далее в траурном поезде по железной дороге тело 1 ноября было доставлено в Санкт-Петербург и положено в усыпальнице Российских императоров в Петропавловском соборе. На похоронах усопшего монарха провожали в последний путь его подданные и армия. Командир одного из эскадронов Д.Ф. Трепов в самый ответственный момент своего отряда скомандовал: «Смирно! Голову направо! Смотри веселей!»⁹⁴ Случившееся было оставлено без последствий: власти не хотели афишировать конфуз и, конечно, понимали, что эскадронный командир отдал приказ по выучке и привычке, забыв про печальный характер мероприятия.

Оценки современников правления Александра III взаи-

⁹⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Том I. Издание 2. Ленинград, Госиздат, 1924, стр. 2. «На Невском проспекте, вдруг, я слышу голос: "Смирно". – Я невольно поднял глаза и увидел молодого офицера, который при приближении духовенства и гроба скомандовал своему эскадрону: "Смирно". – Но вслед за этой командой – "смирно" он скомандовал еще следующее: "Голову направо, смотри веселей". Последние слова мне показались такими странными, что я спросил у своего соседа: – Кто этот дурак? На что мой сосед мне ответил, что это ротмистр Трепов».

моисключающие. Приведем наиболее яркие. С.Ю. Витте: «Большое несчастье, что он процарствовал так мало: всего 13 лет; но все эти 13 лет фигура его, как императора, совершенно обрисовалась и выросла... / Но императора Александра III его современники и ближайшее поколение далеко не оценили, и большинство относиться к его царствованию скептически. Это в высшей степени несправедливо. / Император Александр III был великий император»⁹⁵. Г.В. Плеханов: «Целых тринадцать лет Александр III сеял ветер»⁹⁶.

Оценку деятельности Александра III (впрочем, как и всех правителей) следует рассматривать не в плоскости принятия тех или иных законов, выбора пролиберального или прореакционного пути следования, в конце концов, общество мо-

⁹⁵ Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III. (1849-1894). Т. III. Ленинград, Госиздат, 1924, стр. 331.

⁹⁶ Плеханов Г.В. Сочинения. В 24-х томах. Т. 24. Под ред. Д. Рязанова. Москва – Ленинград, Госиздат, 1927, стр. 169. Перу английского корреспондента Диллоу принадлежат строки о Александре III: «В заключение не можем не привести пример анекдота, очень популярного в Петербурге, рисующего отношение к царю петербургских обывателей. На посту возле Аничкова дворца стоит городской. Мимо проходят двое интеллигентных по виду господ. Один, продолжая начатый разговор, замечает другому: "Уверяю тебя, что это так. Ты знаешь, что он трус и глуп..." – "Извольте, господин!" – вмешивается городской, «пожалуйста в участок». – "В участок? Да ты с ума сошел, что ли?" – удивляется прохожий. – "Знаем мы, знаем, кто это трус и глуп... Пожалуйста в участок, там разберутся!" Таков этот царь, пугало для западной Европы, где политическая карикатура иначе не изображает его, как в образе медведя с короной на голове, – человек, не внушающий ни любви, ни уважения, тупой и ограниченный ум, которому, по злой иронии судьбы, вверена участь громадного государства». (Голос минавшего. 1917. № 5-6. Москва. Александр III. С. 94-95).

жет счастливо существовать и без конституции. Или, например наивный вопрос: что для человека благоприятнее, либерализм в мире глупости или тоталитаризм – в мудрости? Поэтому в данной оценке следует обращать главное внимание на то, какой дух наполняет ту или иную форму.

Период правления императоров Александра II и Александра III характеризуется появлением осмысленного противостояния власти нового политического центра, со своими взглядами и идеологией гуманного либерализма для обретения населения страны настоящего «благочестия», исторического достоинства. Эта идея нашла достаточную поддержку у населения, и поэтому можно говорить о появившемся звучном призыве к переходу к новому состоянию. Испытывающая давление низов власть, конечно, могла пойти на уступки, но, будучи символом не народа, а святых народа, мистических «Небес» – видя свою миссию в истории страны и мира в сохранении своего «мессианского» высокомерия, всегда заботилась только об одном – чтоб не упала ее «Небесное» высокое достоинство, – все ее действия были реакционны и нелепы, и не случайно, что сговорчивости двух мистических сторон, борцов за счастье, достоинство страны, не получалось.

Отличительная черта правления Александра III от Александра II состоит в стремлении приподнять значение православия (как неотъемлемая часть самодержавия), установка аскетизма которой спроецировалось в усилении реакции

власти. Страну должным образом очередной раз подвергли трансу аскетической медитации Николаю Угоднику, Богоматери и т. п. Только в отличие от прежней истории, в России теперь была политическая группировка (или группировки, менее или более реакционные, но с одной целью) призывающая идти еще дальше в транс, вперед (т. е. назад) к древнему источнику, к перевоплощению, к прежним устоям. Поэтому правления императоров Александра II и Александра III представляются ближайшими переходными звеньями цепи, в давнем движении России к состоянию мистического озарения, к моменту перевоплощения в обожествление себя, а Александр III, поднявшего православие, буквально сделавшего роспись, чтобы это перевоплощение произошло. Теперь дело оставалось за малым, найти слабое, уязвимое место, дождаться, когда страна окажется в тяжелом состоянии (по причине крупномасштабных войн, эпидемий, голода и т. п.) и власть (это касается не только царя) окажется в шатком состоянии, в котором не сможет противостоять нажиму самых верных последователей «прогрессивной» старины, что, кстати, одновременно является и пиковой доктриной положений православия – материалистический эволюционизм станет лишь воплощением русского религиозного эволюционизма, доктрины приближения к святости через заслуги.

Раз власть по историческим причинам не может совершить духовное «очищение» своего народа, приблизить его к

«Небесам», приводящее к великолепию, на смену ему придут другие, более дерзкие – среднего уровня иллюзионистов заменят высшие иллюзионисты, которые займутся созданием суперсвятого, супермистического, суперправославного государства, – Россия войдет в форму высшей иллюзии, примет юродивое состояние – «ничто», трансмедитации с танцем на углях, и в абсолютной честности станет демонстративно показывать то, что до сих пор было сокрыто внутри, будет высмеивать само себя – громи и круши все, что хоть как-то напоминает о Боге, вот, по-настоящему, какие мы есть! – Это высшая степень православия, нирвана, высшая степень мистического обожествления и перевоплощения в нее – умопомешательство. В вечном движении к сумасшествию, веры в иллюзию, ложь, русский народ войдет в фазу абсолютного помутнения сознания, формы суперразвития православного положения достижения духовных высот, – XX век, экстремистским православием отрицающее православие, станет веком триумфального шествия православной святости! – высшим достоинством на лестнице в «Небеса»! – иллюзионистическим совершенством действия, совершенством общественных отношений, повышено упорным состоянием раскручивания вечного двигателя, становления республики – «Фалл»... Переходной же ступенью, предтечей, олицетворяющий покров «высшей святости» на всю землю, станет представитель взглядов глубинки народной древности, иллюзионист-целитель, истинно православ-

ный, промонашеско-юродивый, совершенствующийся и совершенный подвижник Распутин. И, наконец, волна пикового православия, сметающая все со своего пути, придет все с тех же представлений глубинки народной древности, вооружившись оружием массового поражения в непоколебимом представлении – $2 \times 2 = 4$.

P.S. Очень часто физическое состояние человека отражает его внутренний духовный мир. Очень часто состояние правителя является отражением духовного состояния нации.

В медицине: декомпенсация – это неспособность сердца поддерживать адекватную циркуляцию крови вплоть до ее застоя.

Сердце – орган, связь которого с сознанием человека ощущается им в первую очередь. Сердце царя – орган, связь которого с сознанием нации отображается в его состоянии. Губительное состояние сердца царя – губительное, саморазрушающее состояние сознания нации, ведущее к застою и гибели общественного организма.

Народная поговорка о добром человеке – человек с большим сердцем. Александр III – добрый человек, всей душой, всем сердцем заботившейся о своем народе, о сохранении его исконных устоев, милостивый, простой русский мужик – «человек с большим сердцем».

В идеале мистицизм стремится очиститься от всего, что напоминает ему о Боге-Творце. Поэтому русское мистическое больное состояние мозга нации входит дальше в ста-

дию мистического саморазвития-саморазрушения, отторжения Бога, перехода от мистически умеренного православия, красивой суки, к абсолютной мистике, транссексуалу. Это общество, впадающее в шизофрению и олигофрению, управляемое абсолютными добряками, мудрыми наставлениями сверху. Это движение к абсолютной нирване, миру мистического счастья, гармонии и доброты. Добрый мужик мертв! – Да здравствует самый человечный человек! Смотри веселей!

...

ТВОРЧЕСТВО И ЭВОЛЮЦИЯ

ДАРВИН, НИЦШЕ, МОР, КАНТ, ГЕГЕЛЬ.

К. МАРКС : «КАПИТАЛ...»

Эра Гуманизма – благополучие человеческим разумом, мудростью, общественным согласием, – эра Вселенская Гармония – идеалистического духовного матриархата, очищенного от всех слабостей человеческой природы, – эра Демократия – система централизации для молниеносного исполнения настроений общества, супердемократия, – эра Справедливость – общественного равенства, – эра Светскость – свободы от предрассудков, – эра суперсвятость – вхождение в состояние абсолютной возвышенности, абсолютной исключительности, абсолютной отделенности, приобретения абсолютной целостности, – эра Освобождение-Свобода – космической невесомости, – эра Социальность Мира Достоинства – безрукой ленивой бойкости деления общей тюремной камеры, – эра Фаллос – фаллического благоденствия, – эра Электрический Импульс – суперроботов, – эра Вечный Двигатель – летаргических сновидений горизонта исполнения всех желаний, – эра Мокошь – благополучие по принципу

волшебства родильного принципа, – начиналась в обществе резких противоречий, – грамотности – невежественности, богатства – скудости, привилегированности – жестких рамок. XIX век оставил России след множества крестьянских и рабочих волнений, недовольные условиями своего быта и отношениями к ним имущего сословия. Несмотря на реформы Александра II к концу века страна подошла с прежним сословным разделением, причем власть, подчеркивая превосходство одних, заботясь об их благосостоянии, для других порой ставила условия только выживания.

С развитием заводов, фабрик, мануфактур, отмены крепостного права, перевод взаимоотношений крестьянин-помещик на денежную основу, все это способствовало появлению в обществе капиталистического взгляда. Но в России капитализм складывался с сильным уклоном недоразвитости, так что даже Ключевский, трезва голова, пишет: «индустриализация – царство золотого тельца»⁹⁷. Из-за слабой конкуренции, часто с покровительства властей, появившееся сословие предпринимателей старается завладеть как можно большим экономическим пространством, т. е. стать полнейшими хозяевами, со сверхприбылью, устанавливая высокую цену на товар, в противоположность минимально оплачивая рабочий труд. К этому же стоит добавить различные спекулятивные махинации, а кроме того, аферы предприни-

⁹⁷ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. Сост. А.А. Зимин, Р.А. Киреева. Москва, Наука, 1983, стр. 277.

мателей-дворян, пользующиеся дотациями государства. Исходя из всего, общая экономическая среда разделяется на две, почти не связанные между собой, экономические системы. Экономическое пространство высоких цен и высоких доходов, и пространство минимальных доходов, с гарантированным правительством необходимым набором товаров минимальных цен. Рабочий труд законодательно был слабо упорядочен, чем широко пользовались хозяева предприятий. Рабочий день длился 14-15 часов, с двухсменной работой по 12 часов. Рабочие жили в общих бараках по типу армейских казарм. Деньги выдавались редко, порой только к большим годовым праздникам, продукты приобретались в магазине при предприятии в долг. Зарплата рабочих была в 2 раза ниже, чем в Англии и в 4 раза ниже, чем в США. Развитие промышленности на бесправном нищенском труде, перевод страны на капитализацию в передергивании в сторону дворянства было показательным фактором политики власти, стремящейся в новых условиях в первую очередь сохранить старый принцип сословности.

Разнообразие идей тайных кружков и течений, как ограничение власти царя до его полного низвержения, проходит через все столетие. К середине века в стране сформировалось общество разночинцев, людей из разных сословий (но не дворян), получивших хорошее образование и придерживающихся идей ломки сословности, свободы от угнетения. Реакция же власти на общественное движение, созна-

ния необходимости преобразования деспотической страны в правовое мыслящее государство, свелась, от начала до конца века, только к позиции физической меры устрашения.

P.S. В сущности русский царизм во всей своей истории был направлен на воплощение только одной цели, содержащейся в православной церкви (которая, в свою очередь, была лишь замаскированным продолжением древней связью славян с мистицизмом) – общественного гуманизма, – благо, отражающее состояние гармонии бытия. Где, с одной стороны, в отличие от Божественного благословения, которое дается (в избытке), гуманизм распределяет благословение, находившееся в системе константой (почему Маркс выступил за распределение общественных благ, с изначальной критикой научно-технического прогресса, т. е. творческой мысли), с другой, гуманизм, как отражающий природу, несет ее фундаментальные свойства – инстинкт животного мира (который является продолжением неживого мира, как падший дух несущий природу живого и неживого) самосохранения, для чего элемент должен отдалиться от возможной гибели как можно дальше, до бесконечности, поэтому в совокупности этих свойств происходит то самое распределение, когда 1% населения присваивает общественный продукт, а 99% вынуждены продавать свой труд за даром. Это же страх самосохранения (неуверенность в свою вечность) толкает элемент к своему возвеличиванию и гуманизм уже проявляется взаимовыгодным сотрудничеством элементов системы (уж

верно заметят «Небесные» силы значимую личность, тем более близкую к ним по степени связи на земле, а через него и его ближайших соратников), поэтому благо в гуманизме, в жестоком мире благословения преходящем, имеет форму блага для избранных, своих, – поэтому и российский эгоизм был выражением ее пути гуманистической старины – заботы друг о друге в мире всеобщего поглощения, торжества превосходства, когда дружина, в лице дворянства, охраняет княжеское величие, а князь устраивает грабительские походы для обогащения дружины, воплощением этой же системы уже в государственном масштабе фактически бандитской вседозволенности на местах дворянства (и бюрократизации в среде чиновничества), – теперь же дух мистицизма, следуя навстречу настроению всеобъемлющего гуманизма, постарался представить всемогущество науки, чтобы преходящее превратить в постоянное, масштабом гармонии остановить дисгармонию, стал стремиться окончательно вырваться из рамок дремучей русской церкви, сделать благополучие всего общества на холодных цифрах математического расчета, «тришкин кафтан» «тепленького местечка» волшебной математикой растянуть на все общество, что в действительности ни чем иным и не могло быть как, образно говоря, благословение (даруемое Богом) искрою выбитое из среды константы (представляемое затем более-менее умеренное народное состояние великим достижением вечных ценностей гуманизма).

Примечателен факт выхода в 1892 г. повести А.П. Чехова «Палата № 6». Сюжет повести разворачивается будничной жизнью больницы провинциального городка, где в его больничной атмосфере бесчувственности просматривается вообще российская действительность. Если повесть перефразировать, то Россия это европейская глубокая провинция, где цивилизации нет места бытия, и моральный климат которой скорее подходит под больничную палату для душевнобольных. Здесь унылая обстановка, грязи и вонь, со строжайшей полицейской системой, переходящей в произвол. Здесь витает дух либеральной философии и саму власть все считают сумасшедшей, которая, несмотря на внутренние симпатии к либерализму, смотрит на свою систему тотального произвола и запустения привычно сквозь пальцы, и у которой вдруг появился негласный конкурент в лице молодого, напористого и энергичного. Этот целеустремленный всеми правдами и неправдами добьётся-таки своего «Олимпа», займет место высшей власти этой «больницы», отправив прежнюю на вечный покой, и, домысливая, старое будничное спокойствие, при некотором вливании в большей степени на начальном этапе клинической бодрости со всеми вышеприведенными характеристиками, здесь продолжиться и продолжится.

Развитие науки XIX века привело к развитию борьбы между старым и новым взглядом на существующий мир. Открытия в физике, химии, геометрии, астрономии, биоло-

гии, исследования в математике, изобретения различных сил тяг, все это объясняло устройство мироздания, давало видимость великой возможности науки, возможности человеческой мысли, давно ставившее под сомнение свою второстепенную роль в мире.

На основе сделанных новых открытий происходит борьба взглядов: существует ли Бог или нет? – и где Он? Здесь интересен сам исторический спор между т. с. мистиками и христианами, но в действительности спор мнения общего котла, лишь с более или менее мистическим уклоном. Более мистическо-настроенные естествоиспытатели, которых можно отнести скорее к агностикам, являвшееся, в свою очередь, сектальностью мистического христианства, держались точки зрения, что мир был сотворен Творцом и оставлен, природа же теперь существует сама по себе и эволюционирует. Француз Ж.Б. Ламарк (1744-1829), основоположник идеи эволюции считал, что «природа обладает всеми необходимыми средствами и способностями самостоятельно произвести все, чему мы удивляемся в ней»⁹⁸. Агностикам противостояла двойственная среда гармоничного христианства в виде католицизма, поэтому их мировоззрение было весьма противоречиво и оказалось более несостоятельно-дремучим светскости. Так в большей степени христианские (ка-

⁹⁸ Ламарк. Т. 1. Философия зоологии. Пер. с фр. С.В. Сапожникова; ред. В.П. Карпов.; вступит. ст. В.Л. Комарова. Москва–Ленинград, гос. изд. Биологической и Медицинской Литературы, 1935, стр. 67.

толические) ученые, с одной стороны, были сторонниками Бога-Творца, отрицая идею эволюции, а с другой, верили в гармонию, т. е. законченность мироздания, держались идеи постоянства видов, тем отвергая настоящее действие Бога как творца, а с третьей стороны, верили в постоянное присутствие Бога-Творца в мире, т. е. в большей степени бездейственное пребывание Творца напоминающего некоего сторожевого пса мира. Ярким представителем этого направления стал французский зоолог Ж. Кювье (1769-1832). Он объяснял внезапное исчезновение фауны и животных видов вследствие переворотов, катастроф в истории Земли, при которых гибло все живое, а новый органический мир возникал путем нового творческого акта. Впоследствии сделанные открытия англичанами Ч. Лайель (1797-1875) в геологии, свидетельствующие о медленном непрерывном процессе изменения земной поверхности, и Ч. Дарвином (1802-1882) опровергали теорию постоянства видов и, соответственно, постоянства мироздания, а вместе с тем, общей атмосферой мозговой заторможенности, связкой был подвергнут критике и взгляд о постоянном присутствии в мире Преобразователя (который фактически стал синонимом преобразователя на крайний случай), чем и поспешили воспользоваться т. с. крайние агностики, повышенного мистико-сектального проявления взгляда далекого Бога, в образе упористых гармоников, сразу выстраивая свою точку зрения, что наука только и подтверждает не существование Бога, но самостоятельное

движение природы.

К концу XIX века уже появились труды Ч. Дарвина такие как «Происхождение видов» (1859 г.), где он убедительно рассматривал теорию естественного отбора и «Происхождение человека» (1871 г.), в которой он показывал, что все отличительные черты человека можно объяснить с точки зрения постепенного изменения предков антропоида в процессе естественного отбора. Чарльз Дарвин родился в семье в значительной степени принимавшей унитарянство (течение близкое к арианству: не принимает догмат о Троице, учения о грехопадении и таинств, в противовес мысли Священного Писания о спасении христиан, утверждает, что спасутся вообще все люди, т.о. под христианском проповедует бога Либеральность, Беспринципность, Свобода). Унитарийский дух либеральности остался присутствовать в Чарльзе на всю оставшуюся жизнь, и этот дух свободы, не от милости, а от закона, т. е. дух величины, не бездействовал, затягивая своего последователя дальше и дальше к убеждениям, что Священное Писание не является полноценной истинной, поскольку там нет объяснения, но лишь «благочестивый способ утверждения», а с другой стороны, все больше втягивая в принципы целостности, взгляду эволюции, где «сотворение» это «"появление" вследствие какого-то совершенно неизвестного нам процесса»⁹⁹. Борьба взглядов хри-

⁹⁹ The Life and Letters of Charles Darwin. Vol. III. Second Edition.. London, 1887. P. 18.

стианства и унитариянства продолжалась в Дарвине достаточно долго (он даже хотел стать священником), но заложенный в детстве вирус величины постепенно перетягивал, делая из него личность сначала критического отношения, а затем вовсе не желавшего видеть духовную основу мира. «Понемногу закрадывалось в мою душу неверие, и в конце концов я стал совершенно неверующим»¹⁰⁰. Этому способствовали открытия, противоречащие представлениям о всеблаготворном мироустройстве. Еще путешествуя на «Бигле» (по окончании университета Дарвин в качестве натуралиста в 1831 г. отправился в кругосветное путешествие на экспедиционном судне королевского флота «Бигль», откуда вернулся в Англию лишь в октябре 1836 г.) Дарвин придерживался вполне ортодоксальных взглядов и вполне мог сослаться на авторитет Библии в вопросах морали, однако с течением времени он начал рассматривать историю творения в том виде, в котором она представлена в Ветхом Завете, как ложную и не заслуживающую доверия: «я постепенно пришел к сознанию того, что Ветхий Завет с его до очевидности ложной историей мира, с его вавилонской башней, радугой в качестве знамения завета и пр. и пр., с его приписыванием богу чувств мстительного тирана заслуживает доверия не в большей мере, чем священные книги индусов или верования какого-ни-

¹⁰⁰ Дарвин Ч.Р. Сочинения. В 9-ти томах. Т. 9. Записные книжки, дневники, воспоминания. Жизнь Эразма Дарвина. Пер., ст. и комен. С.Л. Соболя. Под ред. В.Н. Сукачева. Москва, Акад. наук СССР, 1959, стр. 205.

будь дикаря»¹⁰¹. Следует только уточнить, что окончательный разрыв Дарвина с религией произошел в 1851 г. после смерти любимой дочери Энни, поэтому его атеизм скорее являлся броском обиды против Бога и непонимания негуманности, нелиберальности Бога.

Однако прийти к полному атеизму в глубине души Дарвин тоже не смог, конечно, из-за присутствия в нем обычного здравомыслия (христианских основ английского общества). Поэтому борьба взглядов окончательно свелась к позиции Бога удалившегося от когда-то сотворимого Им мира. Дар-

¹⁰¹ Там же, стр. 205. Дальше Дарвин пишет абсолютный бред (но зато как складно): «В то время в моем уме то и дело возникал один вопрос, от которого я никак не мог отделаться: если бы бог пожелал сейчас ниспослать откровение индусам, то неужели он допустил бы, чтобы оно было связано с верой в Вишну, Сиву и пр., подобно тому как христианство связано с верой в Ветхий завет? Это представлялось мне совершенно невероятным» (С. 205). Это надо же было до такого додуматься! Вообще-то «Откровение» есть связь с Богом, потерянное в давние времена истории человечества, которое восстанавливается посредством связующего звена в виде знания, для передачи которого был создан еврейский народ. У Дарвина очевидная каша смешения христианства с гуманизмом, по которому бог любит весь мир в такой степени (прямо суперстепени), что готов ниспослать спасителей во все народы мира и, продолжая в том же направлении, всем живым формам этого мира. В результате получается несусветная чушь, вроде ниспослания спасителя муравьям, причем каждому виду отдельного, что можно подытожить красноречивым призывом, почему бы корове вместо вымени не прилепить рога, а потом возмущаться, что рога колют теленка, подошедшего сосать молоко. Фантастика, как слаженность изложения делает привлекательной мысль даже самую бредовую. Это намек на Маркса, у которого в основе заложен абсурд, но который рассматривается литературно выверенным языком с использованием научной терминологией. Бред, одетый в научные формы – это суперабсурд, которому преклоняются и делают жертвоприношения, вплоть до человеческих.

вина, с одной стороны, не покидала мысль, что у мира было начало в разумном творении. В «Воспоминаниях», предназначенных для семейного чтения, он определяет свою позицию близкую к мистицизму: «Тайна начала всех вещей неразрешима для нас, и что касается меня, то я должен удовольствоваться тем, что остаюсь Агностиком»¹⁰².

P.S. Мистицизм атакует: если невозможно в чистом виде представить природу бытия самопоявившейся и саморазвивавшейся, значит нужно к этому положению человека максимально приблизить, сделать Бога, наполняющий мир, далекий, который где-то существует, но не здесь, и которого не следует искать... – взгляд принявший форму теории первичного толчка.

С другой стороны в письме к Марксу Дарвин пишет, что его агностицизм является способом ухода от конфликта с обществом, и в частности со своей семьей: «Будучи решительным сторонником свободы мысли во всех вопросах, я все-таки думаю (правильно или неправильно, все равно), что прямые доводы против христианства и теизма едва ли произведут какое-либо впечатление на публику и что наибольшую пользу свободе мысли приносит постепенное просвещение умов, наступающее в результате прогресса науки. Поэтому я всегда сознательно избегал писать о религии и ограничил себя областью науки. Впрочем, возможно, что тут на меня повлияла больше чем следует мысль о той боли, которую я

¹⁰² Там же, стр. 209.

причинил бы некоторым членам моей семьи, если бы стал так или иначе поддерживать прямые нападки на религию»¹⁰³.

Атеистическое мировоззрение Дарвина было отражением настроения английского общества к позиции свободы (когда-то вытаскившее Англию на передовые рубежи, в истории отказа от католицизма), из которого следствием вытекало положение недоверия к религиозным и в первую очередь христианским догмам (впрочем, как и в настоящее время, казалось бы, в христианской Англии сильны «передовые» течения утверждавшие, что религия дело частное, а институт королевства вообще прошлый век). Но в действительности, думается, что Дарвин метался между принципами агностицизма и атеизма. Не понимая Бога, в действии суровых законов природы, он Его отрицал, но понимая, что мир слишком сложен для случайности, он допускал некое разумное начало в модном тогда (и сейчас) «Провидении»¹⁰⁴.

Дух свободы, по-своему проявившийся еще во времена борьбы с католицизмом, содействовал установлению в английском обществе религиозной толерантности в англиканской церкви, выразившееся в появлении унитариянского течения, проповедовавшее либерального Бога. За этим последовало дальнейшее впадение в состояние свободы – Бог объ-

¹⁰³ Там же, стр. XLIX.

¹⁰⁴ Дарвин Ч.Р. Сочинения. В 9-ти томах. Т. 1. Путешествие натуралиста вокруг света. Под ред. С.Л. Соболя. Москва, Акад. наук СССР, 1935, стр. 28, 358, 523.

являлся далеким и неизвестным существом. Природа свободы сильнее набирала оборот, и казалось, что этому способствовал экономический и технический прогресс.

Приложение научных открытий к мистической составляющей Дарвина (и европейского общества) стало рубежом, за которым последовало преобразование мистических настроений в супермистику, объяснения природы с точки зрения эволюции (если быть точным, эволюционизма-анархизма), метаморфозы по принципу – от простого к сложному, где природа, таким образом, становилась целостной, свободной, самоорганизационной, саморазвивающейся, принимала форму величины. Парадокс заключается лишь в том, что принцип развития-раскрытия мира (маневрирование составными частями бытия используя фактор логики) присутствует в Священном Писании (сотворение Вселенной, затем поочередно – земли, травы, деревьев, живой мир морской, наземный и в завершении всего – человека), ни сколько не отрицается, а наоборот, все является мудрым произведением, на основе установленных Богом законов логики, которые Он в творчестве нарушает, поскольку по логике – все должно быть сведено к состоянию «0». Поэтому принятие формулы мистического саморазвития, исходило, в первую очередь, из внутренних предрасположений, и таким образом дарвинизм стал явлением запроса общества на мистицизм, открытие и постижение «тайн» самосовершенствования, ответом на стремления (масоно-индуисткой) мистической ин-

теллигенции Западной Европы, которое, в свою очередь, было лишь отражением состояния христианской церкви, – заинтересованность эволюционизмом стало отражением церковного положения будущего спасения за накопленные добрые дела, т. е. заслуга по справедливости, причем в идеале иноческой формы, превращая церковный путь спасения в положение «Моя борьба», что, в свою очередь, переводит спасение в состояние достоинства, и таким образом, «Моя борьба» за высшее, небесное благородство на лестнице мироздания, и которые, в таком случае, есть те самые эволюционирующие ступеньки явления справедливости к нирване спасения, перешедшие затем в индуистскую карму и переселение душ и в высший церковный рубеж самосовершенствования – материалистический эволюционизм.

Фактор крепостничества показывает состояние народного достоинства способом преломленного отображения, и чем больше крепостного состояния, тем выше народное достоинство. Но в данной структуре совершенство все же не максимальное, поскольку предельной суровостью не на весь народ распространяется. Поэтому, чем более лютое крепостничество, тем сильнее фактор эволюционизма, тем сильнее тяга к «царству свободы» и повышающаяся до максимальной возможность её осуществления, – воронка эволюции в том и заключается, что чем больше человеку по жизни тяжелее, тем больше напряженности ее преодоления, тем сильнее включаются принципы «единства противоположностей», за-

мкнутости и достоинства, тем сильнее отрицается Бог.

Обещание спасения есть бандитизм по отношению к свершившемуся спасению, точно так же, как обещание достижения светлого будущего является бандитизмом по отношению к даруемой полноте жизни. Примечателен факт, что Дарвинистская теория эволюции, восхождение видов, которое своей непрерывностью оказывается состоянием метаморфозы будущего, т. е. обещанием достижения, один в один, лишь используя научную терминологию, является древним русским мистическим мировоззрением «лествицы». Поэтому, где, как ни в России она найдет своих страстных поклонников в среде светской интеллигенции, пребывавшей в мире целостной величины, своим достоинством отвергавшее достоинство и вместе с тем насаждавшее достоинство, и где, как ни в Москве, центрального места мира духовного бандитизма, в состоянии личностного начала с его составляющим положением достижения спасения, не начнет осуществляться в полную мощь, явлением воплощения наяву своих стремлений, политически бандитская система обещания своей группировке достижения светлого будущего, вершин «лествицы», при распространении ее на весь мир, где, таким образом, достижение состояния высокоблагородия, личности мира, и есть наступление светлого будущего, соответственно, по строгому правилу мира гармонии – чем больше оно приближается к вершине, тем более оно светлее...

Интересно заметить, что французские и немецкие фило-

софы, да и все остальные, включая самых древних знатоков Шумера, Вавилона, Древней Греции, когда знание было мистикой, а мистика знанием, но, конечно, кроме иудее-христианского направления, так или иначе (прямо или косвенно) проповедовали миру идею самостановления в природе гармонии (по-современному – эволюцию, или, иначе, достоинство, справедливость, равенство, чистоту природы), которую в точности следует назвать скрытым мировоззрением доминанта над всем половых органов, и которая в русском лексиконе, колоритном и порой очень метком языке, в буквальности имеет на удивление прицельно хлесткую афористичность, как философия мира « п . » и « х . », т. е. философия – « х .нь », а общество, следовавшее этим направлением, таким образом, несет образность « п .ии » (которая не может существовать без фактора придачи ускорения, для достижения условия более-менее трудоспособной жизнедеятельности)...

В начале XX в. в науке произошло примечательное событие, которое собою, пожалуй, подвело черту под явлением скованного и неадекватного сознания, в чем до сих пор пребывает подавляющее большинство человечества. Вышедшая за границы тюрьмы мистического бытия его трезво думающая часть открыла закон относительности, где нарушается привычная логика вещей, в религиозном сознании означающее, относительно Бога-Творца, далекого Бога, справедливого, строгого, придирчивого господина, причем который

делает все, чтобы отрицать «Самого Себя», состояние, в котором человек пребывал от начала веков уходом от Бога, и, судя по всему, не желал это место покидать, но наоборот, еще более заикливался на нем, стремился уйти от человеческого обличия в состояние супер, пиковой фазой отрицательности раскрыть мир относительности, взойти на вершину, где человек уже не человек, а разум – не разум, но относительно человек с относительным разумом, – открытый закон относительности в мире духовной слепоты станет символом надвигающихся обстоятельств вхождения человека в степень крайней относительности мира отрицательной духовности, его сознания бессознательности, состояние гипноза условия «лучше», где человек превращается в бога, без разума, желаний и какой-либо чувствительности, неафишируемо подчиненный через закон относительности только железной воле окружающей его среды и необыкновенным рвением ее исполняя, как цепной пес, как шестеренка механизма не в состоянии сказать нет, иначе ее выкинут за ненужность всему механизму...

К концу XIX в. практически все ученые и богословы согласились с представлением истории, как эволюции от простейших форм, но причины таких исторических изменений, на уровне учения, оставались предметом дискуссии. (Современная наука уже ставит под сомнение эволюционизм, поскольку так и не были открыты необходимые переходные ступени между видами). Однако русская интелли-

генция с радостью больше впитывала в себя всевозможные «доктрины» о бытие от неприкрыто мистического проиндустко-буддийского наклона до откровенно атеистического. Причем сама мистико-материалистическая идея стала приходиться в Россию из Европы уже в вполне сформировавшемся виде, с середины XIX века, и была воспринята русскими как нечто давно известное, избитой истиной в Европе, и, что лишь только их человеконенавистническая власть не допускала свой народ до этих «ценных» знаний. И это на фоне разразившегося другого новомодного представления о бытие, в то время немецкого философа, с прошопенгауэрским буддистским наклоном, Фридриха Ницше, который, отрицая буддизм, утверждает, что «после того как Будда умер, в течение столетий показывали еще его тень, в одной пещере – чудовищную страшную тень», и переводя уже в другую плоскость, заявляет: «Бог мертв: но такова природа людей, что еще тысячелетиями, возможно, будут существовать пещеры, в которых показывают его тень. – И мы – мы должны победить еще и его тень!»¹⁰⁵, – а основная добродетель – сила (раз Бог мертв, остается мистика – Величина-Энергия).

«Что хорошо? – Все, что повышает в человеке чувство власти, волю к власти, самую власть.

Что дурно? – Все, что происходит из слабости.

¹⁰⁵ Ницше. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. Сост., ред., вступит. ст. и прим. К.А. Свасьяна. Пер. с нем. Я. Бермана, Г.А. Рачинского, К.А. Свасьяна, С.Л. Франка. Москва, Мысль, 1990, стр. 582.

Что есть счастье? – Чувство растущей власти, чувство преодолеваемого противодействия.

Не удовлетворенность, но стремление к власти, не мир вообще, но война, не добродетель, но полнота способностей (добродетель в стиле Ренессанс, *virtu*, добродетель, свободная от моралина).

Слабые и неудачники должны погибнуть: первое положение нашей любви к человеку. И им должно еще помочь в этом.

Что вреднее всякого порока? – Деятельное сострадание ко всем неудачникам и слабым – христианство»¹⁰⁶.

Мистический прагматизм Ницше предлагал программу улучшения рода человеческого через его самовозрождение. Отсюда утверждение Ницше:

«О братья мои, разве я жесток? Но я говорю: что падает, то нужно еще толкнуть!

Все, что от сегодня, – падает и распадается: кто захотел бы удержать его! Но я – я хочу еще толкнуть его!

Знакомо ли вам наслаждение скатывать камни в отвесную глубину? – Эти нынешние люди: смотрите же на них, как они скатываются в мои глубины!

Я только прелюдия для лучших игроков, о братья мои! Пример! Делайте по моему примеру!

¹⁰⁶ Философское наследие. Т. 126. Фридрих Ницше. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Сост., ред., прим. К.А. Свасьян. Пер. с нем. Ю.М. Антоновского, Н. Полилова, К.А. Свасьяна, В.А. Флёровой. Москва, Мысль, 1996, стр. 633-634.

И кого вы не научите летать, того научите – быстрее падать!»¹⁰⁷

Ницше заявлял, что благодаря парадигме «падающего толкни» были бы уничтожены «худшие» черты людей и особенно христиан, и возникла бы раса героев, воплощающих Волю к Власти. «Смотрите, я учу вас о сверхчеловечке! Сверхчеловек – смысл земли. Пусть же ваша воля говорит: да будет сверхчеловек смыслом земли!»¹⁰⁸ Сверхчеловека Ницше объясняет с позиции отношения древних людей к природе. «Природа – непостижимая ужасная загадочная природа – должна представляться ему царством свободы, произвола, высшего могущества, как бы сверхчеловеческой ступенью бытия, или Богом»¹⁰⁹. Сверхчеловек – это Сила природы, а «закон сохранения энергии требует вечного возвращения»¹¹⁰ его к первоисточнику – Энергии. «Мы должны смочь встать и над моралью, – пишет Ницше, конечно понимая под моралью христианство, – и не только стоять с трусливой одеревенелостью человека, страшщегося каждое

¹⁰⁷ Философское наследие. Т. 126. Фридрих Ницше. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Сост., ред., прим. К.А. Свасьян. Пер. с нем. Ю.М. Антоновского, Н. Полилова, К.А. Свасьяна, В.А. Флëровой. Москва, Мысль, 1996, стр. 151.

¹⁰⁸ Там же, стр. 9.

¹⁰⁹ Философское наследие. Т. 126. Фридрих Ницше. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. Сост., ред., прим. К.А. Свасьян. Пер. с нем. Ю.М. Антоновского, Н. Полилова, К.А. Свасьяна, В.А. Флëровой. Москва, Мысль, 1996, стр. 303.

¹¹⁰ Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философии. Пер. с нем. Ю. Медведева; под ред. М. Ермаковой. СПб, Владимир Даль, 2004, стр. 479.

мгновение соскользнуть с нее и упасть, но и парить над нею и играть!»¹¹¹ Впоследствии Ницше окончательно сошел с ума и был помещен в психиатрическую больницу, где и окончил свои дни. Зато русская интеллигенция воспринимала весь этот сумасшедший бред с огромными глазами вожделения, например, у того же Репина, которого порой посещало множество известной публики, главный принцип заключался в самообслуживании, сам раздеваешься, сам за собой ухаживаешь (моешь руки и т. п.), в столовой у мастера был устроен специальный вращательный стол, чтобы каждый мог без посторонней помощи взять любое блюдо, и вся эта обособленная самостоятельность как бы символизировала принцип вселенской самостоятельности, самоустроенности, соответственно, процесс эволюции и, соответственно, приближение эпохи ее следующей ступени, чему наглядное подтверждение стало незадолго до революции появившееся новое явление в мире в виде магазинов самообслуживания, как бы реального символа наступления времени нового человека...

Период с 1861 по 1917 гг. стало временем, когда российское общество, образно говоря, пыталось запустить двигатель (внутреннего сгорания) в работу своим естественным процессом сжигания топлива, но с большими техническими

¹¹¹ Ницше. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. Сост., ред., вступит. ст. и прим. К.А. Свасьяна. Пер. с нем. Я. Бермана, Г.А. Рачинского, К.А. Свасьяна, С.Л. Франка. Москва, Мысль, 1990, стр. 581.

(мировоззренческими) перекосами и недоделками, отчего раскрутка происходила через т. н. кривой стартер, применяя значительное усилие. Двигатель то срабатывал, тол глож, то «чихал», работал неравномерно. Такой половинчатый процесс показался крутящему двигатель мускулатуре никчёмным явлением, поэтому в 1917 г. она твердо решила отключить от него все устройства, необходимые хотя бы для маломальской работы, и взяться раскручивать вручную мертвый механизм, т. е. как раньше, только теперь существенно сильнее, на зависть всему миру с его более-менее работоспособным механизмом, с большой уверенностью, что производительная скорость её независимого ни от каких излишних устройств навесного оборудования и от того простого и надежного супердвигателя перекроет все скорости зависимых от множества явлений, постоянно усложняющихся оборудованием двигателей мира вместе взятые. Другими словами, русское общество на протяжении всей истории всегда стремилось вернуться к «чистому» первоисточнику, своему историческому состоянию «ар» в мистической позиции, и все прижившиеся полумеры, в виде примеси непонятного христианства, надоели. Но древняя религия в бога Ома потеряна, сказания забыты. Блуждание в потемках озарил луч древней истины образом московского благочиния, вида традиционной бороды и кафтана. Путепроводным компасом в страну мистических грёз стало учение о лучшем состоянии мира абсолютной справедливости царства непревзойденной

свободы.

Еврейский народ был предусмотрен Богом как проводник всему идолопоклонническому населению земли знаний о Нем, как о Боге-Творце и Боге Спасающем. В него было вложено стремление к научности, способности к красноречивому изложению, выразительные черты лица, все, что способствует увеличению авторитета и доверия. Однако за тысячелетия своей истории этот народ был разметан Богом по всему миру в ответ своего отступничества большего подчинения закону, чем использование закона в своем мироустройстве. Это противостояние Богу уже показательно тем, что один человек, имеющий наиболее близкие еврейские корни, притом учительского статуса, проживающий в католическо-протестантской духовной атмосфере, казалось бы, должен был проповедовать о Боге, наоборот, как отражение еврейского состояния законнического умопомешательства, как отражение немецкой духовности, немецкой церкви (не исключением стала и англиканская церковь), целиком отдал себя делу разрушения завета, создал учение посвящения человечества в союз с силами противоположными Творцу – поскольку закон становится на первое место, и поскольку евреи это нация научения всего мира, появляется суперучитель о суперзаконе, суперталмудист, с учением о всеобщей справедливости.

Огромное количество в мире евреев стало убежденным

последователем марксизма, объявляющий спасение через фактор уравнивания (соответственно, отрицание спасения в Боге), в своей внутренней природе являвшийся пиковым развитием формального, кабалистического типа иудаизма, его отражением, в котором состоянии пребывает еврейство, в результате чего появляется стремление обмануть Бога. Другими словами, умопомешательный атеистический марксизм оказался для еврейства высшей точкой развития иудаизма законнического вида, уравнивающегося природой вещей, образно говоря, «сдвиг по фазе»: культ закона развился до своих максимальных пределов – умопомешательное состояние, при котором уравновешенное состояние человека (общества) спасается обрядом, превратилось в умопомешательное состояние спасающего действия уравнивающего закона. Причем, следует иметь ввиду, что спасение в системе закона выступает явлением бесконечного омоложения состояния свободы. Поэтому для окончательного решения вопроса общества по собственному омоложению евреи сильнее обращают внимание на языческий символ гексаграммы, принимают его официальным своим символом. Закрепив за собой знак обновления, евреи естественным образом стали активными проводниками принципа свободы с его присущими чертами обновления-омоложения, мировоззрения прихода прежнего, из глубины веков системы коммунистического устройства. P.S. Чем дальше в лес, тем больше дров...

В России евреи жили, как и на своей древней родине по иудейской обрядности. Четким исполнением закона они входили в состояние религиозной суетливости, что дальше ввергало их в положение заикленности на суеверии – как будто бы закон спасает, – и правилом выстроенной целостности сильнее удалялись от общения с Богом. Такой выстроенный базис не давал евреям внутреннее успокоение, не наполняло их Божественной мудростью и стойкостью к различным искушениям, поэтому мистическая кабалистика, с её идеями справедливости, была распространена в иудаизме. Ведя просветительный образ жизни, они наблюдали перекосы общественного устройства, и с появлением «новой» идеи уравнивания людей на основе природной справедливости, начали погружаться в казавшуюся бесспорную идею общественного равновесия, фактически марксизм оказался для них кабалистикой в строго научной форме. Так, и в России, предусмотренный Богом народ для духовного просвещения стал страстным проповедником идей гуманизма (равновесия природы), наконец, полного отрицания духа и превозношения материи, вложив в это дело все свои Богом данные качества. Живя в основном в городах культурной прослойкой и испытывая внутреннее стремление к законничеству, они активно входили в ряды недовольных группировок существующего положения, и как самые многочисленные последователи взгляда экономической справедливости (которая неизбежно должна выстраивать общественную справедливость)

были самыми активными по подготовке рабочих забастовок, шестивий митингов и террористических актов. «Умников мало у нас. Мы – народ, по преимуществу талантливый, но ленивого ума. Русский умник почти всегда еврей или человек с примесью еврейской крови»¹¹² – скажет впоследствии Горькому Ленин, лидер большевистской партии.

Другие евреи были недовольны антисемитской (точнее – антиеврейской) политикой царского режима России. Третьи устраивали в надвигающемся политическом хаосе страны выгодную для себя экономическую партию, решили не упустить такую возможность контроля над мощным финансовым потоком одной из самых богатых (в смысле природных ископаемых) страны мира, с дальнейшей целью контроля мировых финансовых оборотов. Философ В. Соловьев сделал вывод, который подтвердил профессор США Э. Саттон, что в XIX веке «иудейство не только пользуется терпимостью, но и успело занять господствующее положение в наиболее передовых нациях» за счет ростовщичества, и, что «финансы и большая часть периодической печати находятся в руках евреев (прямо или косвенно)»¹¹³. Таким образом, поддерживая ту или иную политическую группировку, спонсируя печать выгодного им направления, можно было в стране расшаты-

¹¹² Русский современник. Литературно художественный журнал. 1924. № 1. Ленинград, Москва. М. Горький. Владимир Ленин. С. 241.

¹¹³ Соловьев В. Еврейство и христианский вопрос. Москва, тип. Университетская, 1884, стр. 2, 3.

вать ситуацию и добиваться условий для осуществления перехода ее на выгодную им политику, форму существования.

Вся история человечества представляет собой выбор стороны следования, – сил Бога-Творца, олицетворявшееся в движении и изменении Бытия – негармоничности, нецелостности, и Люцифера, символа гармонии мира, целостности, ее фундаментального качества первенства, который благодаря своей ущербности воспринимает Бога за свою противоположность в фазе противостояния и потому намеренный сражаться за планку первенства т. с. до последнего вздоха. Противостояние гармонии дисгармонии началось с самого начала их появления и с возникновением Вселенной вышло на уровень материи и самое значимое при ней – сознание. Вселенная в своей основе несет отображение природы сложного устройства Бога, движения – реальности, и антидвижения – антиреальности, где последнее стремится вырваться из установленных рамок окружающего мира и самой себя, и не признающая себя частью, но целым и безграничным, как «Бог».

Преследующему цель укрепления своего положение, т. е. достижения абсолютного покоя и исключения неприятного взаимодействия, наносящее ущерб гармонии, сбой системы, грозившее нарушением целостности и вообще понижением уровня высокого достоинства, Люциферу необходимо обрести ситуацию полного единения противоположностей, достигаемое распространением власти до бесконечности, фак-

тически занять место Бога. Но поскольку природа целостности и нецелостности различна, целостность из-за своей закрытости не может понять нецелостность, и потому целостность внешнюю сознательную нецелостность воспринимает как целостность в неустойчивом положении, соответственно себя, причиной неустойчивости и главным конкурентом, и соответственно, с точки зрения мистики Вселенная образовалась действием «скачка». Поэтому противостояние Люцифера Богу, с одной стороны, несет характер обретения большей устойчивости в обретении энергии, т. е. внешней бесконечности, но сохраняя притом состояние закрытости, с вытекающим отсюда заявлением на корневое изменение ситуации, «скачок», приобретая вместе с тем определенное быстроедействие своему состоянию мозговой заторможенности. С другой стороны, Люцифер – «ничто», природа его мертвая и он тянется к природе жизни – сознанию, воспринимавшееся им энергией, и первое, что ассоциируется с сознанием-энергией, это способность преобразования внешней силой, т. е. Богом. Но заложенное Богом быть мертвым никогда не обретет жизнь и потому противостояние Бога и Люцифера продолжится до конца веков.

С позиции Бога-Творца Вселенная представляется не бесконечной структурой, но сложной ограниченности в факторе ее расширения (причем с ускорением), построенной в результате единения мысли и силы. Бог как бы говорит, – Вселенная – это Моё не останавливающееся искусство, не опре-

деляемое в точных параметрах постоянной формы, представляющееся Моим преломленным отражением природой совмещения определенности и неопределенности, это ограниченная дисгармония Мною поддерживаемая и потому, поскольку границы между фантазией и действием у Бога не существует, принимающая вид бесконечности, что, в свою очередь, для недалеконидных представлявшееся безграничным идеализмом ограниченного мира гармонии. С позиции же Люцифера все иначе – Вселенная, с его точки зрения, является статичной величиной, что означает высочайшее достоинство, что, в свою очередь, означает, с каждым мгновением увеличивающейся в достоинстве, т. е. находившаяся в позиции движения, и мало того, увеличения – движения увеличения постоянно изменяющейся формы, и потому она всегда не просто бесконечно велика, а бесконечно бесконечно-велика, а значит, как минимум, не уступающая Богу-Творцу. Или, можно сказать так, Вселенная, по мнению Люцифера, это гармония взаимодействия законов, и потому является числительным уравниванием, т. е. гармония абсолютной целостности, и потому она бесконечна, поскольку числительность бесконечна. Но фактор внутренней дисгармонии посредством внешнего вмешательства представляется ему вынужденным действием внешней целостности, находившейся в неустойчивости, что для гармонии означает как растрату энергии, так и увеличение значимости. Поэтому в стремлении к устойчивости и возможности захвата внешнего раздра-

жителя-конкурента с его потенциалом гармония идет на вынужденное движение-дисгармонию, которое есть бесконечность, принимая расширение Вселенной за состояние своего укрепления, и которое есть появление новых форм, объясняемое развитием-самоизменением в результате взаимодействия сил, долгое время копируемое под Божественное единение формулой «единение противоположностей», которые по-настоящему противоположностями назвать тяжело, но являются лишь зеркальными отражениями-противоположностями – одной командой армии мозговой неполноценности и эгоизма по захвату господства, в последнее время неприкрыто воплощая собственную природу алчности в факторе борьбы. Таким образом, Люцифер представляется природой целостности одновременно безграничного и ограниченного масштаба, в факторе собственного возвеличивания стремящейся обрести и энергию, и сознание, что для него одно и то же, и окончательно занять место Бога Живого. Другими словами – Люцифер, это вечная заторможенность, претендующая на супердейственность в большей степени вероятности не обретением супердейственности от, образно говоря, покорения Бога, а от обретения полного спокойствия уходом в себя, абсолютную отрешенность, спящее состояние нирваны-мокши.

Бог создает живой мир и, как особенно отражающий структуру бытия в дисгармонии и иллюзии «единения противоположностей», простейшие отражают простейшую или,

ущербно-ложную структуру противоположностей – все простейшие, фактически, являются зеркальными отражениями друг друга (образно говоря, на них даже иллюзорно-ложных противоположностей не хватило, или хватило, но оставаясь миром примитивного вида, как бы являются, в глазах Бога, символами Люцифера, или, иначе говоря, на гармонию, т. е. простоты иллюзорной степени, не хватило гармонии, простоты – сапожник без сапог – в нищенском, минусовом векторе состояния), а уже более сложный живой мир, с его составной особенностью в разнообразии, символически отражает сложноустроенность Бога-Творца, где главный принцип успешного существования любой сложной организации проявляется в необходимости внимания и заботы, отображением как Бог заботится о мире, его пронизывая, следствием чего происходит символический разрыв ограниченности процессом проникновения, проникновения движением в более сложном мире животных, поскольку движение является символом нарушения покоя-целостности, символом проникновения, отдачи части себя одним и принятием этого другим, результатом чего выходом из замкнутости определяется появление нового, которому также требуется забота, т. е. происходит единение разносторонностей в структуре половых различий (последствием наделяя подобный способ размножения образом конструирования в виде полезного свойства, как обмена генетическим материалом с помощью половых клеток для создания уникальной новой гене-

тической комбинации), называемое мистицизмом формулировкой о противоположностей, где, в одном случае, в результате этого единения, насмешкой над гармонией, тяготеющей к покою, происходит целеустремленное движение и появление нового, а в другом, его венец, который есть голова всего живого мира, предназначен для осознания Бога, Его восхваления, достигая тем состояния самого страшного для гармонии – когда гармония отрицает гармонию, с чем сама гармония борется вовлечением человека в состояние независимой крутизны – чем больше, тем лучше, тем выше личное достоинство, тем больше власти, силы (а сила в гармонии есть ум, соответственно, творчество (через половую силу), появление нового и т. д.), и фактором понижывания застойностью «0» всего, со своим вниманием и заботой, чтобы его предприятие тоже было успешным, только в мистицизме успех граничит с провалом, здесь главный показатель – достоинство, которое, с одной стороны, стремиться к высоте, а с другой, нуждается, соответственно, в дешевых элементах его содержания, другими словами, показатель – низкая себестоимость, т. е. на какую ступень следует поставить человека, чтобы он еще не уволился с предприятия «Достойное существование», – или, что лучше, создать условия существования общей безысходности, чтобы он никогда не уволился с предприятия «Достойное существование».

Человека Бог создает максимально отображающим творчество Создателя, как особо творящим, дисгармоничным су-

ществом, менее всего живого мира вписывающийся в природу, с точки зрения физических данных, несильным, невыносимым, с сильно посредственными органами чувств, абсолютно беззащитным, и даже более дисгармоничным в отношении общежития. (Например, вид обнаженного тела вызывает восторг лишь в небольшом процентном отношении, как правило, касающемся молодых людей. Поэтому, восхваление человеческого тела в Древней Греции было антибожественным проявлением, последствием ошибочного представления об идеальности (чистоты) природы бытия, и потому, в системе восхождения по ступеням эволюционизма, т. е. в совмещение с животным миром и показателем меньшей дисгармоничности, было связано с гомосексуализмом, что в других обществах вообще породило практику человеческих жертвоприношений).

Говоря абстрактно, Бог, через естество человека, как бы доносит – ты, как часть животного мира, унаследовал все животные инстинкты, что-то рудиментальностью, что-то необходимостью для выживания. Однако для следования за Мной и применения красоты творительных способностей ты задуман так, чтобы несколько отличаться от мира животных – ты должен бороться с теми инстинктами, которые не ведут ко Мне, простому Труженику, создателю этого мира, иначе попадаешь на путь антитворчества, дорогу «авторитетности», достоинства чистоплюйства и всеобщего рождения.

По задуманному плану, максимально отображающему

природу творчества, Бог поручает человеку владеть всем миром.

С появлением человека противостояние гармонии дисгармонии приняло форму соблазна и благословения. Так, Библия повествует, что Адам жил в благодатном месте – райском Эдемском саду, – все было соразмерно необходимости и более того: человек был свободен в своем выборе, найдя себя в состоянии несвободы защиты Бога-Отца. Для того, чтобы человек ясно представлял себе настоящую причину своего благоденствия, его счастливой «свободы», чтоб не создавалась иллюзия, будто мир это гармония бытия, явление справедливости, Бог установил символ Своей дисгармонии, несправедливости в позиции «+», малой несправедливости приводивший творческий порыв, символ Своего покрова, границу – закон, через который нельзя преступить, и который стал нарушать видимость целостности рая. Поэтому рай не был местом гармонии, но благодатным произведением дисгармонии.

Представленная картина райской несправедливости стала сразу переворачиваться Люцифером. Он начал вкладывать человеку мысль, что рай это не несправедливость, но – самодостаточная справедливость, поскольку всё представленное собой соразмерно необходимости, а любое не отвечающее на потребность есть зло – неправильная несправедливость, которое не должно существовать в мире чистоты справедливой целостности. Поэтому любая потребность, даже мелоч-

ная, должна осуществиться – свобода находится в справедливости и должна быть абсолютной, иначе она не свобода, не долженствующая несправедливостью. В конце концов, человек сотворен Богом на творящий труд, так следует доказать, что он самостоятелен и сам может принимать решение. Тем самым навсегда исчезнут все темные пятна мира духовной чистоты, все противоречия, и более того, вы, люди, увидите чудо, что всё окружающее вместе с вами – само по себе, у вас произойдет озарение сознания, откроются глаза на то, что вы – независимые части независимой природы...

Бог поместил человека в состояние сказочного изобилия – безгранична Вселенная, безграничен земной шар, изобилие территории, изобилие леса, изобилие воздуха, изобилие воды, изобилие природных ископаемых. Но в человеке возобладали паранойя, он уверился, что мир не выходит за рамки его сию минутной потребности, определив себя тем в ситуацию вечной необходимости.

Как известно, люди пошли на поводу искушителя и преступили закон, выбрав состояние свободы, т. е. позицию встраивания себя в окружающую среду, – самый зависимый элемент живой природы стал кичиться своей независимостью. Казавшаяся когда-то мелочной дисгармония ударила со страшной силой, повернулась по отношению к человеку с позиции «+» в позицию «-», супернесправедливость. Люди потеряли рай и вечную жизнь, и в изгнании обрели то, на что настраивал их Люцифер – гармонию бытия, аскетиче-

скую форму целостности, стали сильнее чувствовать давление природы, в поте лица своего есть хлеб, – болевые роды, как противоположность изначальному, а потому символом природы мистицизма, олицетворили превращение человека в животное, животную ограниченность, т. е. опущение человека до состояния недоверия-невосприятия Бога, а вследствие этого, впадение в состояние отчужденности, и далее, потери силы и изнурительной истеричной борьбы за приобретение силы-обновления, достигаемое, соответственно, через страдание, которое, в свою очередь, оторванностью от Бога, держащего вечность, поставлено в преходящее состояние, направленно течет к своей неизбежности – затуханию и смерти.

Опустившись до состояния амбициозного подвижничества, предпочтение обладанию мира обладание ими мира, и фактически превратившись в иллюзию, теней окружающей среды, «ценное» приобретение своей историей, люди, однако, ничему не научились, они не разуверились в целостность природы, ее материнско-родильные качества, и Люцифер родильным принципом всего мироздания продолжал активно действовать в их среде, превращая своих последователей в животное стадо, ищущих зеленые пастбища и партнера для спаривания, выраженное в человеческом обществе мировоззрением целостного состояния, единения с природой и доблестным отношением к труду, – принципом справедливости-свободы – благосостоянием по труду. Видя та-

кое животное положение вещей, Бог снова применяет дисгармонию в знаке «←→», уничтожает потопом население земли, весь этот эволюционирующий, мировоззрения само собою все появилось через рождение, трудящийся на благо мир, в котором спасается только принимающий помощь от Бога Ной с семейством. Человечество снова распространяется, и Люцифер также начинает в нем активно действовать, настраивая на гармонию и трудовую доблесть, и снова человечество вовлекается в животное состояние. По тупиковой ситуации установившейся гармонии – грех-наказание, замораживающее отношение между человеком и Богом, по родительскому снисхождению и праведности Ноя, Бог не уничтожает человечество, потомков Ноя, но предпринимает тактику вывода его из этого состояния животного инстинкта. Он разделяет человечество, и каждая группа начинает чувствовать свою отдельность, покидая тем насиженное состояние мистического единения, а затем в трудностях походной жизни все больше проявляя творческие склонности, сильнее утверждая тем несправедливую патриархальность. Но гармония не сдаётся и продолжает держать человечество крепко в цепях справедливости. Тогда Бог образует еврейский народ, который уже собою должен был проповедовать о Боге-Творце. Но искушитель действует и там. Вера в Живого Бога у евреев становится верою в бога-камня, который создал целостное состояние мира, т. е. природу противоположностей – закон и наказание за преступление, впоследствии вы-

раженное знаком гексаграммы (названное позже Звездой Давида), распространённого символа целостности мира тогда чуть ли не всех народов. Гармония восторжествовала опять. Тогда в мир, к евреям, приходит Христос. Своим спасающим действием Он вновь разрывает установившуюся было справедливость законов, целостность бытия. Христианство распространяется, и Люцифер вкладывает все усилия дисгармоничное, несправедливое христианство превратить в христианство-справедливость. В христианстве матриархальным оттенком появляются коммунистический типаж устройства (очень показательно, чахлая еврейская община), арианство и монашество, позиционирующее себя истинной в последней инстанции. Коммунистический аскетизм становится вектором движения христианского (и не только) мира, символом «изобилующей» «справедливой» гармонии.

Несмотря на реформацию, гармония в христианском мире продолжает торжествовать, она снова потерпела сильный удар, но сдаваться не собирается и на христианское творчество, которое благодаря своей заторможенности от проникновения гармонии делает перекосы в общественном организме, предпринимает новые атаки. Гармония во всеулышание, высшим, конечным продуктом всей классической философии (мировоззрения), от времён до потопа до немецкой, заявляет – человек одумайся, все должно быть по справедливости, 2×2 всегда 4 ! – и на математических расчетах строит доказательство, что творчество, нарушающее ба-

ланс бытия – есть вредоносное явление, эксплуататор труда, и в то же время, поскольку невозможно уже опровергнуть факт интереса к творчеству, утверждает, что сам труд является творчеством, который в природе $2 \times 2 = 4$ – ошеломляющий, гораздо больше, чем с присутствием какого-то там Божественного духа, где $2 \times 2 > 4$, а в положении контакта с Божественной сферой, введившее в отражающее состояние, несмотря на примитивность и общую вредоносность Божественной природы, входит в еще более прогрессивную степень, супермагическую формулу – $2 \times 2 < 4$ – где творчество и фантазии сливаются, где мир приобретает содержание супертворчества суперфантазии – сказку-явь мира повышенного сексуального влечения раскрепощённо-свободного образа, косвенно (внутренне) намекая человеку, резко рванувшего вперед, что творчество в реальном мире ей крайне противопоказано, – я – сама реальность, то, что сейчас, а творчество – это то, что будет – нереальность, и между нами связи нет, поскольку я – эталон бессвязности, эталон свободы и покоя, – пора притормозить картиной всеобщего ускорения

Человеческий мир представляет собой часть мироздания и поэтому несет содержание основы Бытия, формулу существования, которая является либо формулой построения, либо формулой становления, с точки зрения различных сторон. Это содержание находится в истории взаимоотношений человеческого общества и потому ее рассмотрение становится

ся орудием сил, и мистика, конечно, не упускает возможность ею воспользоваться, по-своему тракту и делая по этому поводу соответствующие выводы.

Особенность человеческой истории заключается в постоянной приверженности его к мистицизму, взглядам противоположностей, потому и все мировое общество испокон веков делилось на два лагеря, тех, кто имеет власть и тех, кто эту власть содержит. Такое положение вещей фактически было всегда, за исключением разве что периода появления людей и распространения их по земле. Поэтому мистика, как бы делая вывод на основе истории, говорит, что реальность, для нее означающее величина-личность, а, соответственно, и прогресс, который есть благоуспешность, является следствием движения-взаимодействия нереальности, т. е. не личности, поэтому настоящий прогресс и творчество находится в нереальности, следовательно, необходимо уйти в нереальность, которая в мире движения существует в виде величины (антидвижения) и подчиниться ее законам природы, т. е. быть в гармонии со всем миром. Другими словами, мистика говорит, – пребывать в состоянии полумеров неправильно, поэтому для чистоты состояния необходимо полностью уйти в реальность, которая в величинном выражении «0» является антиреальностью. Что можно выразить иначе, – не спеши – мир покойственного сна и красочных фантазий высокого полета мира достоинства гораздо лучше этой нищесбродской реальности мира «лествицы». Что еще можно рас-

шифровать более точно, – пьяница опасен тем, что осознает свое ущербное положение и еще имеет силы к сопротивлению, поэтому это следует исправить и буквально залить его водкой, или, что лучше, дать средство посильнее, наркотик, чтобы он впал в полное безрассудство и в состоянии бодрой свиньи стал чувствовать себя настоящим и гением, и героем

Мир сотворен Богом, и потому Он является абсолютным хозяином Вселенной и потому предстаёт высочайшим достоинством – «кроме Меня нет Бога» – слова Библии. Но высокое достоинство, совершенство, имеет характер омерзения иного состояния, а с другой стороны, является формой абсолютного покоя, где процесс творения, творчества, не может происходить в принципе. Поэтому, имея привязанность мастера к своему изделию, и чтобы произведение могло существовать, Бог отказывается от титула высокого достоинства, идет на самоуничтожение, в истории человечества зафиксированное историей распятия Его на кресте.

Природа Бога – движение, которое сложной структурой включает в себя покой. Природа гармонии – покой, который захватывается процессом движения, и потому находится в ущемлённом состоянии, опущенного достоинства. Поэтому гармония стремится освободиться от движения, но, будучи в цепкой связи с ним, путем захвата движения, оттого она вынужденно принимает свойства движения, по-своему копируя качество Бога-Творца в природе творения, указывая

как Бог-Творец – мир мною един. Копируя Божественную природу в человеческом обществе – братство милости, гармония преподносит свой принцип – «братство» достоинства. А поскольку гармония претендует на мировой охват, достоинство завладевает умами всего человечества, в своей сектальной форме проявляясь криминалитетом общества.

Культура достоинства стремиться охватить весь мир, достоинства и недостойности, превращая недостойность в достоинство. Но поскольку, в таком случае, гармония сталкивается с противоречием, где достоинство теряет почву существования в недостойности, достоинство идет на вынужденный шаг обратного превращения, достоинства в недостойность, – чтобы мертвое достоинство сдвинуть с места, достоинство, подстраиваясь и копируя Бога, идет на самоуничтожение, на внутреннее недостойность, т. е. по необходимости сдает своих членов, товарищей по цеху (духу), более сильной системе, изначальной заданности условия, – в сектальной пиковой фазе достоинства, криминальной среде, отвергаемое низостью поступка и оттого, несмотря на целый мир жаргонных понятий, не имевшее точное определение, обозначающееся несколько схожим по существу дела выражением, как «опущенные», «обиженные», т. е. те, кто занимается работой, грязной, тяжелой, за бесценок, кем пользуется, которые в то же время гордятся своим отношением к миру достоинства

Бог несёт в Себе позицию абсолютного совершенства, чистоты, но, в то же время, и творческого начала, причем, сложной конструкции в воплощении главного Своего качества быть живым. Соединением факторов разболтанности (размытости, неопределенности) и ограниченности Бог создал, образно говоря, живой механизм, со своим скрипучим характером, и который в иллюзии «единства противоположностей» состоянием общего недовольства стремится выйти из-под контроля, но твердо удерживается в нужном направлении условием превышающей силы той или иной части изначального содержания.

Поскольку Бог творит, пускай преломленное, но отражение Себя, живость, характерность, то Он находится в позиции несовершенства, творит несовершенство и Своим отражением несовершенного изделия выдает Своё несовершенство. В позиции несовершенства Бог принимает несовершенную, затемнённую среду созданного мира, и условием творческого начала стремится направить несовершенную среду в русло общего предназначения, когда планеты являются планетами, вращающихся вокруг звёзд, галактики галактиками, а человек человеком, с присущим ему мыслительными способностями, которое в ситуации затемнения, превратилось фактически в «чёрную дыру».

На образ несовершенной природы Бога гармония, в свою очередь, тут как тут, и убеждает весь мир, что Бог-Творец это бездонная пропасть безручья и вообще всякой дьяволь-

щины, – строит доказательства, что религия это психическое заболевание, которое несёт высокую общественную опасность, – попутно, копируя Критикующего, заявляя, что это именно она, несовершенное совершенство, гармония, является творцом Бытия, которое управляется-содержится случайной комбинацией энергетических потоков нейронной сети её случайно проистекшего мозгового ответвления

Движение является основополагающим элементом устройства мира, и в определенные периоды оно входит в фазу резкого ускорения – глобального переустройства, которое абстрактно можно назвать появлением-рождением или смертью-уничтожением. В то же время смерть-уничтожение проистекает и вследствие вхождения системы в состояние абсолютного покоя. Поэтому обретение гармонией абсолютной гармонии (эталонного порядка) является фактором смерти гармонии. Поэтому тяготеющей к покою гармония оттягивает это для себя золотое состояние до бесконечности, ей, с одной стороны, чуждо переустройство, тем более глобального масштаба, а с другой, участь смерти. Поэтому гармония противится и смерти, т. е. своему идеалу, и дисгармонии процессом слабого диссонанса, в состоянии глубокого тормоза, сонной нейрофизиологии, производит процесс омоложения по принципу – умри сегодня ты, а я – завтра, где смерть является необходимой взаимокompенсирующей основой рождения, а общий процесс кругооборота – сохране-

нием эффекта омоложения, в котором самоотверженно отмирают внутренние элементы целостности, бесконечно воплощая принцип жертвоприношения, чтобы внешняя, противоположностью их смерти, продолжала вечно существовать. Причем фактор омоложения в бескрайней глубине тормоза представляется миром глобального омоложения, вследствие чего глобальным переустройством, в позиции «скачка».

Для своего сохранения гармония идет на слабую дисгармонию, с ее точки зрения представлявшееся структурой глубокого тормоза воплощенное в материи Бытия, т. е. материя и ее фактор взаимодействия является вынужденным сном гармонии. Но в противоборстве Богу-Творцу она использует это индуцированное свое состояние как достоинство, и насмехаясь над Ним, у Которого Бытие является процессом творения в сложной структуре гиперболы, заявляет, что этот мир не есть сложная структура, но ее глубокий тормоз, а затем дает установку на свою супермогущественность – что будет, если она задействуют повышенные свои силы, т. е. впадет в абсолютную производительность – кому, какой же мир суперсложности и суперпреобразования она сделает, если ее «скачок» станет иметь степень «скачка»? Вследствие чего гармония быстро делает дальнейшее логическое определение, что ее позиция скачкообразного омоложения, состояния резвости сна, несравнимо круче гиперболического принципа спасения Бога-Творца

Поскольку в справедливой структуре гармонии заложена ее противоположность – несправедливость, соответственно, в справедливости заложено движение со знаком «—», т. е. движение страдания, которое проявляется сладострастием. Поэтому в гармонии присутствует собственное движение, независимое по природе ни от каких внешних факторов.

Позиционируя личностное начало, гармония в своём внутреннем движении, ситуацией «единства противоположностей», стремиться к состоянию полного затормаживания, обезличивания-обездвижения всего к ней относившегося. Но полное затормаживание, окаменелость, выключает движение, а значит природу жизни с ее составляющим элементом личности. Поэтому движительно-личностная основа гармонии противится фактору её уничтожения, вследствие чего образ «единства противоположностей» не доходит до своего конечного предела. Запоздалым рассудком гармония отталкивается от почти «0»-го состояния и устремляется в противоположную сторону, в условие обретения личностного начала всеми её внутренними элементами, впадая в положение хаоса, который в позиции предела для неё одинаково губителен риском потери целостности-личности, вследствие чего гармония включает в нужный момент обратный ход, к затормаживанию. Таким образом, гармония в факторе внутреннего циклично автоматизированного движения, а соот-

ветственно, вытекающего из него творческого порыва в виде сбоев системы с появлением новых форм, претендует на абсолютное достоинство именоваться «Ваше Величество Бог-Творец»

Осознав недееспособность эволюционного пути развития гуманистических идей в обществе на основе всеобщего согласия, большая часть материалистов теперь стояла на точке зрения необходимости их диктата, для чего инструментом должна была послужить система «трезвой» логики. В целом идея материалистов была проста: общество сделать счастливым благодаря правильному распределению созданных ею благ, для чего предусматривалось, чтобы каждый пригодный к работе работал – первое, второе – честным распределением должны были заниматься непосредственно сами производители, которые в истории человечества всегда находились в положении обделенных. Предполагалось, что продемонстрировав с течением времени незыблемость идеи логического социал-материализма, старое религиозное мировоззрение у людей ушло бы само по себе. Общество стало бы жить уже доказанными материалистическими основами. Само государство, как власть, стало бы ненужным, и тогда должно прийти время благоденствия, идеального строя с идеальной моралью.

Эти основы логического управления обществом уже были хорошо известны всем философам-материалистам, большое

количество публикаций, статей появилось в западной литературе за последние полтора-два века. Все они назывались утопическими теориями от вышедшей еще в 1516 г. книги английского философа-гуманиста Томаса Уолси Море «Золотая книга столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства, о новом острове Утопии».

Томас Мор родился 7 февраля 1478 г. в семью сэра Джона Мора, лондонского судьи, который был известен своей честностью. Получил прекрасное образование в Оксфордском университете, где в течение двух лет он с увлечением занимался изучением греческой философии и литературы, был членом кружка оксфордских гуманистов. Будучи еще 17-летним юношей попал к Джону Мортону, архиепископу Кентербери, и некоторое время служил у него пажом. Веселый характер Томаса, его остроумие и стремление к знаниям понравились Мортону, который предсказал, что Мор станет «изумительным человеком».

Судя по всему, Мор не собирался всю жизнь делать карьеру юриста. В частности, он долго колебался между гражданской и церковной службой. Во время своего обучения в «Линкольнз ИНН» (одной и четырех юридических корпораций, готовящих юристов) Мор решил стать монахом и жить вблизи монастыря. Этим желаниям Мора не суждено было сбыться, но до самой смерти он придерживался монашеского образа жизни с постоянными молитвами и постами.

Как адвокат Мор быстро завоевывает признание купечества и в 1504 г. при их поддержке избирается в парламент. Первым деянием Мора в парламенте стало выступление за уменьшение сборов в пользу короля Генриха VII. В отместку за это Генрих заключил в тюрьму отца Мора, который был выпущен на свободу только после уплаты значительного выкупа и самоустранения Томаса Мора от общественной жизни.

После смерти Генриха VII в 1509 г. Мор возвращается к карьере политика. В 1510 г. он становится помощником лондонского шерифа, в 1518 г. вошел в Королевский совет, в 1525-1529 гг. канцлер герцогства Ланкастерского, в 1529-1532 гг. занимает должность лорд-канцлера Англии. Лютеранскую реформацию встретил отрицательно.

Когда, убедившись в невозможности подчинить папский престол своему влиянию, Генрих VIII объявил себя главой церкви. Мор, сохраняя верность своим убеждениям, в 1532 г. сложил с себя полномочия лорд-канцлера. Он также отказался дать присягу королю как «верховному главе» английской церкви, после чего в 1534 г. был заключен в Тауэр, а 6 июля 1535 г. казнен по обвинению в государственной измене. Католическая церковь, нуждаясь в героях высокоинтеллектуального и нравственного ранга, в 1886 г. причислила Томаса к лику блаженных, а в 1935 г. канонизировала.

В своей книге Томас Мор указал идеальное государственное устройство на вымышленном острове Утопия. Слово

«утопия» переводится с греческого как «место, которого нет». Утоп – имя этого победителя носит остров, называвшийся прежде Абракса – он привел скопище грубого и дикого народа к такому образу жизни и такой просвещенности, что ныне они превосходят почти всех смертных. В государстве Утопия царит мир и благоденствие, основанные на идеальных порядках, где нет частной собственности, при полном социальном и политическом равенстве всех граждан, распределении жизненных благ по потребности и всеобщей обязанности трудиться. «Здесь же, где все принадлежит всем, наоборот, никто не сомневается в том, что ни один частный человек не будет ни в чем терпеть нужды, стоит только позаботиться о том, чтобы общественные магазины были полны. Тут не существует неравномерного распределения продуктов, нет ни одного нуждающегося, ни одного нищего, и хотя никто ничего не имеет, тем не менее все богаты»¹¹⁴. В том же ряду стоит и тезис Т. Мора о вреде денег – деньги в Утопии также отменены и, следовательно, порождаемая деньгами жажда наживы, скупость, стремление к роскоши и т. д.

По устройству острова все жители должны были заниматься ремеслами и земледелием, основной же хозяйственной и общественной организацией является семья, возглавляемая старейшим. Сельскохозяйственные и ремесленные

¹¹⁴ Мор Т. Утопия. Пер. и коммент. А.И. Малеина. Предисл. В.П. Волгина. Москва – Ленинград, Academia, 1935, стр. 200.

товары доставляются на рынки, где каждый желающий может получить их в неограниченном количестве. Рабочий день длится 6 часов, все остальное время жители острова могли культурно развиваться и посвящать себя изучению различных наук. Политическое устройство Утопии основано на принципах верности и старшинства, все должностные лица избирались народом, но лишь самые важные для общества дела решались на народном собрании. Утопия являлась союзом 54 городов, для которых все законы и порядки были обязательны. Главой каждого города являлся правитель – принцепс, верховным органом – сенат, в котором избирались по три представителя от каждого города сроком на один год. Пожизненной являлась только должность принцепса города, если в его деятельности не было обнаружено попыток установить тиранию.

В деревне «живут граждане, переселяющиеся туда по очереди. Ни одна деревенская семья не имеет в своем составе менее сорока человек – мужчин и женщин, кроме двух приписанных рабов»¹¹⁵. «Из каждого семейства двадцать человек ежегодно переселяются обратно в город; это те, кто пробыли в деревне два года. Их место занимают столько же новых из города, чтобы их обучали прожившие в деревне год и потому более опытные в сельском хозяйстве»¹¹⁶.

«Власти отнюдь не хотят принуждать граждан к излиш-

¹¹⁵ Там же, стр. 101.

¹¹⁶ Там же, стр. 101-102.

ним трудам. Учреждение этой повинности имеет прежде всего только ту цель, чтобы обеспечить, насколько это возможно с точки зрения общественных нужд, всем гражданам наибольшее количество времени после телесного рабства для духовной свободы и образования. В этом, по их мнению, заключается счастье жизни»¹¹⁷.

«Религии утопийцев отличаются своим разнообразием не только на территории всего острова, но и в каждом городе. Одни почитают как бога солнце, другие – луну, третьи – одну из планет. Некоторые преклоняются не только как перед богом, но и как перед величайшим богом, перед каким-либо человеком, который некогда отличился своею доблестью или славой. Но гораздо большая и притом наиболее благоразумная часть не признает ничего подобного, а верит в некое единое божество, неведомое, вечное, неизмеримое, необъяснимое, превышающее понимание человеческого разума... его называют они отцом. Ему одному они приписывают начала, возрастания, продвижение, изменение и концы всех вещей¹... Но вот утопийцы услышали от нас про имя Христа, про его учение, характер и чудеса... Трудно поверить, как легко и охотно они признали такое верование; причиной этого могло быть или тайное внушение божие, или христианство оказалось ближе всего подходящим к той ереси, которая у них является предпочтительной. Правда, по моему мнению, немалую роль играло тут услышанное ими, что

¹¹⁷ Там же, стр. 116.

Христу нравилась совместная жизнь, подобная существующей у них, и она сохраняется и до сих пор в наиболее чистых христианских общинах²... Допуская тот случай, что истина только одна, а все остальные суетны, Утоп все же легко предвидел, что сила этой истины в конце концов выплывет и выявится сама собою; но для достижения этого необходимо действовать разумно и кротко... Поэтому Утоп оставил весь этот вопрос нерешенным и предоставил каждому свободу веровать во что ему угодно. Но с неумолимой строгостью запретил всякому ронять так низко достоинство человеческой природы, чтобы доходить до признания, что души гибнут вместе с телом и что мир несется зря, без всякого участия провидения. Поэтому, по их верованиям, после настоящей жизни, за пороки назначены наказанья, а за добродетель – награды³... Утопийцы совершенно презирают и высмеивают приметы и прочие гадания, очень уважаемые другими народами, но основанные на пустом суеверии, а преклоняются пред чудесами, происходящими без всякого пособия природы, считая их деяниями, свидетельствующими о присутствии божества. По их словам, подобные чудесные знамения часто бывают и в их стране. Иногда, в важных и сомнительных случаях, утопийцы предотвращают их общественными молитвами, в твердом уповании на их действие, и достигают этого. Утопийцы признают, что созерцать природу и затем восхвалять ее – дело святое и удобное богу⁴... Священники утопийцев отличаются особым благоче-

стием⁵... Священники могут быть и женщины. Этот пол не исключен, но выбирается реже, и это бывают только вдовы и притом пожилые⁶... Религия в Утопии у всех не одинакова, но ее виды, несмотря на свое разнообразие и многочисленность, различными путями как бы сходятся все к одной цели – почитанию божественной природы... Поэтому в храме не видно никаких изображений богов, отчего каждый волен представлять себе бога в какой угодно форме, так сказать, с точки зрения своей религии. Обращаясь к богу, они не называют его никаким особым именем, кроме Митры⁷... Утопийцы не считают рабами ни военнопленных, кроме тех, кого они взяли сами в бою с ними, ни детей рабов, ни, наконец, находящихся в рабстве у других народов, кого можно было бы купить. Но они обращают в рабство своего гражданина за позорное деяние, или тех, кто у чужих народов был обречен на казнь за совершенное им преступление. Людей этого второго рода гораздо больше, так как многих из них утопийцы добывают иногда по дешевой цене, а чаще получают их даром. Рабы того и другого рода не только постоянно заняты работой, но и закопаны в цепь⁸...»¹¹⁸

Вот такое идеальное общество, по мнению гуманиста и католика Т. Мора. Общество монастырского уклона (сильно развито общежитие) либеральных языческих вер (показательно, что сам того не ожидая, автор выразил мистиче-

¹¹⁸ Там же, стр. 1 – 181-182, 2 – 183, 3 – 185-186, 4 – 188-189, 5 – 191, 6 – 192, 7- 194-195, 8 – 155.

скую зависимость монастырского состояния) с поклонением главному божеству – Солнцу (Митра – в древневосточных религиях бог дневного света, слившееся затем с солнцем, податель жизни, договора общественного устройства, в римский период приносящий победу на полях сражения), проникновением в него христианства, католической направленности, монастырское содержание которого, судя по всему, больше всего и привлекло внимание монастыря Солнца (очевидно в христианстве монастырь является самым ценным для Т. Мора). Самая тяжелая и грязная работа в солнечном монастыре-государстве благоденствия и процветания держится на рабском труде, процент которого, даже если учесть указанные 2 человека на 40 человек в деревнях, т. е. 5% от взрослого трудоспособного населения, представляет собой достаточно большую цифру (весьма недалекую от советского ГУЛАГа), и это без посвящения автором ситуации в городах. Для увеличения производительной силы Т. Мор целесообразно (т. е. когда это ничего не стоит и даже есть польза) и гуманно (с точки зрения милости, хотя это уже спорно) предложил закупать в других странах преступников, обреченных на смертную казнь.

Таким образом, автор не открыл ничего нового. В истории человечества можно привести примеры существования подобных идеальных государств демократическо-мистического содержания с рабским трудом, например, те же древние Афины или нацистская Германия (германская история лишь

не успела развиваться до полного воплощения своих принципов демократического гуманизма по низведению в рабство людей «низшего сорта»). Наиболее же полно воплотит в действительность морский идеал рабского монастыря бога Солнца Россия, страна совмещающая просвещение и наиболее крепостное, рабское состояние, наиболее упорное мистико-монастырское настроение.

Для материалистов трудность вопроса гуманизма заключалась, прежде всего, в том, как прийти к этим логическим государственным основам. Все отчетливее понимая пустословность просвещенного гуманизма с вектором на всеобщее братство людей, их взгляд на достижение цели теперь исходил из простой логики вещей – необходимости произвести насилие путем переворота власти, физическим усилием убрать из общества братства чуждых ему элементов. Эта идея еще не находила среди материалистов своего официального провозвестника, но в целом, как показывает опыт Первой Французской революции, не была нова в истории противоборствующих группировок, несущие каждую свою идею.

Материалистическое сознание прогресса событий нуждалось в духовном «окормлении», в духовно-теоретическом обосновании стремления произвести изменение путем насилия для т. н. высшей цели, поскольку аксиоматичное на тот момент времени для европейцев мировоззрение «единения

противоположностей» не работало. Спрос общества рождает предложение, или, если посмотреть с другой стороны, повышенное творческое движение христианства уже не мог больше выносить мистицизм, природа целостности, для которого любое движение есть насилие, тем более творческое. Поэтому в это время появляется, развернувшееся на 180°, т. е. более продвинутое, всеобъемлющее учение эллинизма XIX века, в лице духовного «Учителя», знающего истину мира и главную цель всех целей. Этот «Учитель» указывает, что развитие-движение есть результат не столько единения, и вообще не единения, но – борьбы. Это не трудно было увидеть по опыту ранних европейских революций, где внешне получалось, что именно столкновение противоположных сторон интересов запускал процесс трансформации¹¹⁹. Поэтому, вытекало заключение, что именно борьба есть фундамент мироздания, мира, находившегося таким образом в текущем положении и в постоянном развитии от цепей (удерживаемой в структуре творчества негармоничности) к абсолютной свободе (гармонии и единения), где каждая форма-ступень отторгает предыдущую, как отработанный материал...

Духовное откровение наличия всеобъемлющего фактора борьбы, для осуществления целей движения Вселенной к

¹¹⁹ Близорукая философия. Вместо того, чтобы разглядеть внутренние причины успешного развития общества в очищении его от греха уходом от старого мировоззрения путем столкновения и победой стороны нового, делается заявление, что сам фактор столкновения, причем даже неважно чего, приводит к развитию. P.S. Только диву даешься таким философом...

«Абсолюту»-свободе, революционизировала взгляды материалистов. И самые нетерпеливые принялись разрабатывать уже с научной точки зрения взгляд на мир, как на противостояние взглядов, обществ, классов, с вытекающим отсюда положением наивысшей цели человечества – свободы, достигаемое наилучшим способом – через насилие. Насилие теперь стало являться главным фактором процесса эволюции. (В этом плане интересно проследить шизофреническое раздвоение мозгов европейской интеллигенции, трагически оценивающие войны, особенно две мировые, во многом, если не фактически, вышедшие из положения «борьбы противоположностей», и до сих пор ратующие за эту же самую «борьбу противоположностей». P.S. Мистические настроения Западной Европы передового уровня, под маской христианства, соединенные с наукой, найдут горячий отклик у мистических собратьев Восточной Европы, которые воплотят все фундаментальные положения мистики, известные от начала времен).

В 1847 г. в Германии вышел «Манифест коммунистической партии» со сжатым изложением основ социализма*, авторами которого были К. Маркс (1818-1883) и Ф. Энгельс (1820-1895), впервые проявившие себя вместе в этой работе. В 1867 г. публикуется главный труд Маркса – I том «Капитала», последующие тома подготовлены к изданию Энгельсом: том II – 1885 г., том III – 1894 г.

К. Маркс – воспитанник идей немецкого общества, по от-

цу еврей, первоначальное имя имел Леви Мардохей, происходил из древнего рода раввинов и талмудистов, принял христианство из-за соображений выгоды (евреи в Пруссии имели ряд ограничений). В соединении культур, порождающее импульс, направленный в сторону общего, усредненного состояния стал проявителем доминирующего мировоззрения общества. Являлся последователем философа Г. Гегеля (1770-1831) пантеистического направления, в конечном итоге примкнул к философии материалиста Л. Фейербаха (1804-1872).

В молодости Маркс увлекался поэзией, писал стихи, и некоторые из них очень даже неплохие. Вот, к примеру (даже несколько с религиозно-философским подтекстом): «... "Дай муза, я промолвил, песни, – Чтобы я мог пропеть о том, – Кого любовно я зову отцом, – Что в сердце жар родит чудесный. – В мелодии он жизнь свою облек, – И устрашились мрака силы – Пред мужеством его и пылом, – Склонился перед ним порок. – Но как же выразить мне чувства – К нему? Где столько взять искусства?.." – Но муза тихо отвечала мне: "Зачем же словом петь иль песней – Здесь дело было бы уместней, – Ты сыном покажи себя вполне, – Когда себя в добре покажешь – Ты о себе ему расскажешь!"»¹²⁰

Но, вместе с тем, в это же время в Марксе шли изменения, и он пишет другие стихи, например, «Скрипач»:

¹²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 40. Произведения (1835-1843). Издание 2. Москва, Политическая литература, 1975, стр. 546.

Скрипка яростно хохочет,
Кудри падают на очи,
Сабля на боку висит,
В складках черный плащ лежит.
"Что поешь на скрипке дикой,
Вдруг глядя с тоской великой?
Кровь в тебе, огня ль поток?
Стой! Не выдержит смычок".
"Что пою? Спроси, что к скалам
Волны мчатся вал за валом!
Чтобы разорвалась грудь,
Чтобы в душу ад метнуть".
"Не кощунствуй! Кто поет, Светлым
богом избран тот.
Возносись на крыльях песни
К хору звезд, к лазурной бездне".
"Ты о чем? О песнях рая?
Саблей зарублю тебя я.
Бог не знает песен, – нет.
Песни, это – адский бред,
Что ведет к безумью души.
Мне напел их дьявол в уши,
Дьявол такт мне отбивает,
Он – смычок мой направляет.
Сердце, струны и смычок!
Разорваться – вот ваш рок" ¹²¹ .

¹²¹ Там же, стр. 18.

Со временем, со стороны простого обывателя, Маркс стал представляться личностью с сильно выраженным качеством логики, вплоть до эгоизма. Например, когда умерла его мать, то в письме Энгельсу от 2 декабря 1863 г. содержатся следующие строки: «Два часа тому назад пришла телеграмма о смерти моей матери. Судьба требовала кого-нибудь из семьи. Я сам стоял уже одной ногой в могиле. При существующих обстоятельствах я во всяком случае пока был нужнее старой. Для урегулирования вопроса о наследстве я должен поехать в Трир»¹²². Личная жизнь Маркса была крайне негативной. Две его дочери покончили жизнь самоубийством, а четверо детей умерли в малолетнем возрасте. Кроме официальных детей у него также была внебрачная дочь от служанки. По известиям Маркс играл на бирже, но очень неудачно, жил на деньги Энгельса, по некоторым свидетельствам временами уходил в запой. Дочь Маркса, Элеонора, пишет, что ее отец рассказывал ей и сестре разные выдуманные истории, когда они были еще детьми. Одна из них, наиболее запомнившаяся, была о некоем Гансе Рекле. «Эта история рассказывалась много месяцев и никогда не заканчивалась. Ганс Рекле был волшебником, у которого был игрушечный магазин и куча долгов. И, хотя он был волшебником, он постоян-

¹²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 30. Переписка между К. Марксом и Ф. Энгельсом (январь 1860 – сентябрь 1864). Издание 2. Москва, Политическая литература, 1975, стр. 308.

но нуждался в деньгах. Потому вопреки своему желанию, он вынужден был продавать одну за другой все свои прекрасные игрушки дьяволу... Некоторые истории были столь ужасны, что у нас волосы поднимались дыбом на голове»¹²³.

Маркс вырос в состоятельной семье. В детстве не голодал, а в студенческие годы жил гораздо лучше своих товарищей. Некоторые исследователи биографии Маркса утверждают, что в возрасте 17 лет он получил посвящение в маонство, возможно, и, вероятнее всего, в розенкрейцерство – высшей степени мистическое Тайное Братство алхимиков и мудрецов, ставившее себе целью преобразование мира в высокий гуманизм, соответственно, приобщение его к вселенской гармонии, преобразование искусства, науки, религии и интеллектуальной сферы Европы. Правдиво ли это, неизвестно, но та энергия по разрушению церкви, которая стала исходить из Маркса, заставляет призадуматься на этот счет. В стихотворении «Скрипач» Маркс пишет: «Адские испарения поднимаются и наполняют мой мозг, – Пока не сойду с ума, и моё сердце в корне не переменится, – Видишь этот меч? – Князь тьмы продал его мне»¹²⁴. Стоит заметить, что в ритуалах высшего посвящения в сатанинский культ существует практика продажи кандидату заколдованный меч, га-

¹²³ Jenny von Westphalen. Mohr und General, Erinnerungen an Marx und Engels. Berlin: Dietz – Verlag, 1964, p. 273–274.

¹²⁴ Ричард Вурмбранд. Маркс и Сатана. Пер. М. Тучковой. Ровно, 2016, стр. 11-12.

рантирующий успех. Покупающий платит за меч, подписывая кровью, взятой у него из вен, договором, по которому его душа после смерти будет принадлежать сатане.

Вот цитаты из драмы «Оуланем» (существует предположение, что это искаженное библейское имя Иисуса, «Эммануил», означающее «С нами Бог»; метод, применяющийся в магии):

«Все сильнее и смелее я играю танец смерти, – И он тоже, Оуланем, Оуланем – Это имя звучит как смерть, – Звучит, пока не замрёт в жалких корчах»¹²⁵.

«И всё же тебя, олицетворённое человечество, – Силою моих могучих рук – Я могу схватить и раздавить с яростной силой, – В то время как бездна сияет предо мной и тобой в темноте, – Ты провалишься в неё, и я последую за тобой, – Смеясь и шепча на ухо: "Спускайся со мною, мой друг!"»¹²⁶

«Погиб, погиб. Моё время истекло. – Часы остановились, ничтожное строение рухнуло. – Скоро я прижму вечность к моей груди и диким воплем – Изреку проклятие всему человечеству...»¹²⁷

«Быть нужно тем, чего миры не знают, – И побеждать их боль и скорбь немую – Гигантской мощью страждущей души... – Когда б всепоглощающую бездну – Вне их нашёл – Я бросился б в неё, – Мир сокрушая между ней и мной, –

¹²⁵ Там же, стр. 12.

¹²⁶ Там же, стр. 13.

¹²⁷ Там же, стр. 13.

Он развалился б от моих проклятий, – Я обнял бы глухое бытие, – Оно в моих погребло бы объятых – И погрузилось бы навек в ничто: – Исчезнуть и не быть – вот жизнь была бы! – А так – в потоке вечности нестись, – Гимн горя петь творцу, горя стыдом, – С проклятьем гордым в онемевшем сердце?»¹²⁸

На протяжении жизни Маркс любил повторять слова Мефистофеля из «Фауста» Гёте: «Все существующее достойно уничтожения»¹²⁹. Незадолго до смерти он писал Энгельсу (прямо гимн гармонии): «Как бесцельна и пуста моя жизнь, но и как желанна!»¹³⁰

Другой учитель Маркса был немецкий философ Георг Гегель. Посвящаясь в труды этого автора, невольно приходят мысли, что перед тобой фантазии сумасшедшего, причем бесконечного объема (в палате № 6 все сказочно гениально).

Без лишних слов. Чтобы поближе понять ход рассуждений мыслителя ниже приводятся некоторые выдержки из его сочинений, как говорится, на чем глаз остановился.

«Вещи сами суть в себе и для себя определенные вещи; они обладают свойствами, которыми они отличаются от других вещей. Так как свойство есть собственное свойство вещи или определенность, присущая ей самой, то она обладает не одним свойством. Ибо, во-первых, вещь есть истинная

¹²⁸ Там же, стр. 15.

¹²⁹ Там же, стр. 13.

¹³⁰ Там же, стр. 48.

вещь, она есть в себе самой; а то, что в ней есть, есть в ней в качестве ее собственной сущности, а не в силу других вещей; следовательно, определенные свойства суть, во-вторых, не только в силу других вещей и для других вещей, а суть в ней самой; но они определенные свойства в ней только благодаря тому, что их несколько и они друг от друга отличаются; и в-третьих, так как они суть, таким образом, в вещиности, то они суть в себе и для себя и равнодушны друг к другу. Следовательно, поистине сама вещь – белая, а также кубическая, а также острая и т. д., или: вещь есть «также» (das Auch), или всеобщая среда, в которой множество свойств существуют одно вне другого, не касаясь и не снимая друг друга; и вещь, принимаемая таким образом, принимается как истинное (als das Wahre genommen)¹³¹.

Смысл всего написанного в том, что каждая вещь отлична от другой.

Вот еще текст.

«Эта определенность, которая составляет существенный характер вещи и отличает ее от всех других [вещей], теперь определена в том смысле, что вещь благодаря этому противоположна другим [вещам], но в этой противоположности должна сохраняться для себя. Однако вещь, или для себя сущее "одно", лишь постольку такова, поскольку она не соотносится с другими [вещами] как противоположная им; ибо

¹³¹ Гегель Г.В. Сочинения. Том IV. Феноменология духа. Пер. Г. Шпета. Москва, Соцэгиз, 1959, стр. 67-68.

в этом соотношении, напротив, установлена связь с другой [вещью], а связь с другой [вещью] есть прекращение для-себя-бытия. Именно благодаря абсолютному характеру и своему противоположению она находится в отношении к другим [вещам] и по существу есть только это нахождение в отношении; но отношение есть негация ее самостоятельности, и вещь, напротив, погибает из-за своего существенного свойства, Необходимость для сознания опыта, говорящего, что вещь погибает именно из-за определенности, которая составляет ее сущность и ее для-себя-бытие, можно вкратце, согласно простому понятию, рассматривать следующим образом. Вещь установлена как для-себя-бытие или как абсолютная негация всякого инобытия, значит, как абсолютная, только к себе относящаяся негация; но относящаяся к себе негация есть снятие себя самой, т. е. вещь имеет свою сущность в некотором ином.

Фактически определение предмета, каким он оказался, ничего другого и не содержит; он должен обладать некоторым существенным свойством, составляющим его простое для-себя-бытие, но при этой простоте в нем самом должно быть также разнообразие, которое хотя и необходимо, но не должно составлять существенную определенность. Но это есть различие, которое заключается еще только в словах; несущественное, которое, однако, должно быть в то же время необходимым, само себя снимает, или: оно есть то, что только что было названо негацией самого себя.

Тем самым отпадает последнее "поскольку", отделявшее для-себя-бытие от бытия для другого; предмет (Gegenstand) в одном и том же аспекте есть скорее противоположное (Gegenteil) себе самому: он есть для себя, поскольку он есть для другого, и есть для другого, поскольку он есть для себя. Он есть для себя, рефлектировав в себя, есть "одно"; но это бытие для себя, рефлектированность в себя, бытие "одним" установлено в некотором единстве с противоположным ему – с бытием для чего-то иного, и потому установлено только как снятое; или: это для-себя-бытие столь же несущественно, как и то, что единственно должно было быть несущественным, т. е. отношение к другому.

Предмет благодаря этому в своих чистых определенностях или в определенностях, которые должны были составлять его существенность, снят точно так же, как он в своем чувственном бытии превратился в нечто снятое. Из чувственного бытия он становится чем-то всеобщим; но это всеобщее, так как оно проистекает из чувственного, по существу обусловлено последним и потому вообще не есть подлинно себе самой равная всеобщность, а такая, которая испытывает воздействие некоторой противоположности и которая поэтому разделяется на крайности: на единичность и всеобщность, на "одно" свойств и на "также" свободных материй. Эти чистые определенности выражают, по-видимому, самое существенность, но они суть только для-себя-бытие, которое обременено бытием для чего-то иного; но так как то

и другое находятся по существу в некотором единстве, то теперь имеется налицо безусловная абсолютная всеобщность, и сознание здесь впервые действительно вступает в царство рассудка»¹³².

Другими словами это означает: В гармонии каждый элемент несет в себе двойственную природу, он есть и его нет, своим существованием он отрицает себя, но отрицанием одновременно укрепляет свое наличие, которое при этом входит в соприкосновение с другими элементами, такого же свойства, где само соприкосновение отрицается и тем поддерживается одновременно.

Еще один пример.

«Прежде всего отметим черту, заключающуюся в том, что пока что еще данную объективность превращают в простую форму как первую форму, стало быть, в форму понятия; моменты этого схватывания суть потому те же самые, что и моменты понятия: всеобщность, особенность и единичность. — Единичное есть сам объект как непосредственное представление, есть то, что должно быть дефинировано. В определении объективного суждения или суждения необходимости всеобщий аспект этого объекта оказался родом, и притом ближайшим, а именно, всеобщим, обладающим той определенностью, которая вместе с тем служит принципом для различия, характеризующего особенное. Этим различием предмет обладает в лице того специфического различия, которое

¹³² Там же, стр. 67-69.

делает его определенным видом и которое служит основанием его отделения от других видов»¹³³.

Смысл этой фразы – каждый элемент определяется своими особенностями. (Не думайте, что на этом фразы заканчиваются, там глубокие исследовательские продолжения)

Не сказать однозначно, что непосредственно форма изложения темы напоминает бред, но литературно пространный образ бесконечной болтовни очень схож с тактикой, по-современному говоря, морально-умственного «развода». Изворотливость точных мыслей поражает бездонный запас словесной эквилибристики. Ведь в действительности вся необходимая философия для человека умещается в десяти заповедях Бога. Поэтому спрашивается – зачем все это? Ответ очевиден – потому что речь идет о провозглашении гармонии с научной точки зрения. Однако науки нет, есть подобие науки (надо отдать должное, математического уклона), поэтому гармония идет на тактику – заболтать тему, обескуражить объемистостью псевдонаучными выражениями вроде «рефлектированность», «чувственная единичность», «обусловленность», «противоречащие крайности», «эти пустые абстракции единичности и противоположной ей всеобщности», которые валят, словно из ящика пандоры.

Философа можно было бы оставить в своих причудли-

¹³³ Гегель Г.В. Сочинения. Том VI. Наука логики. Том II. Субъективная логика или учение о понятии. Пер. Б.Г. Столпнера. Под ред. М.Б. Митина. Москва, Соцэгиз, 1939, стр. 262.

вых размышлениях по поводу «души, отлетающей в звуке»¹³⁴ (как будто он был лично свидетелем всему этому), но в его воззрениях прослеживается далеко идущий страшный феномен – скрытое за художественно-литературным оформлением сущность тоталитарно реакционной секты с проповедью «джихада». Давайте еще раз окунемся в ход его размышлений поглубже. Читайте внимательно это философское оформление вечных мистических настроений всего мира в факторе гармонии, свободы и справедливости, продолжением которого закономерно стали фашизм и марксизм-большевизм.

Гегель пишет о способности мозга развить свои способности, используя научные данные: «Философия имеет своим исходным пунктом опыт, непосредственное и рассуждающее сознание. Возбужденное опытом как раздражителем, мышление ведет себя в дальнейшем так, что поднимается выше естественного, чувственного и рассуждающего сознания в свою собственную, чистую, лишенную примесей стихию... Этот стимул вырывает мышление из указанной всеобщности и лишь в себе испытываемого удовлетворения и принуждает его к развитию из самого себя»¹³⁵.

«Воспринимая содержание эмпирических наук и снимая

¹³⁴ Гегель Г.В. Сочинения. Том II. Философия природы. Под ред. и вступит. ст. А.А. Максимова. Москва – Ленинград, Соцгиз, 1934, стр. 205.

¹³⁵ Гегель Г.В. Сочинения. Том I. Энциклопедия философских наук. Под ред. А. Деворина и Д. Рязанова. Москва – Ленинград, Соцгиз, 1929, стр. 29.

свойственную ему форму непосредственности и данности, мышление есть вместе с тем развитие мышления из самого себя»¹³⁶.

Более развитая философия основывается и содержит в себе старые понятия, их переработав, что-то выбрасывается, что-то добавляется: «Подобно тому как развитие логической идеи оказывается движением от абстрактного к конкретному, так и в истории философии наиболее ранние системы суть также наиболее абстрактные и, следовательно, вместе с тем и наиболее бедные системы. Отношение между более ранними и более поздними философскими системами в общем такое же, как между предшествующими и последующими ступенями логической идеи, а именно последующие ступени содержат в себе предшествующие как снятые»¹³⁷.

Философия помогает идеи следовать путем развития: «Субстанция представляет собой существенную ступень в процессе развития идеи; она, однако, сама не есть абсолютная идея, а есть идея в еще ограниченной форме необходимости»¹³⁸.

Развитие суждения это перевод духовного качество на более офизиченное явление. То есть, что происходит в небесах, то же происходит в более твердых выражениях физики: «Само развитие суждения состоит в том, что всеобщ-

¹³⁶ Там же, стр. 31.

¹³⁷ Там же, стр. 147.

¹³⁸ Там же, стр. 253.

ность, которая вначале есть только абстрактная, чувственная всеобщность, специфицируется как всякость [совокупность всех] (Allheit), род и вид и, наконец, как развитая всеобщность понятия»¹³⁹.

Называя эзотерическую философию спекулятивной, Гегель фактически утверждает астрологический принцип: «Подобно Солнечной системе, государство, например, представляет собою в практической области [такую же] систему...»¹⁴⁰

Идея есть истина, есть результат движения мысли всего предшествующего времени, которые, настоящими и косвенными факторами, находятся теперь в ней кирпичиками здания: «Доказательство того, что идея есть истина, нам не приходится требовать только теперь; все предыдущее развитие мышления содержит в себе это доказательство. Идея есть результат этого шествия мысли; однако мы не должны понимать этот результат так, будто идея есть нечто лишь опосредствованное, т. е. опосредствованное чем-то, что является иным, чем она сама. Идея есть, наоборот, свой собственный результат, и, как таковой, она есть столь же непосредственное, сколь и опосредствованное. Рассмотренные доселе ступени бытия и сущности, равно как и ступени понятия и объективности, не суть в этом их различии нечто неподвижное и самостоятельно существующее. Нет; они оказа-

¹³⁹ Там же, стр. 277.

¹⁴⁰ Там же, стр. 310.

лись диалектичными, и их истина состоит лишь в том, что они суть моменты идеи»¹⁴¹.

Природа демонстрирует принцип эволюции, где наряду с удачными появляются неудачные комбинации: «Природа всюду ступшевывает существенные границы, создавая промежуточные и неудачные образования, которые всегда являются возражениями против всяких твердых отличительных признаков. Даже в пределах определенных классов (например в пределах человеческого рода) эти границы ступшевываются уродцами; последние, с одной стороны, должны быть причислены к этому виду, но, с другой стороны, лишены тех определений, которые следовало бы рассматривать как существенные особенности данного вида. Для того чтобы мы имели право называть такие создания неудачными, плохими, искаженными, у нас должен иметься для сравнения твердый тип. Но такого рода тип нельзя почерпнуть из опыта, ибо как раз последний и дает нам этих так называемых уродцев, неудачные формы, промежуточные создания и т. д.»¹⁴²

Природа есть живое целое. В природе наблюдается процесс восхождения по ступеням развития. Это происходит следующим образом: в природе офизиченных явлений появляется идея, которая находится в закупоренном состоянии (связью с бытием, жизнью, называемой смертью), которую

¹⁴¹ Там же, стр. 323.

¹⁴² Гегель Г.В. Сочинения. Том II. Философия природы. Под ред. и вступит. ст. А.А. Максимова. Москва – Ленинград, Соцгиз, 1934, стр. 32-33.

она скидывает, закупориваясь сильнее в свое «я» (открывая для себя свою жизнь), а затем освобождается и от закупорки своего «я», становясь духовным существом, которое и есть истина: «Природа есть в себе некое живое целое. Ее восхождение по ступеням развития состоит ближе в том, что идея полагает себя как то, что она есть в себе, или, что то же самое, – в том, что она выходит из своей непосредственности и внешности, являющейся смертью, и входит внутрь себя, чтобы сначала стать живым существом, а затем снять также и эту определенную форму, в которой она есть лишь жизнь, и породить себя к духовному существованию, которое является истиной и конечной целью природы и подлинной действительностью идеи»¹⁴³. (Если почитать отстраненно, не понимая фактор «единства противоположностей», то написанное представляется результатом шизофренического расстройства мозга, чем в общем и является само по себе «единство противоположностей»).

В любой низшей форме заложены принципы высшей, с последующим выводом, что любая форма может легко стать другой. Если это утверждение перенести на масштаб мира, то получается, что вообще в любой форме содержатся принципы всех существующих форм: «У тюльпанов, называемых монстрозами, лепестки колеблются между настоящими лепестками и листьями. Настоящие лепестки – это те же листья, только более утонченные. Пестик тоже всего лишь

¹⁴³ Там же, стр. 33.

стянутый лист; да и пыльца (у роз например она имеет вид желтого порошка) имеет природу листьев. Точно так же семянная коробочка и плод всецело имеют природу листа, как это видно и из того, что на спинке плода встречаются иногда листья. Лиственную природу можно распознать и в косточке плода. Шип дико растущих растений превращается у облагороженных растений в лист; яблочные, грушевые и лимонные деревья имеют на скудных почвах шипы, которые при возделывании исчезают, превращаясь в листья. / Таким образом во всем образовании растения обнаруживается одна и та же однородность и простое развитие; и это единство формы есть лист. Одна форма может поэтому легко перекинуться в другую»¹⁴⁴.

Однако каждая форма есть результат ее внутреннего отличия от других: «Каждая система, как развитое целое, содержит в себе и моменты других систем, то все же в каждом остается преобладающей одна какая-нибудь форма понятия»¹⁴⁵.

Гегель указывает, что в зоологии торжествует мнение восхождения от низшего к высшему: «В ступенчатом ходе развития, образуемом родами и видами, можно начать с неразвитых животных, у которых различия еще не существуют с такой определенностью в трех системах – чувствительности, раздражительности и воспроизводства. Человек как наибо-

¹⁴⁴ Там же, стр. 394.

¹⁴⁵ Там же, стр. 419.

лее совершенный живой организм стоит на высшей ступени развития. Эта форма классификации по ступеням развития получила в зоологии особенное значение в последнее время; ибо считают естественным восхождение от неразвитого к высшему организму»¹⁴⁶.

Развитие есть возвышение себя до истинности, а истинность, таким образом, есть возвышение себя: «Все развитие духа есть не что иное, как возвышение самого себя до своей собственной истинности, и так называемые силы души никакого другого смысла и не имеют, как только тот, чтобы быть ступенями этого возвышения духа. Благодаря этому саморазличению, благодаря этому самопреобразованию и благодаря сведению своих различий к единству своего понятия, дух только и есть истинное, равно как и нечто живое, органическое, систематическое»¹⁴⁷.

Философия должна поведать о духе с научной точки зрения, которая в свою очередь должна доказать истинность духа процессом его развития, что одновременно будет доказательством истинности и самого процесса развития: «Поэтому своим конечным результатом философия природы – а через ее посредство и логика – должна иметь доказательство необходимости понятия духа. Наука о духе, со своей сторо-

¹⁴⁶ Там же, стр. 518.

¹⁴⁷ Гегель Г.В. Сочинения. Том III. Энциклопедия философских наук. Часть третья. Философия духа. Пер. Б.А. Фохте. Москва, Политическая литература, 1956, стр. 30-31.

ны, должна показать истинность этого понятия о духе посредством его развития и осуществления».

Для духа свобода является эталоном, которая однако не существует в нем изначально, но которую нужно еще достичь: «Действительная свобода не есть поэтому нечто непосредственно сущее в духе, но нечто такое, что еще только должно быть порождено его деятельностью. Как такого породителя своей свободы нам предстоит рассмотреть дух в науке. Все развитие понятия духа представляет собой только самоосвобождение духа от всех форм существования, не соответствующих его понятию; освобождение, осуществляемое благодаря тому, что эти формы преобразуются в некоторую действительность, полностью соответствующую понятию духа»¹⁴⁸.

Дух стремится к свободе, и это есть фактор его развития в сбрасывания с себя всех форм: «Ибо через снятие своего инобытия логическая идея, или в-себе-сущий дух и становится как раз тем, чем дух есть для себя, т. е. дух открывается самому себе»¹⁴⁹.

Дух это идея. В начальной своей форме он более офизичен, найдяшись в разрозненных объектах этого мира. Затем он скидывает его удерживающую оболочку, познает самого себя, уже на уровне соединения всех бывших офизиченных духовных субстанций, становясь таким образом ко-

¹⁴⁸ Там же, стр. 42.

¹⁴⁹ Там же, стр. 42.

нечной целью. (Здесь проглядывается идея о т. н. последней философии, которая, собрав сведения всех прошедших времен, переварив все это, выкинув явно несуразное и дополнив последними научными достижениями, становится таким образом последним учением, высшей истинной, на которую, судя по всему, претендует Гегель со своей переработкой старого на новый лад): «Дух есть всегда идея; но первоначально он есть только понятие идеи, или идея в ее неопределенности, в абстрактнейшей форме реальности, т. е. в форме бытия. В начале мы имеем только совершенно общее, неразвитое определение духа, а не то, что составляет его особенную природу. Это особенное мы получаем только тогда, когда мы от одного переходим к другому, ибо особенное содержит в себе одно и другое; но именно этого перехода мы вначале-то еще не сделали. Реальность духа сначала является, следовательно, еще совершенно всеобщей, не обособившейся: развитие этой реальности завершается поэтому лишь всей философией духа в целом»¹⁵⁰.

Приближаясь к состоянию истинности, дух производит самоочищение себя, уничтожением в себе ничтожности, старого, не дающего движения вперед, подталкивает падавшее. Однако в состоянии истины заложено противоречие, выступающее в качестве милостивого смирения, которое препятствует процессу очищения. Эта смирение, охарактеризованное суетностью, для состояния высшей истины является

¹⁵⁰ Там же, стр. 47.

злом: «Вся остальная философия по отношению к конкретным формам конечности – указывает только на то, что конечное не обладает бытием, т. е. не обладает истинным бытием, а представляет собой только некоторый момент перехода и вхождения за пределы самого себя. – Конечное предыдущих сфер есть диалектика, состоящая в том, чтобы это конечное уничтожалось посредством другого и в другом. Дух же, понятие и это в себе вечное, состоит как раз в том, чтобы в себе самом осуществлять уничтожение ничтожного, приводить к тщете тщетное. – Вышеупомянутое смирение есть удержание этого тщетного, конечного, вопреки истинному, и потому само оно суетно. Эта суетность в развитии самого духа раскрывается как высшая степень его углубления в свою субъективность, как внутреннейшее противоречие и тем самым как поворотный пункт, как зло»¹⁵¹.

Наконец дух осознает, что его, как высшую форму, удерживают находившиеся в нем более низшие. Он преодолевает внутреннее сопротивление жалости и уничтожает их в себе, тем самым освобождаясь от тормозящих явлений его возвышения, и становится истинной, входит в позицию бесконечности: «Только на мгновение дух может казаться остающимся в конечности. Посредством своей идеальности он возвышается над этой конечностью, знает о пределе, что не есть безусловно прочный предел. Поэтому он за него выходит, от него освобождается; и это освобождение не есть – как пола-

¹⁵¹ Там же, стр. 49.

гает рассудок – никогда не завершённое, всегда являющееся только целью стремление в бесконечное, но дух вырывается из этого идущего в бесконечность прогресса, абсолютно освобождается от предела, от своего другого, и таким образом приходит к абсолютному для-себя-бытию, делает себя подлинно бесконечным»¹⁵².

Движение души к своей высшей цели начинается с того, что в ней пробуждается сознание (величия) собственного «я». Затем начинается непосредственно движение, которое несет главную задачу в очищении себя удерживающих факторов, в результате которого она превращается из условия «для всех» в условие «для себя»: «В душе пробуждается сознание; сознание полагает себя как разум, который непосредственно пробудился, как себя знающий разум, освобождающий себя посредством своей деятельности до степени объективности, до сознания своего понятия. / Подобно тому, как вообще в понятии определенность, которая в нем обнаруживается, означает прогресс в его развитии, так точно и в духе каждая определенность, в которой он себя раскрывает, есть момент развития и дальнейшего определения, его продвижение вперед к своей цели, чтобы сделать себя и тем стать для себя тем, что он есть в себе. Каждая ступень является сама по себе таким процессом; продукт же его состоит в том, что тем, чем дух был в начале в себе, т. е. только для нас, он стал теперь для самого себя (т. е. для той формы его, которую дух

¹⁵² Там же, стр. 51.

получает в этом развитии)»¹⁵³.

Ставший таким образом индивидуум бросает вызов всему окружению: «Индивидуум должен подняться на такую ступень развития, чтобы противопоставить себя всеобщему как в-себе-и-для-себя-сущему, готовому и устойчивому предмету, – должен постигнуть себя в своей собственной самостоятельности»¹⁵⁴.

Возвышение души происходит тремя этапами. На первом этапе, еще удерживаемая низшими формами, душа полна желания распрощаться со всем этим бытием. Второй этап, душа настолько преисполняется желанием, что для нее ее бытие ставится мерзким, хотя еще в ней присутствует доброе отношение, как она считает, к низшим формам. На третьем этапе, душа преодолевает свои внутренние тягости к привычному бытию, становится настоящим «Я», разрывает, порывает, выкидывает все, что так или иначе мешает содержанию «Я», становясь таким образом просветленной формой: «Возвышение до этого пункта развития представляет собой последовательность трех ступеней... На первой ступени мы видим душу объятую сплошными грезами и предчувствием своей конкретной природной жизни. Чтобы понять все чудесное, что содержится в этой форме души, ставшей предметом внимания в новейшее время, мы должны установить, что душа находится здесь еще в непо-

¹⁵³ Там же, стр. 52.

¹⁵⁴ Там же, стр. 88.

средственном, неразличенном единстве со своей объективностью. Вторая ступень есть точка зрения помешательства, т. е. точка зрения раздвоенной в себе самой души, с одной стороны, уже овладевшей, а с другой – еще не овладевшей собой, но в своей единичной обособленности закрепленной в этой последней стадии своей действительности. Наконец, на третьей ступени душа приобретает господство над своей природной индивидуальностью, над своей телесностью, низводит эту последнюю до подчиненного ей средства и выбрасывает из себя не принадлежащее к ее телесности содержание своей субстанциальной целокупности в качестве мира объективного. Достигнув этой цели, душа выступает в абстрактной свободе своего "я" и становится сознанием»¹⁵⁵.

Путь свободы есть состояние помешательства, – быть в связке с миром и быть нацеленным только на себя: «Именно в состоянии настоящего помешательства оба способа существования конечного духа, – с одной стороны, развитое в себе разумное сознание со своим объективным миром, с другой стороны, процесс внутреннего ощущения, крепко держащийся за самого себя и внутри себя самого имеющий свою объективность, – каждый для себя развиты до внутренней целостности, до личности»¹⁵⁶.

Когда достигается рассудок состояния «Я», у него появляется привилегия на сумасшествие, – осознавая свою бес-

¹⁵⁵ Там же, стр. 129.

¹⁵⁶ Там же, стр. 169.

сильность, он одновременно и хочет и отторгает этот мир. «Коль скоро я становлюсь конкретным "я", как только приобретаю определенные мысли о действительности, как, например, в последнем случае начинаю думать о своей тяжести, я тотчас же начинаю понимать невозможность для себя летать. Только человек поднимается до того, чтобы постигать себя в упомянутой выше совершенной абстракции "я". Вследствие этого он имеет, так сказать, привилегию на сумасшествие и безумие. Эта болезнь развивается, однако, в конкретном, рассудительном самосознании лишь постольку, поскольку это последнее падает на низшую ступень бессильного, пассивного, абстрактного "я"»¹⁵⁷.

Душа не видит в материи истины и потому обособляется от нее, сбрасывает ее, теряя таким образом значение души: «Материя в себе не имеет для души никакой истины; в качестве сущей-для-себя душа обособляется от своего непосредственного бытия и противопоставляет его себе в качестве телесности, не оказывающей внедрению в нее души никакого сопротивления. Душа, противопоставившая себе свое телесное бытие, снявшая его и определившая его как свое, потеряла значение души, непосредственности духа»¹⁵⁸.

Душа в бытие воспринимает свое местонахождение как тюрьма, своим защитно-охранительным свойством, – которое есть бессознательное стремление к лучшему, например,

¹⁵⁷ Там же, стр. 172.

¹⁵⁸ Там же, стр. 199.

отдернуть руку от огня, или сексуальное влечение к противоположному полу, – она разрывает тюремные рамки, правда душа и в тюрьме имеет свойства «я», но тюремное «я» отторгается охранительным свойством эталонного «Я»: «Поскольку душа достигает чувства этой ограниченности своей силы, она рефлектирует в себя и выбрасывает из себя телесность как нечто ей чуждое. Через эту рефлексию в себя дух завершает свое освобождение от формы бытия, дает себе форму сущности и становится "я". Правда, душа, поскольку она есть субъективность и самостность, уже в себе есть "я". Однако для действительности "я" требуется больше, чем только непосредственная, природная субъективность души, ибо "я" есть такое всеобщее, такое простое, которое в действительности существует только тогда, когда оно само себя имеет своим предметом, когда оно уже стало для-себя-бытием простого в простом, отношением всеобщего к всеобщему. Само к себе относящееся всеобщее не существует нигде, кроме как в "я"»¹⁵⁹.

Освободившись от всего, душа стала тотальностью для себя, она включила в себя подчинением весь мир, и теперь наслаждается созерцанием «СЕБЯ»: «[Душа] преобразовала свое тело в отображение своей идеальности, своей свободы, и таким образом дошла до того, что стала существующим в "я", себя к самому себе относящим, индивидуально определенным всеобщим, некоторой от телесности освобожденной,

¹⁵⁹ Там же, стр. 200.

для-себя-сущей, абстрактной целокупностью. В то время как в сфере только ощущающей души наша самость проявляется в форме гения, в качестве некоторой, на налично-сущую индивидуальность только как извне и в то же время только как изнутри действующей силы; в это время на достигнутой таким образом ступени развития души наша самость, напротив, как было показано выше, осуществила себя в наличном бытии души, в ее телесности и, наоборот, в себе самой положила бытие; так что теперь наша самость, или "я", в своем другом созерцает самое себя и есть это само созерцание»¹⁶⁰.

«Свобода есть лишь там, где нет для меня ничего другого, что не было бы мною самим»¹⁶¹.

Гегель указывает, что состояние свободы есть феномен превращение во всеобщее, из «я» стать «Я», т. е., по Гегелю, стать Истинной-Абсолютом, что в действительности означает превратиться в Бога: «Природа не доходит до осознания $\nu\omicron\upsilon\varsigma$; только человек удваивает себя таким образом, что он есть всеобщее для всеобщего. Это имеет место прежде всего тогда, когда человек знает себя как "я". Говоря "я", я разумею себя как это единичное, совершенно определенное лицо. Однако на самом деле я этим не высказываю о себе никакого особенного предиката. "Я" есть также и всякий другой, и, поскольку я обозначаю себя как "я", я, правда, разумею

¹⁶⁰ Там же, стр. 200-201.

¹⁶¹ Гегель Г.В. Сочинения. Том I. Энциклопедия философских наук. Под ред. А. Деворина и Д. Рязанова. Москва – Ленинград, Соцэгиз, 1929, стр. 55.

себя, этого единичного человека, однако высказываю вместе с тем совершенно всеобщее. "Я" есть чистое для-себя-бытие, в котором все особенное подверглось отрицанию и снятию. "Я" есть последняя, простая и чистая сущность сознания. Мы можем сказать: "я" и мышление есть одно и то же; или более определенно: "я" есть мышление как мыслящее. То, что есть в моем сознании, есть для меня. "Я" есть пустота, приемник (das Rezeptakulum) всего, для которого все существует и который все сохраняет в себе. Человек есть целый мир представлений, погребенных в ночи "я". Таким образом, "я" есть всеобщее, в котором абстрагируются от всего особенного, но в котором вместе с тем все заключено в скрытом виде. Оно есть поэтому не чисто абстрактная всеобщность, а всеобщность, которая содержит в себе все»¹⁶².

Но «всё», т. е. «Истина» – «Абсолют», есть «ничто»: «Бытие, как таковое, не есть нечто непосредственное и окончательное, а, наоборот, подлежа диалектике, переходит в свою противоположность, которая, взятая также непосредственно, есть ничто. Остается, таким образом, верным, что бытие есть первая чистая мысль и с чего бы прочего ни начинали, с "я" = "я", с абсолютного безразличия или даже с самого бога, – это прочее есть лишь представление, а не мысль, и, взятое как содержание мысли, оно есть именно лишь бытие.

Это чистое бытие есть чистая абстракция и, следовательно, абсолютно-отрицательное, которое, взятое также непо-

¹⁶² Там же, стр. 54.

средственно, есть ничто. <...>

Каждое дальнейшее значение, которое они получают, должно поэтому рассматриваться лишь как более точная спецификация и более истинное определение абсолютного; такая спецификация более не представляет собой пустой абстракции, подобно бытию и ничто, а есть некое конкретное, в котором оба, бытие и ничто, суть моменты. – Высшей формой ничто, как взятого отдельно принципа, была бы свобода, но свобода есть отрицательность, лишь постольку она углубляется в себя, чтобы достигнуть величайшей интенсивности, а сама по себе есть утверждение, и как раз абсолютное утверждение»¹⁶³.

Задача духа состоит в достижении истины, которая есть свобода, которая осуществляется слиянием понятий своего положения (бытия) с непосредственно собой (сделать «я» и окружение «я» однородным, в плане окружение стало мной): «Цель духа как сознания состоит в том, чтобы это свое явление сделать тождественным со своей сущностью, поднять достоверность самого себя до истины».¹⁶⁴

Очищение на пути к свободе есть борьба за свободу: «Только посредством борьбы, следовательно, может быть завоевана свобода; однако заверения в том, что обладаешь сво-

¹⁶³ Там же, стр. 148- 150.

¹⁶⁴ Гегель Г.В. Сочинения. Том III. Энциклопедия философских наук. Часть третья. Философия духа. Пер. Б.А. Фохте. Москва, Политическая литература, 1956, стр. 205.

бодой, для этого недостаточно»¹⁶⁵.

«Борьба за признание идет, следовательно, на жизнь и смерть»¹⁶⁶.

«Только тем, что человек как себя самого, так и других подвергает смертельной опасности, он доказывает на этой стадии свою способность к свободе»¹⁶⁷. Эта мысль Гегеля перекликается с языческим поверием о том, где властитель в представлении своей «Небесной» избранности, а в данном случае положения свободы общества, способен лишить жизни, а в данном случае отправить на смерть за высокую идею, большое, или как можно большее количество людей.

Результатом борьбы является свободное самосознание: «Результат борьбы за признание, полученный благодаря понятию духа, есть всеобщее самосознание... т. е. то свободное самосознание по отношению к которому предметное для него другое самосознание не является больше... несвободным, но есть в равной мере самостоятельное»¹⁶⁸.

¹⁶⁵ Там же, стр. 221.

¹⁶⁶ Там же, стр. 221. Дальше Гегель ловко огибает понятие «борьбы на смерть», указывая, что для поединка смерть одной из сторон не является разрешением противоречия (надо заметить, не сделай такую извилину, для Гегеля было бы слишком опасно, ведь фактически это было бы призывом). По мнению автора, такая борьба подходит только для государств (как будто бы результатом воин не остаются противоречия в отношениях государств).

¹⁶⁷ Там же, стр. 221.

¹⁶⁸ Там же, стр. 227.

«Знающая истина есть дух»¹⁶⁹.

«Свободный дух должен быть познан как сама себя знающая истина»¹⁷⁰.

Дух отягощен офизичиванием, но разум не имеет ограничения. Разум посылает себя знанию духа, ниспускаясь на вынужденное ограничение себя. В тоже время разум есть вечное движение, стремящееся преодолеть любые ограничения: «Конечность духа следует поэтому полагать в том, что знание не овладевает в-себе-и-для-себя-бытием своего разума, или в такой же мере в том, что разум не может довести себя в знании до полного своего обнаружения. Разум лишь постольку бесконечная свобода, поскольку он свобода абсолютная, поэтому он предпосылает себя своему знанию и этим себя ограничивает, и в то же время он есть вечное движение, направленное к тому, чтобы снять эту непосредственность, самого себя понимать и быть знанием разума»¹⁷¹.

Дух обременен связями с формами более низших степеней, поэтому он находится в позиции ограничения. Чтобы стать свободным дух должен освободиться от всего низшего, удерживающего его, ибо ограниченный дух не достиг цели равенства с его окружавшим бытием, его подчинения себе, поэтому вынужден подчиняться окружающему бытию: «Но в своей непосредственности дух... не есть еще истинный дух;

¹⁶⁹ Там же, стр. 229.

¹⁷⁰ Там же, стр. 231.

¹⁷¹ Там же, стр. 232.

на этой стадии его существование скорее не находится еще в абсолютном согласовании с его понятием, с божественным первообразом, – божественное есть здесь еще только подлежащая своему полному выявлению сущность. Следовательно, непосредственно дух не овладел еще своим понятием, – он только есть разумное знание, – но он еще не знает себя в качестве такового. Таким образом, дух... первоначально представляет собой только неопределенную достоверность разума, единства субъективного и объективного. Здесь ему еще недостает поэтому определенного познания разумности предмета. Чтобы ее достигнуть, дух должен освободить в себе разумный предмет от связанной с ним первоначально формы случайности, единичности и внешности и тем самым сделать себя свободным от отношения к чему-то для него другому. Путь этого освобождения и составляет конечную форму духа. Ибо пока этот конечный дух не достиг еще своей цели, он еще не знает себя как абсолютно тождественного со своим предметом, но находит себя ограниченным этим последним»¹⁷².

Борьба за свободу, по Гегелю, является божественным промыслом, служащее необходимым движением вечному духу, в движении от «все» к «ничто», и обратно, принимающего форму души, и тем самым ограничивающий себя: «Это борение с конечным, это преодоление предела есть печать божественного на человеческом духе и образует необходи-

¹⁷² Там же, стр. 232-233.

мую ступень вечного духа. Поэтому разговоры о пределах разума еще более нелепы, чем разговоры о деревянном железе. Это сам бесконечный дух предпосылает себя самому себе в качестве души, как и в качестве сознания, и тем самым делает себя конечным»¹⁷³.

Мир есть ступенчатость, где более высшая ступень владеет низшей: «Подобно тому как сознание имеет своим предметом предшествующую себе ступень – природную душу, так и дух имеет или, скорее, делает сознание своим предметом»¹⁷⁴.

У воли цель – свобода. Но первоначально воля свободна только по отношению к себе. Когда воля ставит цель свободы, она входит в состояние развития, входит в состояние всеобщности. Это достигается следующим образом. В движение к свободе воля подчиняет разнородные формы к всеобщему, т. е. к себе, что происходит посредством защитно-охранительного действия – произвола, что является лучшим состоянием для «Я». Но поскольку сама по себе воля и ее стремление к свободе через произвол являются неистинными факторами (сами по себе не являются свободой), то в соединении они (трое) образуют «всеобщее», достигают основную цель развития духа: «Первоначально воля свободна только в себе, или по своему понятию. К идее свободы относится, например, то, что воля своим содержанием и целью делает свое

¹⁷³ Там же, стр. 233.

¹⁷⁴ Там же, стр. 235.

же понятие – самую свободу. Когда воля делает это, она становится объективным духом, созидает себе мир своей свободы и своему истинному содержанию дает тем самым самостоятельное наличное бытие. Но этой цели воля достигает только тем, что она ликвидирует свою единичность, что она развивает свою в этой единичности только в себя сущую всеобщность до степени в себе и для себя всеобщего содержания. / Следующий шаг на этом пути воля делает, поскольку она 2) в качестве влечения продвигается к тому, чтобы только данное в чувстве согласование своей внутренней определенности с объективностью превратить в такое, которое впервые должно быть положено ею самой. / Дальнейшее развитие 3) состоит в том, что особые влечения подчиняются всеобщему – счастью (Glückseligkeit). Так как, однако, эта всеобщность есть только всеобщность рефлексии, – то по отношению к особенности влечений она остается чем-то внешним и к этому особенному относится лишь через посредство совершенно абстрактной единичной воли – через произвол. / Как неопределенная всеобщность счастья, так и непосредственная особенность влечений и абстрактная единичность произвола в своей взаимной внешности являются чем-то неистинным и потому все вместе сходятся в конкретно-всеобщее, в понятие свободы, волящей воли; эта воля, как уже было замечено, составляет цель развития практического духа»¹⁷⁵.

¹⁷⁵ Там же, стр. 281.

Зло есть несоответствие между существующим и степенью ожидания, у которого к тому же имеется много целей, увеличивающие этот разрыв, зло: «Зло есть не что иное, как несоответствие между бытием и долженствованием. Это долженствование имеет много значений, и так как случайные цели равным образом имеют форму должного, то их бесконечно много»¹⁷⁶.

Исследование борьбы за свободу форм и взаимное подчинение их на этом пути, как непреложный фактор развития свободы, выявляет неслучайный и произвольный характер этого процесса: «Исследование о том, каковы же именно добрые, разумные склонности и каково их взаимное подчинение превращается в выяснение того, какие отношения порождаются духом, поскольку он развивается как объективный дух, – развитие, в котором содержание самоопределения теряет случайность и произвольный характер. Рассмотрение влечений, склонностей и страстей с точки зрения их истинного содержания представляет собой поэтому учение о правовых, моральных и нравственных обязанностях»¹⁷⁷.

Дух есть воля и идея. Идея проявляется в воле, которая занимается деятельностью тем, что полагает и развивает идею образом бытия. Таким образом, бытие есть действительность духа: «Дух есть прежде всего разумная воля вообще, или в себе, идея и потому только понятие абсолютно-

¹⁷⁶ Там же, стр. 284.

¹⁷⁷ Там же, стр. 288.

го духа... Идея проявляется... только в воле, которая есть конечная воля, но представляет собой деятельность, состоящую в том, чтобы эту идею развить и полагать ее саморазвивающееся содержание как существование, каковое в качестве наличного бытия идеи есть действительность – объективный дух»¹⁷⁸.

Для духа понятия свобода и развитие является синонимами, которые выступают конечными целями, и раскрытие которых стоит целью философского познания: «В ходе развития духа (а дух и есть то, что не только витает над историей, как над водами, но действует в ней и составляет ее единственный двигатель) свобода, т. е. развитие, определенное самим понятием духа, является определяющим началом и только понятие о духе является для него конечной целью, т. е. истиной, так как дух есть сознание, или, другими словами, что в истории существует разум, – с одной стороны, следует считать по крайней мере убедительным предположением, с другой же стороны – это есть философское познание»¹⁷⁹.

Освобождение духа есть право каждого народа, сознание которого находится на той или иной ступени развития, которое дает ему право либо подчинять другие народы своей воле, либо самому быть подчиненным. Однако в «единстве противоположностей» господствующий не вечно господствует, но наступит время, когда и над господствующим

¹⁷⁸ Там же, стр. 291.

¹⁷⁹ Там же, стр. 333.

твориться суд: «Это освобождение духа, в котором он стремится придти к самому себе и осуществить свою истину, а также дело своего освобождения, есть величайшее и абсолютное право. Самосознание отдельного народа является носителем данной ступени развития всеобщего духа в его наличном бытии и той объективной действительностью, в которую он влагает свою волю. По отношению к этой абсолютной воле воля других отдельных народных духов бесправна, упомянутый же выше народ господствует над всем миром. Но абсолютная воля выходит и за пределы также своего, в этот момент имеющегося у нее, достояния, преодолевает его как некоторую особую ступень и затем предоставляет этот народ его случайной судьбе, творя над ним суд»¹⁸⁰.

Читая сочинения Гегеля, наталкиваешься на феномен противоречия, когда нормальный человек, с нормальной логикой соображения, в своих воззрениях превращается в используемый объект дьявола, причем он сам этого даже не замечает. И этому есть вполне конкретное объяснение. Основной задачей любой философии, в том числе и Гегеля, является раскрытие глобальных закономерностей природы. У Гегеля, как в общем и у всех остальных философов, таковой закономерностью стало мировоззрение свободы: мир в своей сути несвободен, но его дух стремиться к свободе. Поэтому за аксиому было взято положение свободы, ее неотъемлемые свойства «единство противоположностей», ступенчатость, и

¹⁸⁰ Там же, стр. 333.

движение по этим ступеням, т. н. развитие. По этому поводу Гегель даже приводит слова Христа: «Истина, как сказал уже Христос, делает дух свободным; свобода делает его истинным»¹⁸¹. Борьба за свободу по Гегелю является высшим нравственным идеалом: «Недостаточно указать вообще, что духовная жизнь составляет один из основных моментов существования нашего государства, мы должны, кроме того, сказать, что здесь получила свое более высокое начало та великая борьба, которую народ в единении со своим государем вел за независимость, за уничтожение чужой бездушной тирании и за духовную свободу. Эта борьба была делом нравственной мощи духа, который, почувствовав свою силу, поднял свой стяг и сделал это свое чувство силой действительности...»¹⁸²

Поставив целью свободу, все остальные бредовые действия, нацеленные на самоуничтожение и разрушение всего, вытекают логическими выводами, а литературная фантазия

¹⁸¹ Гегель Г.В. Сочинения. Том III. Энциклопедия философских наук. Часть третья. Философия духа. Пер. Б.А. Фохте. Москва, Политическая литература, 1956, стр. 41. «Познайте истину, и истина сделает вас свободными» (Иоанн 8:32). В этой фразе Христос имел в виду освобождение от греха, а не стать свободными в том ракурсе, в котором трактует ее Гегель. «Всякий, делающий грех, есть раб греха... Итак, если сын освободит вас, то истинно свободны будете» (там же, 8:34, 36). Таким образом, на лицо умышленное искажение смысла Писания. Можно абсолютно твердо указать на недвусмысленность позиции Христа к определению свободы в словах: «Я есть путь, истина и жизнь» (Иоанн 14:6).

¹⁸² Гегель Г.В. Сочинения. Том I. Энциклопедия философских наук. Под ред. А. Деворина и Д. Рязанова. Москва – Ленинград, Соцэгиз, 1929, стр. 13.

делает путь следования на личный и мировой эшафот картиной умиротворения задористой красочности.

Рассматривая бытие с точки зрения свободы и, соответственно, развития, Гегель, как часть процесса всеобщего развития, не мог не рассматривать свою натуру с точки зрения этого же развития. Поэтому, наделенный Богом фантазией и ораторством (но употребляя дар в области мистицизма, утверждая духовное, Бога-Творца в его философии нет), а также проявив труд по изучению ранних философов, все это саккумулировав, что-то выкинув, что-то представив под другом углом зрения (в частности, в термине «единство противоположностей» вдумался в название «противоположность», и вывел более правдоподобную формулировку «борьба противоположностей», хотя, что борьба, что единство, в системе «противоположностей» это одно и то же), у него не могло не возникнуть впечатление, что он способен на более полное объяснение закономерностей Бытия, ибо, пишет Гегель: «Самооткровение есть некоторое вообще присущее духу определение»¹⁸³. То есть, чем больше человек развивается, тем больше у него появляется способностей.

«Самосознание, будучи, таким образом, выражением достоверности того, что его определения в такой же степени предметны, – представляют собой определения сущности ве-

¹⁸³ Гегель Г.В. Сочинения. Том III. Энциклопедия философских наук. Часть третья. Философия духа. Пер. Б.А. Фохте. Москва, Политическая литература, 1956, стр. 44.

щей, – в какой они являются его собственными мыслями, – есть разум, который, в качестве такового тождества, есть не только абсолютная субстанция, но и истина в смысле знания»¹⁸⁴. То есть, самосознание есть разум, а разум есть Истина.

Поэтому немудрено, что Гегель замахнулся даже на познание природы Истины. «Но доступно ли нам познание истины? Кажется, как будто, что есть какое-то несоответствие между ограниченным человеком и сущей в себе и для себя истиной. Возникает вопрос, где мост между конечным и бесконечным? Бог есть истина; как нам познать его? Добродетель смирения и скромности как будто находится в противоречии с таким предприятием. Но часто задают также вопрос: может ли быть познана истина? – лишь для того, чтобы найти оправдание дальнейшей жизни в пошлости своих конечных целей. Такому смирению грош цена. Впрочем, вопрос, как могу я, жалкий земной червь, познать истину, отошел в прошлое; его место заняли гордыня и самомнение, и теперь люди воображают, что они непосредственно находятся в истинном»¹⁸⁵.

На свой вопрос Гегель дает двойственный ответ: «Бытие абсолютно опосредствовано; – оно есть субстанциальное содержание, которое столько же непосредственно есть

¹⁸⁴ Там же, стр. 229.

¹⁸⁵ Гегель Г.В. Сочинения. Том I. Энциклопедия философских наук. Под ред. А. Деворина и Д. Рязанова. Москва – Ленинград, Соцэгиз, 1929, стр. 40.

достояние "я", обладает характером самости (selbstisch) или есть понятие»¹⁸⁶. Более простым языком эта фраза означает: Бытие абсолютно непостижимо; в нем присутствует (его поддерживает) субстанция, которая скорее напоминает личность, обладающая своим «я», имеет сущность определенности.

«Мы должны рассматривать природу как систему ступеней, – пишет Гегель по поводу устройства Бытия, – каждая из которых необходимо вытекает из другой и является ближайшей истиной той, из которой она проистекала¹⁸⁷, причем однако здесь нет естественного, физического процесса порождения, а есть лишь порождение в лоне внутренней идеи, составляющей основу природы. Метаморфозе подвергается лишь понятия как таковое, так как лишь его изменения представляют собою развитие»¹⁸⁸. Эта фраза означает: Природа предстает перед нами формой развития систем, причем само

¹⁸⁶ Гегель Г.В. Сочинения. Том IV. Феноменология духа. Пер. Г. Шпета. Москва, Соцэгиз, 1959, стр. 19.

¹⁸⁷ «Определения и ступени духа, напротив, по самому существу своему имеют значение только в качестве моментов, состояний и определений более высоких ступеней развития. Это происходит оттого, что в низшем, более абстрактном определении высшее оказывается уже содержащимся эмпирически, как, например, в ощущении все духовное более высокого порядка уже содержится как содержание, или определенность» (Гегель Г.В. Сочинения. Том III. Энциклопедия философских наук. Часть третья. Философия духа. Пер. Б.А. Фохте. Москва, Политическая литература, 1956, стр. 32).

¹⁸⁸ Гегель Г.В. Сочинения. Том II. Философия природы. Под ред. и вступит. ст. А.А. Максимова. Москва – Ленинград, Соцэгиз, 1934, стр. 28.

развитие напоминает (плавно скачущее) движение по ступеням, в каждой из которых сокрыта суть ближайших ступеней, причем основу природы составляет внутренняя идея, ее изменение, или, точнее сказать, ее стремление и приводит к развитию на внешнем уровне, что является отображением ее сути.

Несмотря на кажущуюся ясность фразы, сам Гегель очень противоречиво излагает свои мысли, указывая, что мы должны рассматривать природу как форму развития систем ступенчатым образом, а дальше получается, что это иллюзия, поскольку основу природы составляет внутренняя идея. Таким образом, по Гегелю следует подразумевать и то, и другое одновременно. Эта двойственность взглядов объясняется положением «единства противоположностей», отчего внутреннее и внешнее сливается, что непременно приводит уже к следующей идее – единства всего существующего, именно это положение становилось сращивающим моментом, двигателем в числительно-ступенчатой системе развития, что вело человека еще дальше, к революционному на тот момент времени взгляду – глобального саморазвития сил природы.

Наконец, Гегель открывает завесу фактора движения принципа развития: «Мысли становятся текучими, когда чистое мышление, эта внутренняя непосредственность, познает себя как момент, или когда чистая достоверность его самого абстрагируется от себя, – не отбрасывает себя, не устра-

няет себя, а отказывается от фиксированности своего самополагания: как от фиксированности того чистого конкретно-го, которое есть само "я" в противоположность различаемому содержанию, так и от фиксированности того, что различено и что, будучи установлено в стихии чистого мышления, участвует в названной безусловности "я". Благодаря этому движению чистые мысли становятся понятиями и суть лишь то, что они поистине суть – самодвижения, круги, то, что составляют их субстанцию, духовные существенности»¹⁸⁹.

Простым языком это означает: В этом мире все одухотворено, включая мысли индивидуумов. То есть мысль имеет душу (что-то нечто офизиченное). А поскольку каждая ступень несет в себе качество ближайшей степени, то, фактически, все это суть одно, каждый элемент природы одухотворенный, а каждый дух имеет мыслительный феномен, и поэтому в низших формах уже заложен образ высших. Поскольку же мысли, в состоянии своей истинности, обретают свойства самодвижения, и вообще они всегда движутся, а в состоянии истинности приобретают свойство колоссального движения, то они, процессом воздействия на более низшую, внешнюю, форму, передают это движение, и само движение обретает таким образом более офизиченную индивидуальность. Это есть объяснение феномена движения от величины к величине – «скачка».

¹⁸⁹ Гегель Г.В. Сочинения. Том IV. Феноменология духа. Пер. Г. Шпета. Москва, Соцэгиз, 1959, стр. 18.

Далее Гегель пишет: «Внутреннее возникновение или становление субстанции есть прямо переход во внешнее или в наличное бытие, в бытие для другого, и, наоборот, становление наличного бытия есть возвращение в сущность. Движение есть двойной процесс и становление целого в том смысле, что в одно и то же время каждое полагает другое и каждому поэтому присуще и то и другое как два аспекта; совместно они составляют целое благодаря тому, что они сами себя растворяют и превращают себя в моменты»¹⁹⁰.

Другими словами это означает: Целое состоит из внешнего и внутреннего, и движение целого, таким образом, есть процесс этих двух природ, каждая из которой не может существовать без другой; совместными усилиями они производят изменение тем, что они сами растворяют свою субстанционность, превращаясь в текущие моменты.

«Природа есть, правда, непосредственность, но как другое духа она есть в такой же мере и нечто лишь относительное и, стало быть, как такая отрицательность нечто лишь положенное. Мощь свободного духа состоит в том, что он снимает эту отрицательность; он существует так же до, как и после природы, а не только в качестве ее метафизической идеи. Будучи целью природы, он именно поэтому предшествует ей, она вышла из него, но не эмпирически, а так, что он, предпосылающий ее себе, уже всегда содержится в ней. Но его бесконечная свобода отпускает ее на волю и представляет

¹⁹⁰ Там же, стр. 22.

обращенную против нее деятельность идеи как внутреннюю необходимость самой природы, подобно тому как свободный человек уверен в том, что в его действиях выражается деятельность мира. Стало быть, дух, вначале сам выходящий из непосредственности, а затем абстрактно постигающий себя, хочет освободить самого себя, образуя из себя природу; эта деятельность духа есть философия»¹⁹¹.

Более понятным языком это означает: Природа представляет собой конкретную форму, оконеченность, но как составная часть духа она также является содержанием условной абстрактности, и, стало быть, каждое из свойств несет феномен отрицания противоположности. Мощь свободного духа состоит в том, что он примиряет, нивелирует, обстоятельство отрицания. Дух существует вечно, как до понятий природы, так и после, а не только в качестве ее абстрактной идеи. Поэтому, предшествуя природе, дух (т. е. свобода, состояние абсолютной лучшести) является целью для природы. Из духа вышла природа, но не в виде грубой, противоположной духу оконеченности, а имеющая свойства духа. Дух как бы направляет природу себе, и сам же в ней находится. Бесконечная свобода духа предпринимает по отношению к природе собственное предназначение – явление освобождение, а вместе с тем и объединяет ее отрицания тем, что обращенная против природы деятельность условной аб-

¹⁹¹ Гегель Г.В. Сочинения. Том II. Философия природы. Под ред. и вступит. ст. А.А. Максимова. Москва – Ленинград, Соцгиз, 1934, стр. 548-549.

страктности, идея, становится внутренней необходимостью самой природы, подобно тому как свободный человек уверен в том, что его свобода есть выражение свободы мира, и любая его деятельность отражает деятельность мира. Стало быть, дух, вначале сам пребывающий в форме оконечности, а затем покинувший ее и постигающий свойство своей абстрактности (свободы), стремиться освободить самого себя, попутно, фактором косвенной импровизации своего движения, образуя при этом природу.

Таким образом, объяснение принципа развития до тривиальности прозаично. Оно одновременно и гениально, и банально простотой объяснения, поскольку ничего существенного придумать, кроме как взять уже имеющееся движение в образе движительных способностях мысли, просто невозможно. Поскольку же появилось движение и заработал принцип развития, то само появление бытия, таким образом, есть итоговый момент «полярности посредства противоположности»¹⁹² – разумного определения и безразличной случайности.

«Но так как единство в природе есть некое отношение по видимости самостоятельных вещей, то природа не свободна, а лишь необходима и случайна. Ибо необходимость есть нераздельность отличных друг от друга предметов, которые еще безразличны друг к другу, а то обстоятельство, что абстракция вне-себя-бытия (*des Außersichseins*) также получа-

¹⁹² Там же, стр. 26-27.

ет здесь свое надлежащее место, представляет собой случайность, внешнюю, а не внутреннюю необходимость понятия»¹⁹³.

Поскольку целостное единство элементов природы складывается из отдельных самостоятельных предметов, выявляя тем фактор всеобщей зависимости, то поэтому природа вообще не свободна, поскольку же она находится в состоянии зависимой необходимости, она проявляет характер освобождения, и это стремление к свободе всех элементов природы оказывается царством произвола, импульсом хаотичности.

«Противоречие идеи, поскольку она в качестве природы является внешней самой себе, состоит, точнее, в противоречии между порождаемой понятием необходимостью ее образований, их разумного определения в органической тотальности, с одной стороны, и их безразличной случайностью и неопределимой незакономерностью – с другой»¹⁹⁴.

Упоминая о присутствии разумного определения бытия, Гегель делает акцент именно на сторону его развития: «В том-то и состоит бессилие природы, что она оставляет определения понятия лишь абстрактными и отдает разработку особенного, внешним определяющим моментам». Поэтому «случайность и извне-определяемость торжествуют победу в

¹⁹³ Там же, стр. 26.

¹⁹⁴ Там же, стр. 31.

сфере природы»¹⁹⁵.

«Следовательно, в то время как конечная материя получает движение извне, свободная материя движет сама себя; последняя, следовательно, бесконечна в пределах своей сферы, ибо в целом материя находится на ступени конечности»¹⁹⁶. Поэтому, не трудно сделать логическое заключение – поскольку, с одной стороны, материю толкает свободный дух, а с другой, материя в состоянии свободы движет сама себя, и поскольку свободный дух есть составная часть материи, то фактически в материи изначально присутствует условие самодвижения, которое распадается на факторы угасания и развития, где первое, как временное явление бытия, второе, конечная фаза всего, в свою очередь, конечным результатом переходившее в «ничто».

Таким образом, перед нами древнее, матриархальное представление мира состояния целостности, которому возлагались почести в виде человеческих жертвоприношений, оргий, когда фалл являлся культовым представлением, изливающий семя на лоно матушки-земли, дающее тем рождение всему тому, что существует.

Божественный процесс творения это явление непрерывного течения в соединении реальности и нереальности, но мистика, старающаяся скопировать творчество, представ-

¹⁹⁵ Там же, стр. 37.

¹⁹⁶ Гегель Г.В. Сочинения. Том II. Философия природы. Под ред. и вступит. ст. А.А. Максимова. Москва – Ленинград, Соцгиз, 1934, стр. 66.

ляет собой числительно выраженную форму, т. е. ограниченную реальность. Поскольку же числительные величины это отдельные факторы, причем между которыми находится пропасть, то их необходимо соединить, чтобы числительное выражение менялось, т. е. происходило преобразование. Но в состоянии невозможности открыться, что в числительной системе развития соединяющим фактором служит положение «0», которое является выражением всей числительной системы, ее самоназванием, т. е. это то же самое, как сказать – саморазвитие, эволюция несет имя «0» и потому имеет качество «0» (яркий пример взаимодействие противоположностей это расстрел Белого дома в 1993 г., которое привело к последующей ситуации застоя и подавления несогласных, кто открыто говорит нежелательную для власти правду), то мистика идет на недосказанность и просто заменяет этот момент положением «единения противоположностей», как фундаментальной основой мироздания, причем, в последнем, гегелевском случае, это единение происходит в факторе «скачка»-борьбы нового со старым. «Переход от момента, этой его цели в момент его истинной сущности есть прямой скачок в противоположное»¹⁹⁷. «Переход есть скачок»¹⁹⁸. «Природа не ставит своих созданий шеренгами и по-

¹⁹⁷ Гегель Г.В. Сочинения. Том IV. Феноменология духа. Пер. Г. Шпета. Москва, Соцэгиз, 1959, стр. 195.

¹⁹⁸ Гегель Г.В. Сочинения. Том V. Наука логики. Пер. Б.Г. Столпнера. Под ред. М.Б. Митина. Москва, Соцэгиз, 1937, стр. 432.

нятие проводит различие по качественной определенности и постольку она лишь делает скачки»¹⁹⁹. Но и скачок сделать невозможно от величины к величине, поскольку нет самой движительной силы, нет движения – величина есть величина, она не трогается с места, поскольку справедлива сама в себе. Поэтому, маскируя состояние «0», вбрасывается идея текучести чистого мышления, которое одновременно служит и разжижителем и двигателем, и тем приводит в движение каменную породу величин. Поистине, кто следует этой философии, у того происходит разжижение мозгов.

На словах Гегель не отрицает Бога-Творца, но в его философии нет процесса творения. Творение, по Гегелю, это результат деятельности низшей формы Бытия, процесс случайных и в тоже время неслучайных действий в общем движении всего от низшего к высшему. Под понятием Бог Гегель понимает вообще Истину, а Истина для него – это Свобода, Свобода – это Идея, Идея – это Дух, Дух – это Абсолютный дух, а Абсолютный дух – есть «всеобщая субстанция»²⁰⁰. В общем, все что угодно, даже «божественное провидение»²⁰¹, только не Бог-Творец.

Достигнув состояния озарения, Гегель делает смелые за-

¹⁹⁹ Гегель Г.В. Сочинения. Том II. Философия природы. Под ред. и вступит. ст. А.А. Максимова. Москва – Ленинград, Соцэгиз, 1934, стр. 31.

²⁰⁰ Гегель Г.В. Сочинения. Том I. Энциклопедия философских наук. Под ред. А. Деворина и Д. Рязанова. Москва – Ленинград, Соцэгиз, 1929, стр. 321.

²⁰¹ Там же, стр. 401.

явления. «Объект, далее, есть вообще единое – еще не определенное в себе – целое, объективный мир вообще, бог, абсолютный объект. Но объект имеет также различие в себе, распадается внутри себя на неопределенное многообразие (как объективный мир), и каждое из этих обособившихся составных частей (*Vereinzelten*) есть также некий объект, некое внутри себя конкретное, полное, самостоятельное наличное бытие»²⁰². Это означает: Бытие это конструкция целостного состояния, которое вообще есть Бог, Который распался на составные части, реализовав тем мир.

«Абсолютная свобода идеи состоит в том, что она... решается из самое себя свободно отпустить себя в качестве природы»²⁰³.

Основная идея всей гегелевской философии – это всеобщее развитие, и как следствие этого развитие сознания общества до высшего познания бытия – «Абсолюта», т. е. разума, соответственно развитие истории и явлений природы, как необратимый процесс для слияния физического (иллюзорного) и духовного миров, т. е. эта философия всеобщего саморазвития. Идея саморазвития в гегелевской философии фундаментальная. Гегель пишет: «Почка исчезнет, когда распускается цветок, и можно было бы сказать, что она опровергается цветком; точно так же при появлении плода цветок признается ложным наличным бытием растения, а в

²⁰² Там же, стр. 301.

²⁰³ Там же, стр. 344.

качестве его истины вместо цветка выступает плод. Эти формы... вытесняют друг друга как несовместимые. Однако их текучая природа делает их в то же время моментами органического единства, в котором они не только не противостоят друг другу, но один также необходим, как и другой»²⁰⁴. В этом примере под «текучестью природы» Гегель подразумевает внутренний дух, выстраивающий это стройное развитие.

Гегель рассматривает природу с точки зрения величины, где любое изменение утверждается переходом из одного в другое посредством «скачка». «Всякое рождение и всякая смерть вместо того, чтобы быть продолжающейся постепенностью, есть, наоборот, перерыв такой постепенности и скачок из количественного изменения в качественное»²⁰⁵. Очень часто этот «скачок» прямо революционен, настолько он изменяет природу объекта. «Например, вода, при изменении ее температуры не только становится от этого менее теплой, но и проходит через состояния твердости капельной и упругой жидкости; эти различные состояния наступают не постепенно, а постепенный ход изменения температуры вдруг прерывается и задерживается этими точками, и наступление другого состояния является скачком... Вода через

²⁰⁴ Гегель Г.В. Сочинения. Том IV. Феноменология духа. Пер. Г. Шпета. Москва, Соцэгиз, 1959, стр. 2.

²⁰⁵ Гегель Г.В. Сочинения. Том V. Наука логики. Пер. Б.Г. Столпнера. Под ред. М.Б. Митина. Москва, Соцэгиз, 1937, стр. 434.

охлаждение не становится твердой постепенно, не делается сначала кашеобразной, чтобы затем, делаясь постепенно все тверже и тверже, достигнуть консистенции льда, а сразу затвердевает; уже достигнув температуры точки замерзания, она все еще может полностью сохранить свое жидкое состояние, если она останется в покое, и ничтожное сотрясение приводит ее в состояние твердости»²⁰⁶.

Если ступенчатое строение бытия является лестницей эволюции, то, соответственно, сам «скачок» (по ступеням этой лестницы) является прогрессом. «Эти два перехода, от качества к определенному количеству и от последнего опять обратно к качеству, могут быть представлены как бесконечный прогресс, – как самоотрицание и самовосстановление меры в безмерном»²⁰⁷.

В целом взгляды гегелевской философии выражаются в скептицизме к старым догматам, в призыве к познанию, а также провозглашение логики – «это содержание есть изображение бога, каков он есть в своей вечной сущности до сотворения природы и какого бы то ни было конечного духа»²⁰⁸; «логика есть наука о чистой идее, т. е. об идее в абстрактной стихии мышления»²⁰⁹, «поскольку логическое

²⁰⁶ Там же, 434.

²⁰⁷ Гегель Г.В. Сочинения. Том I. Энциклопедия философских наук. Под ред. А. Деворина и Д. Рязанова. Москва – Ленинград, Соцэгиз, 1929, стр. 188.

²⁰⁸ Гегель Г.В. Сочинения. Том V. Наука логики. Пер. Б.Г. Столпнера. Под ред. М.Б. Митина. Москва, Соцэгиз, 1937, стр. 28.

²⁰⁹ Гегель Г.В. Сочинения. Том I. Энциклопедия философских наук. Под ред.

есть абсолютная форма истины, поскольку оно, больше того, само есть чистая истина, оно представляет собой нечто совершенно иное, чем только полезное. Но так как самое лучшее, наиболее свободное и самостоятельное есть одновременно и наиболее полезное, то можно рассматривать логику также и с этой стороны»²¹⁰. Стоит заметить – в милости, а соответственно, в творческом процессе Бог нелогичен.

Исходя из принципа «борьбы противоположностей» Гегель характеризовал всемирную историю как всемирный суд в достижении свободы. Всемирная история, как прогресс в сознании свободы, по Гегелю, разделяется на четыре всемирно-исторических мира: восточный, греческий, римский и германский, которым соответствуют восточная теократия, античная демократия и аристократия, современная конституционная монархия. «Восток знал и знает только, что один свободен, греческий и римский мир знает, что некоторые свободны, германский мир знает, что все свободны»²¹¹ (последнее, очевидно, вытекает из протестантского влияния о всеобщем спасении, смешанного с мистическим наклоном, католицизма, масонства и т. п., где спасение преломляется в обретение свободы). В своих взглядах на всемирную историю Гегель возвеличивал германские народы, в частно-

А. Деворина и Д. Рязанова. Москва – Ленинград, Соцэгиз, 1929, стр. 39.

²¹⁰ Там же, стр. 40.

²¹¹ Гегель Г.В. Сочинения. Том VIII. Философия истории. Пер. А.М. Водена. Москва – Ленинград, Соцэгиз, 1935, стр. 98.

сти степень буржуазной развитости Пруссии. Осуществление подлинной свободы, по Гегелю, можно достичь только при помощи государственности, поэтому само государство это, как шествие бога в мире. Гегель восхвалял государство как идею права, как организацию свободы, в котором механизм насилия обуздан правом, но вместе с тем считал, что на вершине «особых прав» стоит право государства, над ним лишь право мирового духа. «В действительности поэтому, – пишет он, – государство есть вообще скорее первое, лишь в пределах которого семья развивается в гражданское общество, и сама идея государства раскалывает себя на эти два момента... момент бесконечного различения... и момент формы всеобщества»²¹². Отдельная личность черпает из жизни в государстве истинные понятия о нравственности, лишь в государстве она может осуществить свою подлинную свободу. Причем путь к этой свободе может лежать через насилие – временное исключение. «То обстоятельство, что насилие и тирания могут быть элементом положительного права, является для последнего чем-то случайным и не касается его природы»²¹³. Однако и достижение свободы тоже несет в себе отрицательные моменты, общество начинает загнивать. В мирных условиях интересы и права индивидов, их сообществ и общественная жизнь вообще имеют тенденцию

²¹² Гегель Г.В. Сочинения. Том VII. Философия права. Пер. Б. Столпнера. Москва – Ленинград, Соцэгиз, 1934, стр. 262.

²¹³ Там же, стр. 26.

к укреплению, автономизации и изоляции от нравственного целого. Подобное заострение членов нравственного организма, по Гегелю, грозит здоровьем целого, которое может в результате продолжительного мира впасть в состояние разорванности и отчуждения. Поэтому необходимо очищающее средство – войны. Высокое значение войны состоит в том, что благодаря ей «сохраняется нравственное здоровье народов, его безразличие к застыванию конечных определенностей; подобно тому, как движение ветров не дает озеру загнивать, что с ним непременно случилось бы при продолжительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем паче вечного мира»²¹⁴. Провозвестник свободы, Гегель был сторонником имущественного неравенства, объясняя это тем, что «природа несвободна и потому ни справедлива, ни несправедлива», «особенность есть то, в чем находит себе место как раз неравенство, и равенство было бы здесь несправедливо»²¹⁵. Гегель сетовал на раздробленность Германии и верил, что «час Германии» пробьет и ее великой миссией станет возрождение мира²¹⁶.

²¹⁴ Там же, стр. 344.

²¹⁵ Там же, стр. 75, 76.

²¹⁶ Выдержки из речи Гегеля, произнесенная им при открытии чтений в Берлине 22 октября 1818 г.: «Когда немецкий народ спас свою национальность, основу всякой живой жизни, наступила пора, когда, на-ряду с областью действительного мира, может самостоятельно расцвести в государстве также и свободное царство мысли¹. <...>Однако недостаточно указать вообще, что духовная жизнь состав-

Находившись в христианской культуре, Гегель не отри-

ляет один из основных моментов существования нашего государства, мы должны, кроме того, сказать, что здесь получила свое более высокое начало та великая борьба, которую народ в единении со своим государем вел за независимость, за уничтожение чужой бездушной тирании и за духовную свободу. Эта борьба была делом нравственной мощи духа, который, почувствовав свою силу, поднял свой стяг и сделал это свое чувство силой действительности... Подобное существенное содержание составляло предмет стремлений нашего времени и мы видели образование того зерна, дальнейшее развитие которого во всех отношениях, – в политическом, нравственном, религиозном, научном, – вверено нашему поколению². <...> Самая серьезная потребность есть потребность познания истины. Эта потребность, которая составляет отличие духовной природы от природы лишь чувствующей и наслаждающейся, образует именно поэтому глубочайшую сущность духа, она в себе, т. е. потенциально, составляет всеобщую потребность. Отчасти эта потребность была пробуждена той серьезностью, которая отличает наше время, отчасти же эта потребность составляет отличительную черту немецкого духа. Что касается превосходства немцев в разработке философии, то состояние этой дисциплины и смысл понятия "философия" у других народов показывают, что название, правда, у них сохранилось, но получило другой смысл и сам предмет захирел и исчез, так что от него едва осталось воспоминание или смутное представление. Философия нашла себе убежище в Германии и живет только в ней. Нам вверено сохранение этого священного светоча, и мы должны оберегать его, питать его и заботиться о том, чтобы не угагло и не погибло самое высокое, чем может обладать человек, – самосознание своей сущности³. <...> Дерзновение в поисках истины, вера в могущество разума есть первое условие философских занятий. Человек должен уважать самого себя и признать себя достойным наивысочайшего. Какого бы высокого мнения мы ни были о величии и могуществе духа, оно все же будет недостаточно высоким. Скрытая сущность Вселенной не обладает в себе силой, которая была бы в состоянии оказать сопротивление дерзновению познания, она должна перед ним открыться, развернуть перед его глазами богатства и глубины своей природы и дать ему наслаждаться ими⁴» (Гегель Г.В. Сочинения. Том I. Энциклопедия философских наук. Под ред. А. Деворина и Д. Рязанова. Москва – Ленинград, Соцэгиз, 1929, стр. 1 – 12, 2 – 13, 3 – 14, 4

цал, как таковое, христианство, лишь провозгласил – гармония и христианство это одно и то же. «Христианская религия есть религия абсолютной свободы»²¹⁷.

Миролюбивое отношение к христианству Гегеля казалось общественности достаточным доказательством его духовной непорочности, поэтому христиане воспринимали гегелевское учение как научное дополнение к своей вере, лишь подтверждающее существование «тонкого» мира в противостоянии французскому атеизму. Для многих философия Гегеля была своеобразным духовным откровением, высшим познанием бытия, не противоречила христианству (скорее ортодоксальному теизму), и, не понимая различий в выражениях, Бог, Истина (что понималось под этим), творчество, развития понятия, смотрели на нее вполне лояльно.

Пронизанная мистикой философия, с ее правым, более христианским и левым, более пантеистично-материалистичным крыльями, будоражила умы людей. Это был как бы новый взгляд на мир, и не грубый материализм, и не казавшееся простоватое, в чем-то отстающее от прогресса жизни,

– 16). Читая эти строки создается впечатление, что речь была произнесена не в начале 19 века, а в начале 20 века, точно так же как и это: «Свобода духа, однако, не есть только независимость от другого, приобретенная вне этого другого, но свобода, достигнутая в этом другом, – она осуществляется не в бегстве от этого другого, но посредством преодоления его» (Гегель Г.В. Сочинения. Том III. Энциклопедия философских наук. Часть третья. Философия духа. Пер. Б.А. Фохте. Москва, Политическая литература, 1956, стр. 41). Гитлер лишь воплотил Гегеля.

²¹⁷ Гегель Г.В. Сочинения. Том I. Энциклопедия философских наук. Под ред. А. Деворина и Д. Рязанова. Москва – Ленинград, Соцэгиз, 1929, 269.

христианство.

В конце своей жизни Гегель пользовался непререкаемым уважением в среде философов. Его ученики занимали в 1830-1840 гг. кафедры философии во многих университетах Германии и других стран. Вскоре после смерти своего учителя в его последователях произошел раскол. Толчком к расколу послужило появление книги Штрауса «Жизнь Христа» и спор, главным образом который касался о Боге, о личном бессмертии и т. д. Школа распалась на «правогегельянство», истолковавшая учение Гегеля в духе ортодоксального теизма (К. Гешель, К. Дауб и др.), и радикальное левое – «младогегельянство» (А. Руге, Б. Бауэр, Л. Фейербах, Д. Штраус, М. Штирнер), подчеркивавшие в противовес гегелевскому мировому духу роль отдельных личностей в истории. Это не противоречило общей гегелевской философии, по которой отдельно взятый предмет или человек и целое бытие взаимосвязаны. Левые проводили и более пантеистические принципы. Промежуточное положение заняло «ортодоксальное» гегельянство (К. Михелет, К. Розенкранц и др.), основной целью которого являлось примирение противоположностей.

Заняв сначала пантеистическую позицию, по которой природа является одухотворенной активным началом, Людвиг Фейербах затем пошел еще дальше, и, исходя из положения, что, по Гегелю, подобное «начало» существует и в человеческом сознании, пришел к выводу, что Божества вообще нет, а есть только природа и ее высшее произведение –

человек, принял жесткую материалистическую сторону. Его окончательная философия заключается в том, что человек – это наиболее совершенная часть природы, сам сотворил бога и теперь осмысливает себя как его творение, реальная картина искажается, выворачивается наизнанку. В основе этики Фейербах закладывал любовь как диалог «я» и «ты», естественно был сторонником гуманизма.

С 1836 г. Фейербах начинает критиковать теологию и полностью переходит к материализму в работе 1841 г. «Сущность христианства». В 1843 г. Вышли его «Основные положения философии будущего». «Надо было пережить освободительное действие этих книг, – писал впоследствии Энгельс об этих сочинениях Фейербаха, – мы (т. е. левые гегельянцы, М. в том числе) стали сразу фейербахианцами»²¹⁸.

Свой анализ мироустройства Маркс стал базировать на гегелевской философии саморазвития лишь исключив весь его «идеализм» (признание существования духовного мира). Вместе с тем раскритиковал Фейербаха за его бесцельность. До этого времени философы материалисты лишь объясняли мир со своей точки зрения. Маркс же стремился не к объяснению, а к изменению бытия. «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы

²¹⁸ Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°». Т. 28. Издание 7. Под ред. проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Ковалевского [и др.]. Москва. С. 220.

изменить его»²¹⁹ – из сочинений Маркса. Опираясь на изучение немецкой классической философии (Кант, Шеллинг, Фейербах и др.), английской политэкономии (Смит, Рикардо и др.), французского социализма* (Сен-Симон, Фури и др.), французских естествоиспытателей (Ламарка, Жоффруа), т. е. экономику взяли от мыслителей передовой протестантской страны, философию, цели и угодные им научные воззрения от мистически настроенных немцев и французов, Маркс и Энгельс разработали диалектический материализм, теорию прибавочной стоимости и учение о коммунизме.

Диалектический материализм – от греч. диалект – говор, наречие; диалектика – искусство вести беседу, спор. Термин «диалектический материализм» создал в 1887 г. Иосиф Дицген, социалист*, который состоял в переписке с Марксом с 1848 г. Сам Маркс этот термин не использовал, говорил о «материалистической диалектике» и «материалистическом понимании истории». В общем и целом, диалектический материализм представляется продолжением эллинизма – объяснения природы с точки зрения точных данных о ней, науки, как можно менее употребляя понятия Бога, переводя Его в образ аллегии (смешивая с пантеизмом). Диалектический материализм, в таком ракурсе, это высшая форма эллинизма. Он идет дальше, используя эллинистические настроения возможности познания бытия (открыв взаимосвязь всех

²¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 3. Издание 2. Москва, Политическая литература, 1955, стр. 4.

вещей в мире, открыв, что различные состояния могут переходить одно в другое, порой производя этим изменение-развитие природных форм, порой скачкообразное) – отрицает творческое начало как таковое, признает за отсталость взглядов верующих людей в Бога-Творца, старается убедить, что познаваемому и логическому миру не нужен ни какой Бог.

Более простым языком позицию материалистов можно объяснить в таких примитивных, но абсолютно точных примерах: раз земля не плоская и окружавший ее океан не бесконечен, значит Бога нет, поскольку люди верующие в Бога еще в более раннем периоде считали землю плоской, – т. е. наука отвергает церковные догмы, которые верующие стали воспринимать за религию, и, тем более, поскольку церковь повернулась спиной к науке. В этом же ракурсе можно продемонстрировать и такой распространённый вариант, – раз попы плохие, темные и дремучие, значит, Бога нет. Или, например, раз природа может спокойно обходиться без человеческого сознания, то значит Бога нет, поскольку, по взглядам материалистов, материя первична, а сознание вторично, и вышеприведенное лишь является подтверждением вторичности сознания (здесь следует заметить, природа в самом деле может обходиться без человеческого сознания, но человеческое сознание способно влиять на природу, например, действиями магов, колдунов, целителей, а кроме того посредством религиозного представления общества, ведь народы мира, при их различном сознании, представлении о

бытие, живут в разных мирах, факт, который материалистами и другими мистиками, кому что выгодно, в истории будет старательно не замечаться). Или, как уже отмечалось, природа демонстрирует принцип развития-раскрытия, значит, т. е. в последовательности, Бога нет, или, в большей степени на Земле, приспособляемость, значит Бог не нужен, т. е. приспособление, маневренность, отрицает фактор сознания и управления... Или, раз человек может сделать то, что ранее считалось невозможным, значит Бога нет, т. е. процесс творчества человека отрицает творчество высшее – Бога-Творца... Или, осознав, что мир представляет из себя конструкцию делается заключение, что конструктора высшего не существует... Или, как доказала наука, человечество существует гораздо дольше, чем указанная история Библии, другим типом людей, значит Бога нет, т. е. если источник повествует об устройстве определенной части механизма, а не о всем механизме, значит источник в корне не верен... Или, экспериментально Бог не вычисляется, соответственно, Он не существует... И, вообще, мир порой представляет собой диковинную причудливость, значит Бога нет...

Если смотреть более тонко, то материалисты противопоставляли идеи библейского сотворения мира, соответственно, где любое движение, развитие или, наоборот, уход в хаос, объясняемое волей Творца, идею постоянной самоорганизации хаоса в элементы-формы-системы, их взаимодействия, вследствие чего появляются еще более сложные формы и т.

д., т. е. воле и преобразовательной деятельности Творца противопоставляли самоорганизацию.

Если быть абсолютно точным диалектический материализм это учение, берущее свои корни в мистическом эллинизме и основанное на принципах мистицизма, с подноготным феноменом в образе «внутренней идеей», приводившее природу в позицию изменения, и как следствие этого изменения общества, доведенное в философии Гегеля до совершенства сравнительно малым упоминанием о духовности. Это, в свою очередь, означает, что материализм и мистицизм – одно и то же, ведь иначе как без внутреннего содержания в виде идеи, духа, являвшееся направителем и двигателем, саморазвитие и в целом материализм не объяснить. (Современная наука доказала, что в начальный момент времени образования Вселенной присутствовали все фундаментальные взаимодействия, а также все виды материи и энергии, говорившее о несостоятельности теории эволюционизма).

В свое время Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» (1909 г.) писал о диалектическом материализме, увидев, как ученые, познавая мир, все более стали склоняться к божественному проявлению: «Сегодняшний «физический» идеализм точно так же, как вчерашний «физиологический» идеализм, означает только то, что одна школа естествоиспытателей в одной отрасли естествознания скатилась к реакционной философии, не сумев прямо и сразу подняться от метафизического материализма к диалектическо-

му материализму. Этот шаг делает и сделает современная физика, но она идет к единственно верному методу и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагами, не сознательно, не видя ясно своей "конечной цели", а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом. Современная физика лежит в родах. Она рождает диалектический материализм»²²⁰. Эти слова Ленина можно расценить так: мы, материалисты, будем крутиться и вертеться как угодно, даже задом пятиться, но любой факт представим в выгодном для нас ракурсе. Мы знаем еще слишком мало, но будущие открытия только подтвердят материалистичность мира – мы это гарантируем.

Конечно, Ленин по складу характера был личностью невертлявой позиции, но человеком искренно уверовавшего в материалистическую философию. Однако сам этот факт подразумевает отстаивание своей точки зрения, какова бы здравомыслима она не была. Поскольку же он занял позицию абсурда, представлявшейся ему истинной, то ему ничего не оставалось делать, как отстаивать абсурд, соответственно, любыми методами вертлявости, вплоть до искажения фактов, будучи истинно уверенным, что в дальнейшем появятся новые открытия, доказывавшие правоту его убеждений, – в гармонии фактор приспособляемости играет повышенную роль.

²²⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 18. Материализм и эмпириокритицизм. Москва, политическая литература, 1968, стр. 331-332.

Открытия ученых уверенней стали говорить о сложнейшем, необычного свойства, внутреннем устройстве бытия, свидетельствующее о присутствии в мире непростых, творческих божественных начал. Поэтому поводу Ленин сформулировал, например, положения следующего порядка. «Как ни диковинно с точки зрения "здорового смысла" превращение невесомого эфира в весомую материю и обратно, как ни "странно" отсутствие у электрона всякой иной массы, кроме электромагнитной, как ни необычно ограничение механических законов движений одной только областью явлений природы и подчинение их более глубоким законам электромагнитных явлений и т. д., – все это только лишнее подтверждение диалектического материализма. Новая физика свихнулась в идеализм, главным образом, именно потому, что физики не знали диалектики», которая «настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих вех познания природы прогрессирующей наукой человека»²²¹

²²¹ Там же, стр. 276, 277.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.